

Владимир Макеев

КАЖДЫЙ РАССВЕТ БЫВАЕТ ОДНАЖДЫ...

1246577

Москва
"Физкультура и спорт"
1983

ББК 47.2
М 15

Рецензент Д.Л. Дурасов

Макеев В.Ф.

М15 Каждый рассвет бывает однажды... — М.: Физкультура и спорт, 1983. — 126 с., ил. — (Человек и природа).

В сборник включены рассказы и очерки о рыболовах и рыбной ловле. Автор, опытный журналист и страстный рыболов, в непринужденной форме делится с читателем своими наблюдениями на рыбалке, прививает любовь к родной природе.

Для массового читателя.

М 3702020100 — 084 107—83
009(01) — 83

ББК 47.2
639.2

© Издательство "Физкультура и спорт", 1983 г.

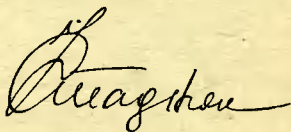
К ЧИТАТЕЛЯМ

"Каждый рассвет бывает однажды..." — прочитали вы на обложке этой книги. О чем же она? Если ответить на вопрос коротко — о рыбаках и рыбе. Автор немало поездил, побывал во многих уголках нашей страны. Доводилось ему рыбачить и в заливах Балтики, и у южных черноморских скал, и в медленных реках средней полосы, и в быстрых, стремительных ручьях Камчатки, и на безымянных, зарастающих травой озерах, и на ухоженных водохранилищах Подмосковья.

Несколько слов о структуре книги. В ее первой части, так или иначе связанной с героическими событиями минувшей войны, собраны рассказы, в которых раскрываются образы и характеры рыболовов. Во втором разделе особое внимание уделяется ловле рыбы. Юмористические истории, приключившиеся на рыбалке, — смешные и грустные, обычные и необычные — составляют третью часть сборника.

Конечно, цель книги не в том, чтобы научить ловить рыбу. Автор делится с читателем тем, что сам увидел, узнал и запомнил, рассказывает о красоте родной природы — нашего большого и доброго друга.

Думается, что книгу Владимира Макеева с интересом прочтут и любители рыбалки, и те, кто пока не приистрастился к этому увлекательному занятию. Им еще предстоит увидеть и ощутить душой щедрость мягких, спокойных красок летнего утра, бездонную синеву неба, волшебную игру солнечных брызг на чуть тронутой рябью поверхности воды. Не лишайте себя такой возможности. Торопитесь! Ведь каждый рассвет и каждый закат бывает только однажды!

СПРОСИТЕ У УТРЕННЕЙ ЗАРИ

СПРОСИТЕ У УТРЕННЕЙ ЗАРИ

Солнце, напоив землю и море теплом и светом, утонуло в бескрайней водной дали, оставив у горизонта неширокую розовую полосу. Заблестела покрывшаяся росой трава. В серой полутьме расплылись очертания кустов и деревьев. Потемнела серебряная вода. Только узкая, прямая тропинка светлой лентой бежала от моря к рыбацкому поселку. Да и она неподалеку от берега пропадала.

Этот тихий летний вечер мы, трое рыболовов, встретили на стрелке-косе, вдающейся в Балтийское море. Приутихла, затаилась готовящаяся к дремотной ночи природа. Но никто из нас не помышлял о сне. Приятно было стоять у воды, щедро отдававшей накопленное за день тепло, смотреть на ее неподвижную гладь, на идущие вдаль, сверкающие огнями теплоходы. Чтобы не разбудить тишины, не спугнуть очарование белой ночи, мы разговаривали вполголоса.

— Как улов? — поинтересовался подошедший к нашей троице мужчина лет шестидесяти, широкоплечий крепыш в черном прорезиненном плаще и светлой соломенной шляпе.

— Что-то мы об улове мало думаем, — ответил я за всех. — Глядим, любимся то закатом, то морем. Прелесть кругом необыкновенная.

— Надо же! И я тоже люблюсь, — проговорил незнакомец. — Я-то не за рыбой сюда приехал, скорее, отдохнуть от трудов праведных. И за прошлым приехал.

— То, что на рыбалке отдых отменный — понятно, а вот насчет "за прошлым"?.. — заметил я, с недоумением поглядывая на незнакомца.

— Долгий это разговор, — прервал он меня. — Впрочем, других-то дел все равно нет. Давайте познакомимся и присядем. Меня Иваном Григорьевичем зовут.

Мы тоже представились и сели на расстеленные плащи.

Вот ведь как порой бывает. Живешь годами с соседями в одном доме, даже на одной лестничной площадке, но дальше "здрате" не идет знакомство. А на рыбалке не успеешь познакомиться с человеком, как сразу начинается откровенный разговор.

Так было и в ту ночь.

— Вижу, вы на меня с каким-то удивлением смотрите, думаете, мол, голова у нашего нового знакомого все время чуток вправо повернута. Уточню — старая военная рана. Отечественную-то я с миноискателем прошагал.

— Сапер, выходит, коль с миноискателем, — заметил я.

— Да, сначала красноармейцем был, после курсов — командиром. Но, конечно, остался все равно сапером.

— А вы расскажите поподробнее, Иван Григорьевич. Ночью рыбачить не разрешается, время есть, как вы сказали.

— С удовольствием. Я уже говорил вам, что после окончания курсов командиром стал. Вскоре началось наше наступление. Тогда я и отметины получил на руках и на шее. Не повезло мне.

— Сапер ошибается один раз?

— Не совсем так. Мина оказалась новой конструкции. Дело-то как было? На дороге к Кенигсбергу подорвалась машина. К месту происшествия выслали наш взвод. Мы внимательно осмотрели прилегающий к месту взрыва участок дороги и нашли в кювете концы изолированного провода. Вместе с красноармейцами осторожно подняли асфальт и под ним на небольшой глубине обнаружили мину.

К тому времени я уже немало разных взрывающихся "штучек" повидал, а подобных не доводилось встречать. Корпус мины был сделан из толстых, пропитанных особым составом досок, а внутри — взрывчатка. Такие "матрешки" миноискатель не обнаруживал, вот и поищи, сапер. А нашел — как подступиться? Утром на зорьке принялись с бойцами за работу и с большими предосторожностями вытащили мину из ямы. Приказал я отойти в сторону и залечь. А сам по полемому телефону рассказываю помощнику, что с миной делаю. Тот записывает, чтобы в случае чего потом самому не ошибиться.

Выяснилось, что мина имела неизвлекаемый элемент с питанием от электрической батарейки. Но я об этом узнал лишь через несколько лет. А в тот раз успел лишь сообщить о замыкающем цепь шарике. Запомнился взрыв, точнее вспышка, и наступила ночь. Меня спасло

не чудо, как считали некоторые, а то, что взрывной удар пошел вверх, а я, за мгновение до него почуяв недоброе, успел метнуться в сторону.

Бывший фронтовик встал, пристально посмотрел поверх камышей на берег, будто мог увидеть места былых боев, и задумался. Никто из нас не прерывал его молчания.

— Для всех солдат война кончилась в сорок пятом, — снова присев, продолжал Иван Григорьевич, — для меня же только через долгих пять лет. Контузия лишила речи и памяти, будто время остановила. Прошли годы, пока эта страшная полоса жизни кончилась. Знаю, не только врачи меня лечили. Природа тоже исцелиться помогла. Спасибо ей и поклон земной.

— Собственно, природа-то при чем?

— Это когда я уже соображать стал, нянечка рассказывала, с чего ко мне сознание начало возвращаться. Весной стало припекать солнце, прилетели птицы, на деревьях появились первые листья, и я словно пробуждался. Вышел из здания больницы, посмотрел на побеги травы, на деревья. Так задумчиво, внимательно глядел, вроде припоминал что-то. Ливень хлынул. Сильный, щедрый на воду. Подошел я к луже, каким-то прутом начал водить, будто рыбу вытаскивал.

Тоже потом припомнил, что душу осветило тихое спокойствие. С этого момента и на поправку пошел. Конечно, скоро сказка сказывается, да долго дело делается. Многие месяцы болел. По крохам память восстанавливалась... Пчела у окна зажужжала, напонила, как мальчишкой во время покоса налетел на гнездо диких пчел и пришлось матери примочки мне делать. Вспомнилось многое, что с родным домом связано.

Никогда раньше не предполагал, что все в природе радость несет: и промелькнувшая в небе птица, и залетевшая в больничную палату сонная муха, и солнце, и даже плохая погода. Настроение улучшалось, а соответственно и здоровье. В общем, и прошлое и, считаю, будущее появились у меня вместе с памятью.

Не по календарю, в окно по деревьям следил, как сменялись времена года. Зацвела черемуха, потом яблони отцвели, листья раскрасились в красный и желтый цвета — это уже когда выписывался.

Рыбалка и все, что ей сопутствует: воздух, солнце, физические нагрузки, бодрое настроение — постепенно возвращали здоровье.

Первую после долгих лет забытья рыбалку навсегда запомнил. Забросил снасть к кромке растений. Поплавок вскоре утонул, и вытащил я толстого, широкого горбача-окуня. Налюбовался, значит, добычей, насадил на крючок червя побойчее и опять забросил удочку. Поплавок погрузился по перо и быстро поплыл от берега. Я резко поднял удилище и не увидел ни рыбы, ни крючка. Здоровенная, думаю, рыбина была, коль ее леска в полмиллиметра не выдержала. Так вот, хотите верьте, хотите нет, а стоял я у берега и чувствовал, будто из воды через леску и удилище сила в меня вливается.

Иван Григорьевич немного помолчал, словно обдумывая что-то, и как мог высказал свои мысли о том, как природа укрепляет здоровье.

Первую часть жизни человек как бы поднимается в гору, а вторую спускается все быстрее и быстрее. Важно на вершине подольше задержаться. А спуск под уклон можно замедлить, если за деревья, за кусты придерживаться, не по голым откосам, а по травке скользить... Вот нам и надо не по пыльным улицам гулять, а по лесу, дышать его чистым воздухом, отдыхать не у телевизора, а у речки, ходить не по асфальту, а по травушке-муравушке.

Природа, скажу, исцеляющее средство от всех болячек — настоящих, прошлых и будущих. Теперь, раз жизнь под гору идет, решил проще ко всему относиться: здоров, бодр, значит, счастлив, природе радуюсь, и солнцу, и небу, и облакам — всему на свете!

О многом переговорили мы в ту летнюю ночь. Когда рассвело, Иван Григорьевич поднялся, оглядел море и берег и с восхищением сказал:

— Посмотрите, как чудесно вокруг!

Посветлело небо, из серого оно превращалось в нежно-голубое. Ширилась бледно-розовая полоса на востоке, и все вокруг приобретало розоватую окраску, даже зеленые косы тростника, чуткие листья кустов, низкорослая прибрежная трава и сыпучий песок.

Первые лучи солнца, осмотрев рыбы ночевки, разбудили водяных жителей. Рыба приветствовала начинающееся утро радостными всплесками. Невдалеке от нас после каждого удара появлялись расходящиеся кольца.

— Заговорил я вас, — заметил Иван Григорьевич, — а рыбалка не только разговорами красна.

Он подошел к воде и забросил скользящий поплавок и мормышку. Поплавок сразу задрожал и погрузился.

— Плотва, — заметил он и в самом деле вытащил плотвицу с ладонь.

— А почему на ту же насадку, на мотыля, у меня ерши идут, а у вас плотва? — спросил я.

Иван Григорьевич достал из кармана кусочек поролона с приколотыми к нему мормышками и, отцепив дробинку, показал крючок. Его цевье было так обмотано черной ниткой, что получился шарик размером со спичечную головку. Концы ниток торчали в стороны на три-пять миллиметров, словно усики.

— Рыба принимает шарик за муху или за другое насекомое, а мотыль запах придает...

Неподалеку в кустах прозвучала птичья трель. Первая — робкая, потом более смелая и сильная. Ее подхватили другие птицы. В обрамленном тростниками окне воды появилась стайка уток, но, увидев людей, они торопливо поплескались в воде и, взмыв, полетели куда-то по своим утиным делам.

Дохнул ветер, и на воде заплясали солнечные блики сначала медленный, потом все более ускоряющийся танец. С моря повеяло свежестью. Заговорили между собой высокие травы. Еще ярче заблестели искринки — капельки росы. Начинался пронизанный солнцем день.

Улов наш был не слишком богат. Видно, залюбовавшись великолепием утра, забыл о нас бог Меркурий — покровитель рыболовов.

А мы шагали к поселку по серебряной росе и думали, что спят еще люди и не знают, что рядом с ними есть такие счастливые! И каждый нес не простых рыбок, а золотых, как та, что выполняла желания сварливой старухи в "Сказке о рыбаке и рыбке". Золотистые рыбки исполнили и наше желание: быть с природой, наслаждаться ее красотой.

— И почему считают, что волшебные рыбки бывают только в сказках? — спросил Иван Григорьевич.

Мне не хотелось пугать утреннюю тишину, и я ответил коротко и, наверно, не очень понятно:

— Спросите у утренней зари!

ТАЙНА ЛЕСНОГО ОЗЕРА

Первые лучи солнца, скользя по невысокому прибрежному холму, упали в озеро. Заблестела, засеребрилась вода, только на глубине осталась темной, будто не проснулась еще укрытая черной ночной шалью. Легкий

порыв ветра склонил к воде кудрявые кусты. Распрямились они не сразу. Наверное, хотели подольше полюбоваться на свое изображение в зеркальной озерной глади. Недвижимыми остались лишь стройные зеленолапые сосны. Подняли головы цветы на лугу и радостно закивали своим водяным собратьям — лилиям, которых на озере было множество.

Это красивое озеро местные жители называли Глазом. Да, по форме оно напоминало глаз человека: продолговатое, с чернеющим зрачком — темно-зеленой водяной растительностью по середине, ресницами — кустами и деревьями по берегам.

Раскинулось оно далеко от деревни, к тому же было окружено каким-то ореолом таинственности, наверно, поэтому местные жители редко приходили к Глазу, и на заре в это утро я был у озера один.

С небольшого холма я спустился к воде. Здесь большие глубины начинались сразу, у самого берега, и почти у ног росли крупные белые лилии. Я потянулся за одной из них и неожиданно услышал тихий голос:

— Не рвите, не надо здесь рвать!

Я вздрогнул: ведь вокруг никого не было!

Оглянувшись, увидел старую сгорбленную женщину. Она шла из прибрежных кустов с корзинкой грибов. Старушка подошла к пригорку и неторопливо присела на траву.

— Ты прости меня, старую, что напугала тебя, сынок.

— Ничего, мамаша, не беда. Только почему рвать-то нельзя?

— А ты послушай, что расскажу, тогда поймешь. Вот стал бы ты рвать цветы на могиле?

— Но здесь, на пригорке, нет могил.

— На пригорке-то нет, а вот у пригорка...

Я внимательно посмотрел вокруг: возле холма — бесчисленные зыбкие кочки, лишь в одном месте подступал к нему клин луговины с высокой зеленой травой. Нигде не было ни каких-либо знаков, ни других следов захоронений.

— Где же у пригорка, мамаша? Может, забыли вы что-нибудь? Не в воде же?

— Как раз в воде, сынок.

Старушка ненадолго умолкла, а я смотрел на ее доброе морщинистое лицо с выразительными карими глазами, на аккуратно причесанные седые волосы, натруженные руки, узкие сгорбленные плечи.

— Уж много за восемьдесят мне, тогда в войну-то больше пятидесяти было. Не гляди, что старая, все помню. И бой тут, у лесного озера, помню. Ходила тогда не-подалеку отсюда, грибы собирала вдоль лесной дороги. Не сказала тебе еще, что тогда деревня-то наша под немцем была. Мужчины да бабы кто в армии был, кто к партизанам подался. Старые да малые остались. А кормиться-то надо! Ходили мы за грибами да ягодами — большое это подспорье в голодные годы. Иду я, значит, по лесной дороге, вдруг — грохот. Спряталась за деревья. Смотрю, машина — танк со звездой. Обрадовалась, что наши. Знали мы, что Красная Армия наступает на фронте. Вышла я на дорогу, давай танкистам рукой махать. А один-то командир, что из люка высунувшись стоял, тоже меня увидел и рукой помахал. Что-то, видно, спросить хотел. Может, разведку они вели, я не знаю. Но тут слышно стало, что на другом конце дороги тарахтят мотоциклы. Танкист мне замахал, убегай, мол, подальше. Я скорее сюда, к озеру, в кусты спряталась. Спряталась, значит, да все-таки смотрю, что это приключается. Танк наш попятился и схоронился недалеко от дороги. Пронеслись мимо него мотоциклисты, а за ними показались танки. К нашим в тыл, видать, по лесной дороге хотели проскочить, а танкисты-разведчики порешили задержать фашистов. Да это я так считаю. Что танкисты-то думали — знает только лесное озеро.

— Озеро? Они потом к нему отошли?

— А ты не спеши. По порядку все рассказывать буду... Мотоциклистов-то наши бойцы пропустили, а как только фашистские танки подошли, по первому же ударили. Загорелся он и другим дорогу загородил. Заметались немцы. В одну, в другую сторону сунулись, чтоб первый танк обойти, да не могут, дорога узкая, кругом деревья. Стрельбу кромешную открыли, изверги, да больше для острастки, сами-то никак не поймут, кто им всыпал. А я радовалась, что наших не видят и живы они, целехоньки. Да, видно, рано радовалась. Поняли враги, откуда по ним палят. И туда все стрелять стали. Подбили наши еще двух фашистов, но и самим им, сердечным, досталось. По луговине, что тут под нами, стал он к озеру уходить. Немцы, с мотоциклами которые вперед уехали, тоже вернулись. "Рус, сдавайся!" — горланили, гранаты бросали. А наши по ним из пулемета. Да не видно фрицев-то, в кустах прячутся.

Старушка говорила взволнованно, словно снова

переживала весь тот бой. Я набрал в озере студеной воды и подал ей фляжку. Женщина чуть успокоилась и стала рассказывать дальше.

— Вдруг загорелся наш танк. Полыхая, двинулся он по лугу, прямо по открытому месту — к озеру, будто жажда нестерпимая туда его звала. Могли, конечно, танкисты выскочить, да не скрылись бы: все, что у воды делается, с дороги видно. Фашисты и стрелять перестали, думали, наверное, что вылезут бойцы из танка и в плен им сдадутся. Да наши-то иначе порешили. Взошел танк на пригорок и, разогнавшись, полетел вниз, будто не железная машина, а огненная птица. Приняло озеро героев. Огонь погасило. Немцам, что к озеру подбежали, ни одного нашего не отдало — никто не выплыл. Все сделалось, как солдаты задумали. Жаль, что не успела тогда узнать хотя бы командира их по имени. А теперь эту тайну хранит озеро. Ныряли тут с масками, да не нашли ничего, озеро-то, почитай, бездонное, кругом и на дне топь — все засасывает.

Мой-то сынок единственный тоже на войне механиком-водителем был. Отписали из части, что пропал без вести. Куда ни обращалась, ответ один — пропал. А как знать, может, он здесь на дне спит. Иногда кажется, что видел он меня, когда их старшой мне махал, чтоб подалее уходила. Видел он, да не сказался — может, не успел, а может, не хотел расстраиваться перед боем. Эту тайну тоже озеро хранит...

Я не ходил больше в то лето рыбачить на лесное озеро, но, проводя через несколько лет отпуск в тех же местах, однажды вышел к нему. Оно было по-прежнему очень красивым. Разрослись кусты, лилий было еще больше, особенно около холма, у которого спят танкисты. Я наклонился к белой кувшинке и вдруг услышал: "Не рвите. Не надо здесь рвать". Огляделся вокруг, но никого не было. Это ветер пел свою песню.

ПЛОТИНА

Говорят, что человек без друзей словно дерево без корней. Такими вот неразлучными друзьями были московские инженеры Трофим Степанович и Иван Николаевич.

Много лет назад, когда шла война и вместе летали они на бомбардировщике, крепко-накрепко связала их

фронтальная дружба. Отгремели бои, друзья одновременно уволились в запас, институт закончили. На одном заводе работали и рядом жили. Даже на пенсию ушли в один и тот же день.

— Наконец отдохну, проветрюсь на речках и озерах, рыбу половлю, — радовался Иван Николаевич, хлопая приятеля по плечу. — Чем не житуха?

— Верно говоришь, браток, вместе махнем. А я еще в шахматы где-нибудь в скверике буду сражаться, пока не надоест, — в тон ему отвечал Трофим Степанович.

Но для начала решили друзья давнюю задумку осуществить, побывать на реке Свирь, в том самом месте, что больше всего запомнилось им в годы войны. Тогда, в июне сорок четвертого, летчик Трофим Степанович, штурман Иван Николаевич и их боевые друзья получили необычное задание.

Готовилась Свирско-Петрозаводская операция. Целью ее были полное освобождение от противника Ленинградской области, Южной Карелии, Кировской железной дороги, Беломорско-Балтийского канала и выход к границам Финляндии.

Линия соприкосновения с противником на Карельском фронте проходила по реке Свирь. Только восточнее Лодейного Поля в районе Подпорожья враг имел на левом берегу плацдарм и хозяйничал на Свирьстрое. В любой момент враг мог взорвать плотину, и тогда гигантская волна смыла бы наступающие войска. Получалось, что форсировать реку нельзя до тех пор, пока не будет спущена скопившаяся за плотинной вода.

Конечно, можно разбомбить плотину самим, но ведь жалко разрушать созданное своими руками, тем более, что вот-вот она окажется нашей. Как быть?

И тогда кто-то высказал идею разрушить только затворы для спуска воды во время весенних паводков.

Так и решили сделать. Фронтальная авиация наносила по затворам бомбовые удары, по ним была артиллерия, но чтобы разрушить систему затворов, нужна была очень высокая точность попадания. Достигнуть ее не удавалось.

Вот тогда командующий фронтом генерал армии К.А. Мерецков пригласил к себе командира полка морских летчиков подполковника И.И. Борзова и сказал, что задачу можно решить топмачтовым бомбометанием (сбросить бомбы на малой высоте, чтобы, срикошетировав от воды, они попали в шлюзы плотины и подорвали затворы).

Собрав летчиков полка, Борзов объявил, что полетят пятнадцать лучших экипажей. Бомбить с высоты тридцати метров. Свирь — река могучая: четыреста метров от берега до берега, плотина широкая, а затворы невелики. Попасть в них — все равно, что угодить в самый центр мишени. Сработать надо с ювелирной точностью.

В Карелии тогда стояли прекрасные солнечные дни. В такую погоду можно было надежно прикрыть бомбардировщики истребителями и нанести точный удар.

...Самолеты на бреющем полете приближались к плотине. Впереди по курсу уже показалась ее высокая насыпь. Иван Николаевич вписал ворота шлюза в прицел, летчик нажал кнопку бомбометания. Бомбы, падая по касательной, ударялись о воду и, подпрыгнув, словно сильно брошенный плоский камень, точно легли в цель. К небу взметнулись столбы огня и воды.

Через считанные секунды авиаторы увидели результаты бомбежки. Вспенившийся поток рвался через проран, образовавшийся в теле плотины. Могучая вода двинулась вниз по реке. Почти шесть часов бушевал поток, прежде чем река вошла в русло. Мутный рокочущий вал докатился до самой Ладоги. Путь для наступающих был открыт.

Кто из топмачтовиков попал в затворы, не смогли бы сказать ни летчики, ни штурманы. Но это уже было не важно. Главное — задание было выполнено.

21 июня по укреплениям противника на правом берегу Свири два часа била артиллерия. Первым двинулся вперед "тряпичный десант" — плоты, на которых были лишь чучела, одетые в красноармейскую форму. Каждый плот подталкивали специально отобранные добровольцы. Уцелевшие огневые точки врага открыли по плотам огонь, обнаружили себя и были подавлены нашей артиллерией. Через реку двинулись основные силы 7-й армии Карельского фронта...

И вот теперь к местам боев ехали два ветерана.

Ранним утром Трофим Степанович и Иван Николаевич, прошагав немало километров, вышли к реке. По обе стороны Свири еще дремал лес. Встававшее солнце золотило воду, все ярче расцветчивало молодую зелень, серебром переливалось в бисеры росы. Звонко пели проснувшиеся птицы.

— Ниже переката ловить будем, — показал на отмель неподалеку от берега Иван Николаевич. — Там течение послабее, хотя оно здесь везде не очень сильное.

— Вот удобное место для рыбалки, — заметил Трофим Степанович, показывая омут у берега. — Доски лежат, сесть можно.

— Э, браток, в удобных местах вся рыба давно уже выловлена, — возразил ему Иван Николаевич. — Давай у куста удить, где я сказал. Песочек. Окуньки могут быть, пескари.

Трофим Степанович согласился и забросил снасть. Почти тут же поплавков его удочки повело в сторону, и он вытащил желто-серую рыбку, покрытую темными пятнышками.

— Один пескарь попался, жди следующего, — заметил Иван Николаевич. — Они на отмелях держатся. В глубину идти боятся. Хотя быстр пескарь, щука да окуни проворнее.

— Любознательная рыба, — согласился Трофим Степанович. — В детстве, помню, зайдешь в речку, замутишь воду, тут же тебя пескарь носом в ногу ткнет. Но руками его не поймашь.

Солнце поднялось довольно высоко. Друзья разделались, подставили ласковым лучам бледные тела. Монотонно погудел плывший высоко в небе самолет.

— А знаешь, мне, когда отводил самолет от плотины после бомбежки, — вспомнил Трофим Степанович, — странная мысль в голову пришла: искупаться бы. Вот ведь как бывает!

— Так ты теперь, через сорок лет, свою задумку осуществи. Я тоже водичку испробую, — поддержал друга Иван Николаевич.

Выкупавшись, приятели позавтракали. Трофим Степанович собрал с газеты крошки и бросил в воду. В тот же миг на ее гладкой поверхности побежали кружки. К добыче бросилась стайка уклеек. Покончив с остатками хлеба, рыбки принялись гоняться за плавающими по воде травинками.

— Красивые, — кивнул Иван Николаевич на не знающих покоя рыбок. — Бока серебристые, блестящие — в чешуе у уклеек крупницы жемчуга. Рыбзаводы ее для переработки заготавливают. Впрочем, нам жемчуг не делать. Рыбу почистим, промоем и на десять минуток в кастрюлю с кипящим растительным маслом. Вот шпроты и готовы.

— Шпроты — это хорошо, — согласился Трофим Степанович, немного углубил поплавков, насадил на крючок катышек хлеба и добавил: — Не только шпроты хороши,

в сметане поджарить — объединение. Но рыбу еще поймать надо.

— Поймаем. Аппетит у них превосходный. С утра до вечера за добычей гоняются. Да и ночью тоже.

Поблизости от места, где рыбачили друзья, в небольшом мелководном заливишке что-то забилося, захлопало по воде. Надев очки, Трофим Степанович увидел у зарослей травы кукан с рыбой.

— Откуда он мог взяться? — проговорил рыболов. — Никого вокруг, все глаза высмотрел.

Рыбу, видно, принесло с верховьев. Жив был лишь один крупный окунь. Он отчаянно бился, чем и привлек внимание. Менее живучая плотва испортилась, у нее побелели глаза и жабры.

— Потерял кто-то улов или бросил, — недовольно проговорил Трофим Степанович и закопал снулую рыбу поглубже в песок. — Послушай, нам, пожалуй, хватит, потопали.

— Не рано ли? Не люблю с рыбалки уезжать, нож это для меня острый, — ответил Иван Николаевич, забрасывая леску.

— Сейчас не уедем, — следующего поезда долго ждать придется. Порыбачили, пора и честь знать, — настаивал Трофим Степанович.

— Ладно, уговорил. Экой ты несговорчивый: поедем да поедем. Еще бы порыбачили, — заметил Иван Николаевич.

— Не последний же раз на рыбалке. Теперь это место наше, законное. Мы эту плотину спасли — нам здесь и рыбалить. Веришь — нет, словно на встречу со старым другом пришел. Так что успеем еще, наловимся. Какие наши годы!

ДОМИК У МОРЯ

Лет десяток тому назад, уйдя уже на пенсию, купила Анастасия Акимовна самый дешевый, на какой скопленных деньжат хватило, домик и доживала теперь в нем свой век.

Домишко стоял у самого моря, был приземистым и ветхим, почернели от многих ветров и дождей бревна стен, растрескалась дранка поросшей серым мхом крыши. Окружавшие дом разросшиеся кусты калины и боярышника придавали ему таинственный и даже мрачный вид.

Но все равно любила свой домишко Анастасия Акимовна и жила бы себе да радовалась, если бы не одна беда: не сложились у нее отношения с соседями. Все они были коренные, местные, давно знали друг друга, а потому, может, и приняли чужачку без радости. Никто, правда, слова ей резкого не сказал, но она и сама все поняла, обратившись раз-другой с просьбой к соседям.

Да тут еще кличка за нею увязалась — Страшилище. Услыхала она это слово за спиной сказанное. Потом еще как-то. Из-за шрама, наверное, что красной полосой пересекал правую щеку старой женщины.

Почему ее не любят? Что плохого она сделала людям? Да ничего. Хотя, возможно, кто-то думал иначе. Лечила как-то соседскую девчушку. Травами в основном лечила, до приезда врача. Умерла несчастная девочка. Доктор-то подтвердил, что верно делала, когда настой калины и черники давала. Умерла девчушка на руках у врача, а о старухе разговоры пошли: уморила девчонку.

В прошлом году коза сдохла, у ее дома свалилась. Кто-то слух пустил: "Такого раньше не случалось. Проклятие из избы у моря идет".

Дальше — хуже. Пошли женщины на болото за клюквой, заблудились, опять разговоры: "Страшилище с нечистой силой дорогу покривили".

Деревенские дети с каждым взрослым первыми здороваются. Здоровались и с ней, но угрюмо как-то, настороженно, не ожидая ответа, убегали.

А потом, словно чувствуя неприязнь взрослых, стали дети злые шутки шутить. Один мальчишка, тот, что нравился ей больше всех, Костя, незаметно привязал к ее поясу длинный хвост из мочала, а она, почуяв неладное, обернулась, оступилась и упала...

Костя, о котором вспомнила старая женщина, худой, слишком высокий для своих десяти лет, сидел вместе с друзьями — сверстником Борисом и восьмилетней Тиной — на опушке леса и, показывая в сторону "домика на курьих ножках", говорил:

— Опять хрычовка колдовать вышла. Не зря ей во всех делах фартит.

— Точно. Прошлым летом пойдет за ягодами, корзину пребольшую принесет. А за грибами, так одних боровиков и подосиновиков насобирает, — поддержала его Тинка.

— Это что, — степенно, как говорят взрослые, вставил слово медлительный крепыш Борис. — А на рыбалке... У нас клюет мелочь, а у нее во, — развел он в стороны не по-детски большие руки. — Красноперки самые крупные, окуни — горбачи полосатые, лещи — что твои поленья.

— А я видела, как она пустую коробочку от сигарет в карман передника сунула, — добавила Тинка. — В канаве подняла, у нашего дома, и скорее себе.

— А зачем? — удивился Костя.

— Откуда я знаю? — ответила девочка, пожимая плечами.

— Дела-а! — пробормотал Костя.

— Вышла Страшилище на крыльцо, сразу солнце за тучу загнала, — заговорил Борис, — на рыбалку с черным котом ходит, — он посмотрел в сторону старухино домика и добавил недавно услышанное от взрослых: — Загадка века!

В это тихое солнечное утро ничто, казалось, не предвещало беды. Росные травы наполнили воздух душистой свежестью. В сыром, еще дремлющем лесу птицы приветствовали рассвет радостным пением. По тихому, спящему поселку быстро шагали к морю двое: Борис и Тина встали пораньше, надеясь на зорьке половить лещей.

Лодка была привязана на мелководье к высокому толстому колу, вбитому в песчаное дно довольно далеко от берега. Ребята добрались до нее, вымокнув до пояса, сложили удочки, поставили под скамейку банку с червями. Борис сел на весла, Тина примостилась на корме, и лодка заскользила к каменной гряде, за которой началась глубокая яма.

— Борька, смотри, — показала Тина на стоящую вдалеке от берега зеленую лодку. — Старуха рыбу ловит. Опять с котом.

— Страшилище-то? Вижу! В клетчатый платок нарядилась, как на праздник.

— Чем ей не праздник? Вся рыба, небось, к ней сбегалась.

— Проверим, проверим, — пробормотал Борис. — Вот здесь и порыбалим. Лещи каменистые гряды да глинистое дно любят.

Он привязал конец бечевы за кольцо на носу лодки и медленно, без всплеска опустил тяжелый железный

якорь. Осторожно вернувшись к скамейке, Борис сел и опустил леску за борт.

— Метров шесть глубина, — сказал он Тине, укрепляя поплавок.

— А что едят леци? — спросила Тина (она никак не могла усидеть спокойно, без разговоров).

— Рачков едят, водоросли, червяков, — ответил Борис. — А ходят стаями.

— Скорее бы за наших червяков принялись.

— Не шуми, — шепотом прервал ее Борька. — Видишь, пузырьки идут. Леци кормятся в иле.

Мальчик хотел еще что-то сказать, но замолчал, увидев, что его поплавок лег на воду и от него пошли круги. Борис поднял конец удилица и несильно подсек. Убедившись, что на леске кто-то заходил, он взял капроновую жилку в руки и, не давая слабины, подвел подлещика к подсачеку.

— Начало есть, — радостно проговорил он, снимая с крючка серебристую рыбку.

Мальчик опустил в воду привязанный к скамейке садок, и в этот момент Тина вытащила рыбку граммов на семьсот.

— Лещ, лещ, — звонко закричала девочка. — Такого никто не ловил.

— Везет тебе, — вздохнул Борис. — Первый раз забросила и чудесного подлещика отхватила!

— Какой подлещик? Настоящий лещ! — с досадой заверещала Тинка. — Как не стыдно! Сам ты подлещик!

— Ладно, будь по-твоему, — отмахнулся Борька. — Только не кричи, всю рыбу распугаешь.

Увлеченные рыбалкой, дети не заметили, что погода внезапно переменилась. Порыв ветра пробежал по траве, словно гигантской гребенкой пригладил ее, вздыбил волны. В лесу зашептались, зашелестели ветви берез, зашкрипели елки и сосны. Лес запел унылую, грозную песню. Дети поздно поняли, какую беду несут ветер и море. Когда мальчик вытаскивал якорь, сильный порыв ветра перевернул наклонившуюся лодку...

Анастасия Акимовна в это время уже подгребала к берегу. Она заметила, что Борис уже снимался с якоря, и была спокойна за них. Но, обернувшись в последний раз, она не увидела ребят: высокие волны легко, словно притопленный поплавок, раскачивали перевернутую лодку. Старая женщина изо всех сил заработала веслами: "Не успею, погибнут". У самой лодки она торопливо

сбросила резиновые сапоги и кофту и перевалилась за борт. Набрав побольше воздуха, она нырнула под перевернутую лодку и, увидав босые детские ноги, поняла, что Борис и Тина держатся за скамейку и дышат оставшимся в лодке воздухом. Осторожно, чтобы не удариться о борт или днище, она всплыла к скамейке:

— Не бойтесь, ребята. Крепче держитесь. Я к берегу за цепочку лодку поведу. Ноги до дна достанут, помогать будете.

Удачно проплыть бы между камнями гряды, дотачиться до мелководья. Лучше бы в свою лодку посадить ребят, да где она? Ее уже угнал ветер вместе с любителем рыбы — черным котом. Старушка развернула лодку носом к берегу. Маленький домик на берегу, на который Анастасия Акимовна то и дело посматривала, приближался медленно. Плыть пришлось, работая одной рукой. На другую она намотала цепочку, к которой обычно крепился замок. Сердитые пенистые волны били в лицо. Соленая вода забивала рот, нос, слепила глаза. У старой женщины закружилась голова. Она почувствовала, что на несколько секунд остановилось сердце. "Стучи, стучи, хотя бы до берега", — приказала она, и сердце словно послушалось ее.

Анастасия Акимовна поплыла неторопливо, экономя силы. Она позволила себе лишь одну короткую передышку в момент, когда белый туман застлал глаза. Чуть полегчало, и она снова увидела домик.

Волны вздымали лодку, качали худенькое тело старушки, а она плыла, медленно приближаясь к берегу. Внезапно разразился сильный дождь, будто поспешил на помощь. Ветер сразу стих, улеглось волнение, плыть стало немного легче...

Последние силы покидали Анастасию Акимовну, когда ее ноги коснулись песчаного дна. Протасив лодку еще несколько метров, старушка хотела позвать детей, да пропал голос. Снова закружилась голова. К горлу подступила удушливая тошнота. И тут из воды появилась мокрая голова Тины, а следом за ней и Бориса.

Ребята взяли ее под руки. Навстречу уже спешили взрослые. Отец Бориса, столкнув в воду шлюпку, отправился на розыски лодки старушки с "колдовским" котом.

Сидя на высокой кровати с никелированными шарами, Анастасия Акимовна принимала гостей.

Тина взяла обеими руками левую руку старушки, плотно перебинтованную марлей:

— Как ваша рука? Сильно вы ее цепью поранили?

— Заживает, доченька, помаленьку. Мажу ее настоем из корней калгана, соком мать-и-мачехи.

— Знаю, знаю, — закивала головой Тина. — Мать-и-мачеху рвешь, так руки от сока липкие, даже грязь пристает.

— Сядь, не встречай со своими грязными руками, — солидно проговорил Борис. — Полная изба шума от тебя. Вот рыбки мы вам принесли, положили в кухне на окно. Приготовим с Костей уху, и поджарить останется. А вообще-то рыба плоховато клюет.

— Спасибо, мои золотые. Знаю, что не всегда удачно ловите, — улыбнулась старушка. — Хотела научить, да раньше мало приходилось с вами разговаривать.

Ребята, потупив глаза, молчали. Анастасия Акимовна подумала, что, пожалуй, зря она об этом напомнила.

— На "обманку" иногда ловлю. Беру фольгу от сигарет, обертываю вокруг лески и крючка до его изгиба. А красную полоску на фольге снизу затягиваю узлом и миллиметра три на "усы" оставляю. А сверху фольгу нитками завязываю. Вроде как серебристая сигарета получается. Сплющишь ее — и рыбка готова. Чтобы тонула, сверху груз — оливку — ставлю. Вот и вся снасть. На нее даже большие окуни клюют.

— А я-то думала: зачем вы пустую пачку однажды подняли, — не удержалась Тинка. — Еще вы червей ищите не на огороде, как мы, а в старом камыше на берегу. Почему?

— Ну, почемучка, тут совсем просто. Рыба привычнее к тем лакомствам, которые встречаются чаще. Когда прилив идет, он сухой камыш и червей поднимает. Рыбы знают об этом, к такой пище и приучились. С возрастом рыба, что и человек, осторожнее становится, на "чужаков" не больно клюет. Такие дела, ребятки.

— А вот зачем вы вечером по росе все ходите да ходите? — решил выяснить все до конца обстоятельный Борис.

— Старая, Боренька, я, бессонница мучает, у пожилых людей бывает. Босыми ногами по росе походишь, спишь, точно младенец, даже снов не видишь. Не моя выдумка, врач еще в госпитале советовал больше босиком ходить. Говорил, что науке неизвестно почему так, но подтверждал, что хороший сон это дает. По себе знаю.

— Я пойду рыбу почищу, — предложил Костя.

— Костик, чтобы она лучше чистилась, возьми каждую рыбку за голову и за хвост и потяни, пока хруст не услышишь. Чешую легко будет очищать и кожа целой останется, — подсказала женщина. — Из рыбы, что на ушицу пойдет, не забудь жабры и глаза вытащить, а на жареного головы обрежь, масла меньше пойдет. На полке возьми постное.

— Вы, бабушка, про госпиталь и доктора сказали, потому что в войну на фронте были? — спросил Борис.

— Пришлось.

— Ой, расскажите, бабуля, — попросила нетерпеливая Тинка.

— Хорошо, хорошо, деточки, расскажу.

Анастасия Акимовна уселась поудобнее и неторопливо начала:

— В войну это, ребятки, было, в сорок втором году. В Ленинграде тогда зима лютовала холодная и голодная. Город в немецкой блокаде находился. По льду Ладожского озера проложили дорогу. По ней-то под бомбами, обстрелами, через сугробы и полыньи везли защитникам города снаряды, муку, крупу, сахар — все, что надо. Трудно приходилось, особенно шоферам. А я, забыла вам сказать, тоже водителем была.

Продукты и боеприпасы нам надо было доставлять и на острова, где тоже сражались наши воины. Везли грузы из Ленинграда в Кронштадт, потом на Ораниенбаумский пятачок, а с него, вот от наших мест, — к острову Лавансари, сейчас он Мощным называется. Это почти сто километров.

Приближалась весна, и до времени, пока пойдут по морю суда, надо было запасти продукты для гарнизона. В апреле, когда в Ленинграде полегче стало с продовольствием, заспешили к острову машины. Путь был трудный, по изломанному ветром льду или по гладкой, знаете, как стекло, поверхности, где нельзя было даже затормозить. Ехали чаще всего ночью, в кромешной тьме, потому что немецкие самолеты за каждой машиной охотились.

Да если бы только самолеты! По дороге от маяка, вы, ребята, его знаете, до Лавансари немцы засады устраивали. И еще один враг появился — вода на льду, не увидишь под ней полынью или трещину.

Помню, перед последней поездкой на остров нас, шоферов, собрал командир — старший лейтенант Судин.

— "Всего пойдет шестнадцать машин, — сказал он. — Я поеду на первой. Если что с ней случится, колонну поведет следующая. Сейчас во льду появились трещины, ночью можно их не заметить. Днем будем прорываться. Благо прогноз погоды плохой, не смогут летать фашисты".

Вскоре мы начали подгонять грузовики к складу. Машина со счетверенным пулеметом краснофлотца Романа Кругова — первая в колонне, моя — вторая. Осмотрели мы машины, убедились, что все в порядке, разговариваем с Романом.

"Тебе что грузят?" — спросил он. "Муку", — говорю. "А мне пшенку". — "Ясненько. Я ее до войны терпеть не могла. Мать, бывало, сготовит, нос воротила. Только, мол, на прикормку рыбам она и годится. Просила картошечки". — "Небось еще и жареной?" — перебил Кругов. Губы, помню, облизал. Есть-то все время хотелось.

Старушка поглядела в окошко, перевела взгляд на ребят и тихим голосом продолжала:

— Спешили мы. Ускоряли ход, когда проходили гладкий лед, потише ехали на неровных участках. "Если торосы проскочим, — думала я, — значит все будет в порядке. А что это за снежные бугры впереди справа?" Додумать я не успела. От бугорков полоснули пулеметные трассы. Длинная очередь прошла правый борт головной машины. Потекли на лед струйки пшена.

Когда полуторка Кругова отвернула, первой в колонне оказалась моя машина. Я прибавила скорость, и в этот момент пуля обожгла мне щеку. По сей день, видите, отметину ношу. Почему-то подумала, что повезло, ранение пустяковое, стало быть, повезет и дальше.

— А что немцы-то? — прервала рассказ старушки Тинка.

— Об этом как раз и хочу рассказать. Полуторка Судина и Кругова со счетверенным пулеметом приблизилась к фашистским огневым точкам, словно хотели они машиной прикрыть всю колонну. И прикрыли, только не грузовиком, а огнем. Судин заставил замолчать один вражеский пулемет и перенес огонь на другой. Вскоре замолчали остальные пулеметы. Кругов стал догонять колонну.

А я вела остальные машины. У острова новая опасность — надо льдом серая вода. Но тут колонну встретили два краснофлотца и пошли метрах в тридцати впе-

реди нас, показывая, где на дороге нет промоин и крупных трещин. А вот выдержит ли лед машины с грузом, сказать не могли. Но все обошлось, машины дошли благополучно.

Старший лейтенант Судин доложил начальнику гарнизона о бое с немецкими пулеметчиками, о количестве доставленных продуктов, рассказал и о том, сколько пшена там на льду осталось. Стали вызывать добровольцев то пшено собирать, я и вызвалась. Тогда и руки обморозила, в госпиталь угодила.

Помню, после войны появилась песня о фронтовых шоферах, что вели машины, объезжая мины. Но, наверное, за все годы боев только нашей автоколонне пришлось под огнем врага объезжать желтые кучки пшена.

— Вы, Анастасия Акимовна, и приехали сюда потому, что здесь воевали? — тихо спросил Костя.

— Умный ты, Костик, мальчик, все, в общем, правильно говоришь. В конце войны меня еще раз ранило. Инвалидом стала. Работала, пока могла. Потом врачи посоветовали в деревне жить. Вот и приехала. Вроде как встретила с фронтовыми друзьями, хотя в живых мало их осталось. Чудесная вещь память: любой день жизни можно вернуть, вроде как прожить заново. Теперь вы, детишки, для меня самое дорогое. Своей-то семьи не было. Кому я нужна, Страшилице.

— Никакая вы не страшилице, бабуля, а самое настоящее добрилище. Красивая вы, когда про войну говорите, — на глазах у Тины даже слезы заблестели.

— Мы теперь с вами, Анастасия Акимовна, дружить будем, — сказал, серьезно посмотрев на ребят, Костя. — Правильно?

— Еще как правильно! — поддержали его ребята.

— Давайте вместе и в лес, и на рыбалку, — предложил Борис.

— Верно. За форелью хочу сходить. Вам удить ее не приходилось? — спросила Анастасия Акимовна.

— Не, мы в заливе рыбачим, там такой рыбы нет, — за всех ответил Костя.

— Тогда, ребятки, приготовьте удочки подлиннее и полегче.

— У меня есть бамбуковая, вышиной с ваш дом, — показал на потолок Борис. — Пойдет?

— Может, и сгодится, да лучше из ореха и такого же цвета, как кусты вокруг речки. Поплавки берите легкие. Я тонкую леску и маленькие крючки припасу. Удочку

мне не надо, на вас смотреть буду. А червей красненьких накопайте.

По обе стороны от речки к холмам убегали густо поросшие травой лужайки, их окаймляли заросли можжевельника.

— Теперь глядите на речку, — сказала Анастасия Акимовна. — Самое место для форели.

— В ручье-то? — удивился Борис. — Его, наверно, вброд перейти можно.

— Разная тут глубина. Другое важно. Любит форель чистую воду да еще быстрину, перекаты, омутки.

— А мы сможем ее поймать? — спросила Тинка.

— Наверно, если с понятием ловить будете. Осторожная рыба. Даже тени на воде пугается. Человека почувует — уйдет, затаится. Маскировка нужна. За кусты прячьтесь, а наживку по течению пускайте. Форель за корягой или за камнем стоит, добычу ждет. Тут ваш червячок и подоспеет.

Ребята, едва дослушав последние слова женщины, стали подбираться к речке. Костя перебросил леску через куст, и течение, подхватив поплавок, понесло его вниз. Когда он скатился в омут, то тут же утонул. Мальчик замешкался и, вытащив снасть, увидел, что червя на крючке уже не было.

— Скорее подсекать надо, — шепнула Анастасия Акимовна.

— Хорошо, еще разик попробую.

Вторую поклевку Костя не прозевал и вытащил светло-матовую, словно отлитую из чистого серебра, рыбку с красноватыми пятнышками на боках.

— Ой какая! — зашептала Тина. — Никогда таких не видела.

У Бориса сначала не клеилось. Оказался великоват спуск грузила, и насадка, не доходя до омутка, застревала в камнях. Догадавшись, в чем дело, мальчик перешел поближе к глубокому месту и забросил снасть. Леска тут же натянулась, и изогнулся тонкий конец удилища. Боря вытащил довольно большую рыбку.

Вдруг Тинка, забравшись в кусты, отчаянно заорала и выскочила оттуда, держась за руку:

— Оса, больно!

Анастасия Акимовна помазала место укуса соком одуванчика. Боль поутихла, но девочка уже не хотела оставаться у речки. Еще немного поудив, Костя и Борис

смотрели удочки и догнали Анастасию Акимовну и Тину. Все вместе, осторожно ступая по траве, двинулись к можжевельным зарослям. Нетерпеливая Тина попробовала и тут же выплюнула ягоду.

— Второгодники тебе не по душе, — засмеялась Анастасия Акимовна.

— Какие второгодники? В нашем классе таких нет.

— Зато тут есть. В первый год цветы можжевельника превращаются в зеленые ягоды. Во второй — темно-бурыми становятся. Ты их и попробовала. На третий станут черно-синими, сахаристыми. Да и они не для еды, терпкий вкус не каждый любит. Для дела ягоды. Отвар из них при простуде помогает — хворь выгоняет. И ягоды калины тоже при простуде используют, они и кожу очищают, а настой коры кровь останавливает. У моего дома боярышник растет. Некоторые его тоже калиной называют. Он в некоторые лекарства входит. Кисель из него можно делать, консервировать с сахаром, сушеные ягоды заваривать как чай.

Все ребята провожали Анастасию Акимовну, уезжавшую в город на встречу фронтовых друзей. Костя нес старенькую черную сумку, Борис — большой букет цветов. Тина, веселая, улыбающаяся, шагала рядом со старушкой.

На станции Борис пошел за билетами. Другие ребята первыми вбежали в вагон, чтобы занять место, хотя на ранний утренний поезд народу было совсем немного.

— Быстрее возвращайтесь, ждем! — хором закричали дети на прощание.

ТРЕВОГА В ДЕРЕВНЕ

— Что горит? Где? — спрашивали взволнованные женщины и дети, бежавшие к центру деревни, к сельсовету, от которого доносились гулкие удары в пожарную рельсу. Люди останавливались и удивленно говорили:

— Ни огня, ни дыма не видно, а Глафира Сергеевна все стучит да стучит. Подожди, Глаша, не колоти в железку, скажи, что случилось?

— Беда, бабы, беда. Поутру ходила за грибами вдоль ручья. Вокруг него лужицы пересыхают. И во всех щурята мрут. Все сгинут ведь до единого, коль не поможем. После ледохода в разлившийся ручей зашли на нерест щуки. Из икры выклюнулись рыбки, чуть подросли.

В другой год, может, и выжили бы, а ныне сухо, дождей месяц как нет. Гибнет рыба молодь.

Все же многие женщины, не ожидавшие, что тревога поднята из-за рыбы, заговорили, заспорили. Одни кричали, что война с фашистами идет, не до рыбешек сейчас. Другие, что и часа свободного нет, колхозную работу без мужиков делать не успевают. Третьи, что огород сорняками зарос, зимой нечего кусать будет.

Когда шум и крики немного стихли, среди других голосов стала выделяться спокойная речь Глафиры Сергеевны. Не потому, что она умела других перекричать, были женщины куда голосистее. Больно Сергеевна человек работающий, обходительный, добрый. Еще недавно "похоронку" на мужа получила, четверо ребятишек на руках, а ведь успевает до начала работы в колхозе все дома переделать, да за грибками в лес сходить. На зиму-то как найденные будут. Прокорми-ка одна такую семью.

— Война идет, — прозвучал уже только один чей-то голос — Люди гибнут, а мы рыбешек спасать будем?

— Так войну фашисты затеяли, оканные. А мы в тылу живое должны спасать, — ответила Глафира Сергеевна и посмотрела на председателя сельсовета — невысокую, молодую, с мелкими приятными чертами лица женщину. — Как, Ульяна Федоровна?

Откинув льняные шелковистые волосы с низкого лба, та проговорила громко:

— Живое спасем. На то мы и советские.

— Верно председательша молвила, — согласились наконец женщины. — Принимай командование, Ульяна Федоровна. Мы сейчас соберемся, мигом.

Люди разбежались по домам и вскоре вернулись. От сельсовета к протоке, от которой начинался ручей, двинулась разноголосая процессия. Первыми, гремя ведрами и тазами, бежали мальчишки. За ними шли женщины, некоторые вели за руки детей, другие несли ведра и корзины. Замыкал шествие мальчуган лет трех-четырёх с отцовской соломенной шляпой в руках.

Вскоре вся группа вышла к переброшенному через протоку деревянному мостику. От реки ветер принес запах свежести и прохлады. Вдыхая бодрящий воздух, люди, не доходя до мостика, двинулись вдоль разлива. Протока резко поворачивала влево и шла назад параллельно реке, словно вода не хотела идти к устью и решила снова вернуться к давшим ей жизнь истокам. Но метров

через сто протока кончалась и начинался быстро сужавшийся ручей, который терялся в зеленой густой траве.

Разбившись на группы, женщины и дети двинулись по берегу ручья. В нескольких метрах от него виднелись лужицы. Эти крохотные водоемы отражали безоблачное голубое небо. Но через три-четыре дня вода испарится, и не отразится больше в лужицах небо. Если не помогут рыбе люди, сюда придет смерть.

Шурят ловили кастрюлями, решетами, корзинами или просто брали руками. Пойманную рыбу опускали в ведра с чистой водой. Наверно, это была самая тяжелая работа — доставлять рыбу к реке, и женщины ругали себя за то, что не взяли коромысел. Носили аккуратно, выливали воду в реку осторожно, без всплесков, чтобы не повредить, не оглушить рыбью мелочь.

Нелегко было находить шурят в больших ямах — мешали палки, коряги, заросли растений. Кто-то из мальчишек предложил мутить воду ногами и палками. Рыба, задыхаясь на дне, всплывала, и ее легче было поймать.

— Носим да отпускаем, — сказал вдруг кто-то из мальчишек. — Уха какая вышла бы, есть-то хочется.

Услышав, что это сказал ее средний сын, Глафира Сергеевна как-то обмякла, а потом, погладив сына по рыжеватой вихрастой голове, сказала:

— Что с них, малюсеньких, совсем детишки еще, хоть и рыбы. Я лишний раз грибки вам сварю.

Ничего не ответил мальчонка, еще усерднее стал шарить под ногами в траве.

ПРИБЛИЖЕНИЕ К ВЕЛИКОМУ ПЛЕМЕНИ

Где много рыбы, там и чайки. Знающие рыболовы, следя за стремительными птицами, без труда отыскивают место, где можно порыбачить. Это хорошо знал командир противолодочного корабля Валентин Викторович Чеботарев. И все же ему никогда не приходило в голову, что сделанные на рыбалке наблюдения смогут пригодиться на флотских учениях.

А произошло вот что...

Один из эпизодов учений предусматривал поиск в море и "уничтожение" кораблем Чеботарева подводной лодки. Задача не из легких, особенно если лодкой управляет опытный командир. Таким и был его соперник по

предстоящему "бою" командир "Десятки" капитан третьего ранга Игорь Александрович Сотиков.

Чеботарев знал его давно, еще с училища. После окончания военно-морского училища разошлись их пути-дороги, но несколько лет назад они свели однокашников в военном городке на Тихом океане.

В штабе после получения задания Сотиков подошел к Чеботареву. Глядя снизу вверх на высокого, чуть сутулившегося Валентина Викторовича, он с уверенностью, будто победа была уже за ним, сказал:

— Будешь искать меня словно иголку в стоге сена Ускользну. Зря горячее пожжешь. Помни мое слово.

Чеботарев довольно резко ответил:

— Любит же кто-то хвастать, на свое "я" нажимать. "Я вышел в море". "Я прошел энский пролив". А когда на мели оказались, любитель яканья доложил начальству: "Мы сели на мель".

— Ладно-ладно. Шутку про незадачливого командира давно знаю, — не обиделся Сотиков.

— Вот в море и разберемся со всеми мелями, — заключил Валентин Викторович, и соперники расстались.

Несколько часов корабль Чеботарева бороздил заданный район, прежде чем акустик доложил о контакте с подводной лодкой. Гидролокатор, казалось, цепко держал лодку, и командир противолодочного корабля приказал выходить на боевой курс для учебного бомбометания. Он уже предвкушал победу, не сутулился, как обычно, повеселел, но вдруг услышал взволнованный голос акустика:

— Контакт с подводной лодкой потерян!

Валентин Викторович снова ссутулился. "Что-то придумал хитрец Сотиков, — подумал он, вытирая со лба пот. — Уходит или затаился и выжидает? Если так пойдет, двойки за поиск не миновать. Но не могла же лодка сквозь землю провалиться!"

Противолодочный корабль, маневрируя, обшаривал гидролокатором квадрат за квадратом. И все напрасно. "Десятку" найти не удавалось, словно в самом деле в стоге сена иголку. Вахтенные с надеждой посматривали на командира. Чеботарев же взял бинокль и начал осматривать море, будто шел поиск не подводного, а надводного корабля. Вдруг лицо его озарилось улыбкой.

— Курс тридцать, — посмотрев на гирокомпас, крикнул он рулевому и перевел стрелки машинного телеграфа на "полный вперед".

Корабль прибавил ход. Валентин Викторович показал старшему помощнику на горизонт и проговорил:

— Взгляните, прямо по курсу чайки.

Старший помощник увидел, как птицы вздымались в небо, что-то таская из воды.

— Похоже, рыбу хватают, — проговорил он, не отрывая глаз от бинокля.

— Вот-вот. Очень хотелось увидеть эту картину. Увидел, понял, лодка в косяк врезалась, малость оглушила кое-какую рыбешку. Пока она вверх брюхом плавает, чайки не зевают.

— Прямо по курсу шум винтов, — радостным голосом доложил вскоре гидроакустик.

С первой же атаки моряки Чеботарева "поразили" цель. Командир поздравил личный состав с успехом и приказал возвращаться на базу.

После разбора учений в штабе Чеботарев и Сотиков остановились побеседовать в коридоре.

— Думал, оторвались, ушли, — сказал несколько расстроенный Игорь Александрович. — Уклонялся ведь от твоего корабля по всем правилам. Как ты меня нашел?

— Видишь ли, помощницы кое-какие рядом с твоей лодкой имелись. Они твое место и выдали, — улыбнулся Валентин Викторович.

— Я же серьезно спрашиваю, — недовольно проговорил Сотиков. — Считал ведь, ускользнули под слоем воды, где отраженный сигнал направление меняет. Кстати, ты о каких помощницах?

— О чайках. След ты на воде оставил. Рыбный.

— Вот какое дело! — догадался Сотиков.

— Мы твою лодку все равно бы нашли. Позднее только, но нашли.

— Н-да. Выходит, рыбацкие знания тоже пригодились?

— Выходит. Да ты не огорчайся. Твои действия ведь тоже как грамотные оценили, — успокаивал Чеботарев товарища. — Между прочим, есть одно дельное предложение. День отдыха нам за труды разрешили. Приглашаю на рыбалку. Нервы успокаивает. Мой корабль в бухте на якоре стоит. Глядишь, и приобщись к великому племени. Великим племенем Константин Паустовский рыболовов называл.

— А что, пожалуй, — улыбнулся Сотиков. — Очень даже полезительное это дело, рыбалка...

В средней полосе России немало старых деревень, возвышающихся среди полей, как острова в бескрайнем море. Низенькие дома с притулившимися к ним сиротливыми деревьями, колодцы с нацеленными в небо журавлями и пыльные проселки делают их очень похожими. Эти деревни внешне отличаются друг от друга разве что речкой или прудом, своеобразной архитектурой обветшалых церквушек да заросшими сельскими кладбищами.

Одна из таких деревень — Марьино, раскинувшаяся неподалеку от древнего города Руза, как раз и примечательна большим прудом и кладбищем без шикарных памятников, литых оград и пышных цветников.

Я шел к деревне по дороге, проложенной у края кладбища, и присел отдохнуть у заросшей могилы. Еле различимые надписи скупо рассказывали о тех, кто закончил уже свою трудовую страду и лег в землю на вечный отдых. Бросилось в глаза, что похоронены здесь почти сплошь женщины. Видно, суждена была этой деревне судьба многих русских деревень: слагали свою голову мужчины за Россию святую в первой мировой, не вернулись с гражданской. А те, кто ушел защищать Родину в Отечественную, лежат в братских могилах на Украине и в Прибалтике, на землях Польши или Германии.

Я размышлял об этом, когда подошел пастух, пасший коров неподалеку от кладбища. Он явно был ровесником тех, кто не вернулся с последней войны. Мы разговорились. Я спросил, где друзья-товарищи его молодости, сказал о своих догадках. Он кивнул головой: мол, так и есть, бронь замлепашцу или пастуху не положена. А жены их — терпеливые русские бабы — писали на фронт, что живут хорошо, ни в чем нужды не терпят, а сами горбились под тяжестью военных работ и забот. Не всем им суждено было дождаться сына или мужа, отца или брата. И вспоминали вдовы короткое предвоенное счастье, рано повзрослевшие дети — отцов, невесты — суженых. Вспоминали и ждали до самой смерти, пока не попадали сами на это тихое кладбище...

А тем, что погибли, сейчас было бы за шестьдесят. — Как и мне, — сказал пастух. — Ну и еще двоим — только мы и вернулись с войны живыми. Трое из всей деревни. Из мужиков то есть. А я в то утро, двадцать второго, на рыбалке был. И о войне узнал на другой

день только. На сутки меньше, чем для других, для меня война длилась. Хорошее дело — рыбалка. Вишь, из-за ее один мирный день выиграл, — горько пошутил пастух.

Помолчали. Не сразу после такого разговора уместна другая тема.

Старый солдат вызвался проводить меня к пруду. Я поблагодарил, сказал, что и сам найду, но пастух замал руками:

— Ничего. Собака стадо посторожит. Она у меня умная... Я одно местечко покажу — белый карась там держится. Бывает, хорошие лапти попадают.

Мы остановились у пригорка с низкорослым кустарником и высокой, в рост человека, крапивой. В этом месте воду покрывала густая тина. Лишь кое-где уходили в глубину чистые от водорослей, удобные для забросов полосы.

— Здесь в зелени карась пасется. А внизу, за запрудой, еще небольшой водоемчик. Мелкий он, травы, скажу, больше, чем воды, но ежели тут не будет брать, там попробуй. Бычков там тьма-тьмушая.

Прощавшись, пастух пошел к стаду, а я, размотав удочки, забросил снасть неподалеку от водной растительности. В ожидании клева осмотрел пруд. Напротив низкий пологий берег — черная пашня почти до самой воды. А узкую прибрежную полосу приходящее на водопой стадо вытоптало всю до единой травинки. Справа берег более крутой, глубины тут больше — это заметно потому, что пролетевший ветер погнал там рябь, да и не видно у крутого бережка водорослей. Слева — дамба, давшая жизнь пруду. По ней проложена дорога. Проходящие изредка автомашины поднимают тучи медленно оседающей пыли. Симпатичный пруд, вода чистая, должно клевать.

И в самом деле, поплавок на удочке стал раскачиваться вниз-вверх, вниз-вверх. Так бывает, когда карась сосет наживку. Торопиться тащить не следует. Карась — рыба осторожная, сначала "закуску" проверяет, так сказать, на зуб. Дождался я, пока поплавок пошел в сторону, и подсек. На леске забились сильная, подвижная рыба, и я выудил карася с ладонь. Белый, отливающий серебром, с желтоватыми плавниками, он широко открыл рот, словно удивленный тем, что его постигла такая участь.

Другого белого карася — уже покрупнее — поймал

после поклевки также с частыми колебаниями поплавок. Потом он утонул... Отчаянно сопротивлявшийся карась согнул в дугу удилище. По чистой дорожке между зарослями травы его удалось подвести к берегу. Был он крупнее первого, и на солнце ярче светился его серебристый наряд.

Вскоре в садке уже билось несколько красивых сильных рыб. Клев на удочку прекратился, и у меня появилось время оснастить и забросить закидушку. Груз лег довольно далеко от берега. И вот заходила туго натянутая леска, послышался тихий перезвон раскачивающегося колокольчика. Я медленно повел рыбу к берегу. Билась она не сильно, лишь пыталась уйти поближе к водным зарослям. Через пару минут на берегу оказался крупный, больше двадцати сантиметров длиной, ротан.

Следующий заброс был еще более удачен. На оба крючка закидушки попались бычки — одинаковые по размеру, похожие друг на друга, словно две капли воды.

Долго помнилась мне эта рыбалка и щедрый пруд у подмосковной деревни Марьино. Да вот беда: караси лучше клюют утром, на зорьке, а первый автобус от железнодорожной станции приходит, что называется, к шапочному разбору. Поэтому несколько лет не бывал я на рыбалке в Марьино, предпочитая другие водоемы.

Но вот однажды мне рассказали о каком-то безымянном пруде, где клюет белый карась. Доехать можно от станции Дорохово на идущем ранним утром автобусе до дома отдыха "Борец", пройти километра три или четыре до деревни, возле которой и находится этот пруд. Я последовал совету и отправился в путь.

Выйдя из автобуса, пошагал по прямой, как стрела, дороге, вдоль которой росли высокие сосны, величавые ели, белели красавицы березы, в низинах чернели стволы ольхи. С дальних лугов доносился приятный запах свежего сена.

Стоял июль. Буйствовала после обильных дождей трава, пышно зеленели деревья, разноцветными бабочками пестрели цветы. Оставив за поворотом сосновый лес, дорога вывела меня к засеянному овсом и горохом полю. Здесь я свернул с дороги на тропинку, вившуюся по посевам колосившейся пшеницы. Ребята-школьники пропальывали пшеницу, рвали ромашки и выносили их к канаве. Они и подсказали, куда идти дальше.

Чувствую, что сейчас за бугром появится пруд. Прибавив шаг, прошел мимо деревенских домиков и увидел его. Но что это? И деревня, и пруд казались удивительно знакомыми. Так это же Марьино! Вот куда привела меня дорога. Только с другой стороны подошел.

Вода блестела под лучами ласкового солнышка. Изредка плескались, подставляя лучам свои широкие бока, караси, а клевали на червя одни только ротаны-бычки. Каша же на крючках оставалась нетронутой. Так продолжалось не один час. Все выше поднималось солнце. К деревне потянулось стадо, состоявшее сплошь из черно-белых коров. Позади шагал мой давний знакомый — пожилой мужчина в той же черной, уже несколько выгоревшей фуфайке. Мы поздоровались, и он узнал меня.

— Раньше, помнится, не было в нашем пруду этой ерунды, — проговорил он, посмотрев на мой однообразный улов.

Пастух посетовал на то, что меньше становится в пруду карасей, больше бычков, которые (нет на них управы) в иных прудах начисто карасиную породу перевели.

Я вспомнил то, что читал и слышал о ротанах. Родина их — Амур, водоемы Сахалина и Северной Кореи. Из тех далеких краев, считают специалисты, привезли ротанов любители аквариумной "живности". Да не всем понравилось держать быстро плодившихся головастых, большеротых рыб. Выпустили их в ближайшие водоемы и... пошла писать ротания. По вкусу пришлись рыбе условия средней полосы России — климат, вода, кормовая база. Так вот и случилось, что ворвался ротан в наши пруды и озера, реки и водохранилища. В Подмосковье бычки появились сравнительно недавно. Быстро расплодились, размножились, особенно в стоячих водах и на медленном течении.

— Раньше у нас этой ерунды не было, — повторил пастух. — Здесь вот рыбы посветлее, а неподалеку в торфянике черные, что твои головешки. Ротан, будто какой хамелеон, меняет окраску под цвет воды. Светло-желтый бывает и черный. Сейчас клюет хорошо, потому что нерестится в конце весны — начале лета. А жрет — все что ни попадя. Уж точно акулы какие. Рыбу едят, червей, мотылей, опарышей, клюют на распаренные зерна и манную кашу.

Словно в подтверждение его слов утонул поплавок на моей удочке, и на кусочек теста я вытащил ротана.

А затем бычок попался на закидушку. Он проглотил оба больших крючка с червями. Значит, когда один острый крючок уже засел у него во внутренностях, он бросился и на вторую приманку!

Я показал старому знакомому рыбу, из широкой пасти которой торчали два поводка.

— Это еще что, — протянул он. — Как-то мне на удочку попался самец, так из его рта торчал хвост рыбы. Еще не проглотив как следует добычу, бычище клюнул и на червя. Наедаясь в запас, паразит. А живучий — страсть! У поселка Дорохово из пруда спустили воду. Карасей переселили в соседний водоем, а ротана истребляли и взрослые, и дети, и еще бульдозер. Пруд углубили, расширили, укрепили берега и заполнили водой. Сетками и корзинками наловили в соседнем пруду карасей и вернули на старую квартиру. А на следующий год в очищенном пруду уже клевали ротаны. Выжила рыба. Чудо в решетке, да и только!

— А вот я в журнале читал, чтобы уничтожить ротанов, надо известковать дно, убить все живое и создать в водоеме совершенно новую флору и фауну, — заметил я.

— Опять заведутся, — безнадежно махнул рукой мой собеседник. — Был у нас в лесу совсем маленький пруд с одними карасями. Никто туда бычков не запускал, вообще мало знают тот пруд. А теперь развелись ротаны. Птицы, видно, икру занесли ихнюю. Да что с этими несчастными бычками сделаешь!

— Ну, так уж ничего и не сделаешь! — усомнился я. — Окуней надо поселять, они икру бычков поедают. Меньше ротанов народится, меньше карасиных врагов на свете будет.

Разметая пыль на дороге босыми ногами, к пруду пробежали двое мальчуганов с удочками и остановились посмотреть на мой улов. Их появление оказалось счастливым. На кусочек теста удалось поймать небольшого белого карася.

— Сойдет для сельской местности, — широко улыбаясь заметил мальчишка, что был помоложе, лет десяти, в синей футболке и в белой шапочке с надписью "Таллин".

— Это как понимать? — поинтересовался я.

— Так, что я в июне огромных рыб таскал. А у вас поплавок длинный, на леща. Поклевки карасей плохо видать.

Я заметил, что на удочках юных рыболовов поплавки легкие, короткие. Когда они забросили снасти, поплавки едва высывались из воды и чутко реагировали на каждое движение подходивших к наживке подводных обитателей.

— Хочешь сказать, что все от человека зависит: кто все продумает, предусмотрит, больше и поймает? — спросил я мальчишку.

— Знамо дело так, если клюет!

Но в тот день почти не клевало.

— Пойдемте на малый пруд, — предложил другой мальчик. — Там не то что бычарики, быки водятся.

Вдоль большого пруда мы втроем направились к дамбе, перешли через дорогу и спустились к маленькому пруду, показавшемуся по сравнению со "старшим братом" заросшей лужицей. Я забросил снасть подальше, туда, где было больше чистой воды и меньше подводной растительности, а ребята с плота — в узкие лунки между зарослями. Ловили они без поплавков, по их выражению, "на дразнилку", то поднимая, то опуская крючки с червяками. Довольно крупные ротаны из зарослей, как из засад, бросались на червей и клевали у ребят часто и верно. Их полиэтиленовый мешочек быстро наполнялся раздувавшими жабры жирными бычками.

— Вы, дядя, тоже ловите, — посоветовал мне мальчишка с таллинской шапочкой, увидев, что я вытаскивал рыбку и больше не ловлю. — Бычки, они по виду страшные, а вкуснее карасей будут, тиной не пахнут. Уха из них — пальчики оближешь, и жарить хорошо.

Мальчишка прав. До недавнего времени я вообще не носил ротанов домой, отдавал их или выбрасывал. Но однажды по совету опытных кулинаров попробовал уху и жареную рыбу. Пожалуй, это — треска наших широт. В общем, вещь съедобная. Ответил ребятам, что пора двигаться к автобусу, в другой раз встретимся, карасей половим.

И этот "другой раз" не обманул моих надежд. Охота за карасями на Марьинском пруду оказалась удачной...

Карась, особенно крупный, активнее питается, а значит, и клюет на закате и на рассвете. С учетом этого в Марьино я приехал вечером и даже успел немного порыбачить.

— Где улов? — спросила хозяйка домика, где я остановился.

Вместо ответа махнул рукой, дескать, пока на безрыбье и привезенные из города кильки в томате рыба.

— Завтра поймаете, — успокоила добрая женщина, ставя на стол банку с молоком.

Спать лег пораньше, вместе с курами и петухами и, отлично выспавшись, чуть начало светать отправился на рыбалку. К деревенской улочке выходил по узенькой, вполшага, тропинке между избой и огородом. В утренней тишине громко хрустели под резиновыми сапогами вылезшие на дорожку кабачковые плети. Небо было светло-серым, безоблачным, день обещал быть теплым.

Расположился на холмике с низкими кустами и высокой крапивой, не спеша размотал и забросил удочки подальше от берега, решив, что утром рыба простор любит, гуляет, где поглубже. Вскоре за ближним леском показался розовый краешек солнца. Пруд встретил его всплесками играющей рыбы, расходящимися по гладкой поверхности воды кругами.

И вот тут началось. Поплавок одной из удочек утонул. Я быстро подсек и стал подтягивать добычу (может быть, точнее сказать — будущую добычу) к берегу. Рыба упиралась, шла в сторону, к буйно разросшейся во второй половине лета тине. Вдруг леска чуть ослабла. Мелькнула мысль, что рыба сошла. Но нет, леска снова натянулась. Осторожно подтянул крупного карася к берегу и подвел его к подсачеку.

Вытащенный мною карась — настоящий красавец. На вид килограмм, не меньше, крепкий, словно литой, чешуя с копеечную монету. Он бился, шевелил хвостом, пока я не пустил его снова в родные воды пруда, конечно, уже в садке.

Через несколько минут — новая поклевка. Ранее пойманный карась приобрел себе такого же достойного напарника. Рыбы попадались довольно часто, словно добрый царь Нептун, решив поиграть на зорьке, сам цеплял карасей на крючки.

Поклевки были однообразными. Поплавок слегка притоплялся и всплывал, а затем шел в сторону или тонул. Но вдруг он так резко пошел вверх, будто с лески сорвалось грузило, и лег. Поклевка лещевая, но лещей-то в этом водоеме нет! Что же там за "зверь"? Я старательно подсек и начал не спеша, не давая леске слабины, подводить рыбу к берегу. Вскоре в руках у меня оказался крупный золотистый карась.

Этим щедроты водного царя и кончились: клев стих. Изредка брали то на тесто, то на червя совсем небольшие карасики. Конечно, и маленькая рыбка лучше большого таракана, но такого удовольствия при их ловле, как при вываживании солидной рыбы, не испытываешь. Я отпускал их, пусть подрастают карасиные дети, просил приходить с папами, мамами, тетями и дядями. Но, видно, не понимали карасики русских слов...

Поскольку больше рыбы не клевали ни на тесто, ни на червя, подумал: а что если соединить две наживки, образовать тесто-червяной бутерброд. Брал маленькие кусочки червя и насаживал на крючок, а на его жало надевал катышек теста. Делал и иначе: слегка обмазывал небольшого червячка тестом. Клев улучшился. Правда, на бутерброд охотно брали и не слишком любимые мною ротаны...

Путь мой обратный лежал мимо сельского кладбища, того, где сплошь одни почти женщины похоронены. И снова встретил я здесь старого своего знакомца — пастуха. Он сидел на маленьком чурбачке, врытом в землю у старой могилы на краю кладбища.

— Доброе ли утро было? — вопросом вместо приветствия встретил он меня.

— Да если судить по улову — доброе, — ответил я в тон ему, присел рядом, показал свою добычу.

— Караси что пороси, — грустно сказал он. — Это так старуха моя говаривала, Марья-покойница. Тут вот и лежит она.

— Вот ведь как, — сказал я, — село ваше — Марьино, и жена ваша — Марья.

— Не в память ее, конечно, село наше так называется, только скажу тебе: женщины наши достойны того, чтобы их именами и города называть. Вот, говорят, бабы дольше живут, жилистее мужиков они. А тут вишь как получилось: я воевал, она в тылу была, а не легче им тут доля выпала — не вынесло сердце, сносилося до времени. Вот так-то, брат-рыбачок, жила-была Марья на берегу пруда в Марьино. А в лихие годы, Марья рассказывала, хорошим этот пруд подспорьем был, кормил семьи наши. Ну, да ладно, заговорил я тебя — рыба, смотри, испортится. Заезжай, когда сможешь. Не забывай, что есть в Марьине Марьин пруд...

"МОСКОВСКИЙ СУВЕНИР"

Одетые камнем берега, на склонах — стайки белоствольных берез, зеленый ковер травы, простирающийся от воды до молодого леса, а между берегами широкая лента воды — так выглядит летом канал имени Москвы. Ему уже много лет, но год от года он все хорошеет.

...Стою с удочкой на берегу канала. Мимо несутся быстрые "Ракеты", идут трудяги буксиры с баржами.

С экскурсионных теплоходов разносятся усиленные динамиками голоса экскурсоводов: "С постройкой канала Москва стала портом пяти морей... Город получил отличную по качеству питьевую воду... Первый пароход по Московскому морю прошел семнадцатого апреля тысяча девятьсот тридцать седьмого года..."

Рассказывают по-разному. Бывает, заслушаешься, про удочку даже забудешь, жалеешь, что теплоход прошел так быстро и голоса экскурсовода больше не слышно. Но случается, что беседу ведут по принципу: "посмотрите направо", "посмотрите налево", "сейчас мы проезжаем..." Один такой экскурсовод вдруг обратился к пассажирам:

— Посмотрите налево. Вы видите фигуру одинокого рыболова. Уже само его присутствие здесь доказывает, что вода в Москву идет чистая. Вы видите, что у него клюет, значит, в канале держится рыба!

У меня в тот момент не клевало. Да если бы и была поклевка, ее не заметишь на расстоянии в несколько десятков метров. Понимаю, что экскурсоводу нужен, так сказать, живой пример для иллюстрации, а тут я на глаза и попался. Но что сказал бы экскурсовод, если бы он знал о том, что я видел ранним утром, когда судов еще почти не было? Тогда весь канал был во власти рыбы: удирали от хищников мальки, то в одном, то в другом месте расходились круги от ударов по воде

какой-то крупной рыбы. Вот такое бы показать экскурсантам...

...С другого проходящего теплохода доносятся звуки задорной песенки "А в Подмосковье ловятся лещи, водятся грибы...". Все правильно, изредка лещи попадают и в канал. Во время прошлой рыбалки я видел, как вытащили леща килограмма на два с половиной. Выудивший леща уверял, что другой лещ — на два шестьсот — у него сорвался. Я никак не мог понять, почему он весил именно два шестьсот, если он сорвался и рыболов его, естественно, не взвешивал.

А у меня ловилось в этот день не слишком хорошо, и я подумал: "Не совпал ли мой сегодняшний выходной с выходным днем у рыбы?" Подошел еще один рыболов. Он забросил удочку в тот момент, когда к берегу подходила поднятая "Ракетой" волна, и вытащил приличного по размерам окуня. Стало обидно: я же пришел раньше, а клюнуло у него. Сказал об этом новому соседу. А он:

— Рыба-то не знает, кто пришел раньше!

Вскоре он поймал еще одного окуня и так объяснил причину своего успеха:

— Забрасываю удочку в тот момент, когда проходит "Ракета". Она посередине канала идет, рыба пугается шума судна и спешит к берегу. Здесь успокоится, червя увидит и хватает. Все по науке.

Наверно, в чем-то он и был прав, но я подумал о другой возможной причине клева. По сравнению с другими судами "Ракета" поднимает самую большую волну. Набегая на берега, она смывает червяков, букашек, всякую иную привлекательную для обитателей водной стихии живность. Рыба привыкла к этому и, когда волна отступает от берега, идет ей навстречу — подкормиться. Это использовал более сведущий рыболов и оказался с неплохой добычей.

— А знаете, — заметил мой новый знакомый, — с 1981 года летний клев повсюду стал поприличнее. Если, конечно, так по отношению к клеву можно выразиться.

— Это почему же вдруг сразу поприличнее?

— Так ведь на ранней зорьке самый клев, а с первого апреля время на час вперед передвинулось. Раньше мы вставали в пять. Пока до канала шагали — шесть. Теперь тоже поднимаемся в пять, а по-старому — это четыре, значит, в пять на рыбалке!

— Верно, верно! Рыба-то не знает, что часы перевели,

а в раннее время клев лучше. А сами-то по-новому времени привыкли жить?

— Поспать, признаться, люблю. От сна ведь еще никто не умирал. А на рыбалку встаю, ни будильник, ни жена не нужны. Спешу на природу, люблю с ней побыть.

— По-разному люди к ней относятся, — сказал я, глядя на валявшийся в стороне целлофановый мешочек. — Есть рыболовы, которые сигареты в воду бросают, банки из-под червей. С банкой еще природа справится, соржавеет она, бумага сопреет. А мешки из целлофана даже огонь ест неохотно.

Мой новый знакомый поднял грязный мешочек, завернул в газету.

— Домой отнесу, коль природа перед этим изобретением века бессильна... Хорошо клюет здесь и зимой, — заговорил он совсем о другом, — предпочитаю подледный лов летнему.

Тогда я рассказал ему старую рыбацкую байку...

Пришел рыболов на летнюю утреннюю зорьку. Комары на него напали. Клев слабенький. Солнышко припекло. Стоит он и думает: "Осенью лучше. Не жарко, комаров уже нет, жор у рыбы начинается". Пошел на рыбалку осенью. Погода — хуже не придумаешь: дождь, слякоть, насквозь вымок рыболов и про себя рассуждает: "Зимой все же лучше. Снежок лежит. В любое место иди, к большим глубинам по льду добраться можно. Чудо — не рыбалка..." Дождался он наконец зимы. Мерзнет от холода, ветер пронизывает до костей. "Лучше ловить весной, — думает, — тогда..." Весна пришла. Земля сырая, не посидишь. Солнце плохо греет. "Скорее бы лето", — говорит рыболов...

— Так где же рассказу конец? — спросил удивший со мной товарищ. — Времена года все кончились.

— Когда клюет — тогда и хорошо, а не клюет — плохо.

— Верно, клюет — так ни холода, ни дождя не чувствуешь.

И тут он перестал замечать что-либо вокруг, потому что у него клевало. Поймав еще несколько окуней, он сказал:

— Пожалуй, пойду, на рыбный суп хватит.

— Почему на рыбный суп, а не на уху? — спросил я.

— Уха варится только из рыбы, без картошки. Для этого рыбы у меня маловато. А когда с картошкой или же с крупой варят — рыбный суп.

Несмотря на то что еще на древних ассирийских

плитах были начертаны весьма мудрые слова: "Боги не засчитывают в счет жизни время, проведенное на рыбной ловле", — мы стали собираться домой.

Неторопливо сматывая удочки, мы снова залюбовались красивыми, поросшими стройными березами берегами канала. "Клюет или не клюет, — думал я, — хорошо здесь, в этом чудесном месте Подмосковья, не зря называемом "московским сувениром". Это не беда, что пока только на рыбный суп ловится. Придет время — и на уху хватать будет".

ТРИ РАДУГИ

Есть песня о моряке-рыбаке, в которой поется о том, что ловил тот моряк в Черном море черных рыб, в Желтом море — желтых рыб, в Красном море — красных рыб, в Белом море — белых рыб. Мне не приходилось ловить в Красном, Желтом и Белом морях, но я видел, как ловили рыб цвета радуги, и не в экзотических, а в наших широтах.

Однажды служебные дела привели меня на суда, работавшие на прокладке трассы трубопровода на Балтике. Моряки и рабочие углубляли и очищали дно, готовили ложе для труб.

— А вам повезло, — такими словами встретил меня капитан землечерпалки Петр Андреев — худой человек высокого роста, с живыми карими глазами. Глядя на него, невольно возникала мысль: "Как же он умудряется входить в низкие двери каюты?"

— Не успел добраться, а уже повезло? — удивился я, чувствуя, что капитан чем-то встревожен.

— Только что зацепили снаряд. Приняли меры предосторожности. Будем вызывать саперов.

Я думал о том, что подъем снаряда, который долго пролежал в воде, — дело сложное, а главное, опасное. Неизвестно, в каком он состоянии.

В ожидании саперов работы были прекращены, появилось время, чтобы познакомиться, побеседовать с экипажем землечерпалки и... порыбачить. На палубе появилось с полдюжины удочек, и одну из них предложили мне.

Забрасывая леску, я вспомнил сидевших на берегу рыболовов, с которыми познакомился, когда ждал лодку. Они жаловались, что грохот землечерпалки распугал всю рыбу, да и погода неважная, ловить бесполезно,

условия, дескать, не те... В самом деле, поднятый со дна ил делал воду малопрозрачной, темной, плавающие вокруг камыши и какой-то мусор еще больше ухудшали "вид сверху". "Какая уж тут рыбалка, — решил я, — лучше поменьше буду смотреть на поплавки, побольше расспрашивать людей".

И невольно залюбовался этими тружениками. Экипаж был как на подбор — ребята ладные, загорелые, мускулистые. Они оказались немногословными, но все-таки я узнал, что сегодняшнее эхо войны не эпизод. Они обнаружили уже несколько снарядов, гранат и других взрывоопасных предметов. И не удивительно: в годы Великой Отечественной войны в этих местах шли бои, а как известно, не все выпущенные боеприпасы взрывались... Так что для экипажа расчистка дна не обошлась без "сюрпризов".

Но на этот раз нас ожидал другой, более приятный сюрприз. Несмотря на "не те" условия для рыбалки, наш неторопливый разговор прерывали частые поклевки, радостные возгласы по поводу очередной пойманной рыбины. Как-то незаметно прошел никого из нас не напугавший дождь. И сразу исчез хмурый день, слепленный из серого и черного, родился другой — светлый и ясный. В одной стороне поднебесья еще пылали сизые облака, в другой — заулыбалось солнце и заголубело чистое небо.

Ушел дождь, и через весь небосвод пролегла разноцветная световая дуга — радуга. Ее вершина взметнулась высоко над горизонтом, один конец уходил в воду, а другой — в берег. Нельзя было не залюбоваться чудесным зрелищем: по внешнему краю дуги прошла красно-оранжевая полоса, фиолетовая окаймляла внутренний, а между ними нежно переливались другие цвета, но почему-то ярче всех выделялся синий, будто предсказывая: такой вот синевой скоро нальются небеса, когда выше поднимется солнце и растопит радугу...

Радуга в небе! И под ее сводом рыба стала клевать еще лучше. В большом, принесенном с камбуза тазу теснились красавицы плотвички, матовые подлещики, серые ерши, блестели золотисто-малахитовые красноперки. Рыба двигалась и играла в лучах солнца второй радугой.

И словно третья радуга сияли лица моих новых друзей с судна, умытые дождем и улыбающиеся небу, солнцу, жизни, добру, которое они делали, и, наверное, богатому улову...

Когда я покидал землечерпалку, капитан Андреев измерил бечевкой диаметр крупнокалиберного снаряда, извлеченного из воды, и, завязав на ней узел, протянул мне:

— На память о сегодняшнем дне и о хорошей рыбалке. Впрочем, клюет всегда отменно, даже когда грохочет машина... И нет радуги, — добавил он, и от улыбки у его карих глаз собралась сетка морщин.

ПО ТЕОРИИ ВЕРОЯТНОСТИ

Одни запускают дела, другие... рыбалку. Были в моей жизни два года, когда я запустил рыбалку. К счастью, эти годы оказались позади, и опять передо мной знакомые места. Стою на неширокой песчаной косе. Впереди за камышами — живописный островок. Легкий ветер рябит воду. Волна набегает на сушу, потом отступает, оставляя после себя светло-зеленые водоросли и белокудрую пену...

Вокруг безлюдно. Для любителей купаться и загорать еще слишком рано. Но почему сегодня не видно рыболовов? Ведь представителей этого бессонного племени прежде можно было увидеть здесь в любое время. Подойдя к самому берегу, я понял, в чем дело. Резко спала вода, обнажив ранее незаметные камни, оставив распластанную на песке тину, возле которой еще недавно шныряли мальки. Да, в тот жаркий год заветные места так обмелели, что ловить было нельзя. Лодки, чтобы отплыть подальше от берега, у меня нет. Хоть домой возвращайся. А что может быть обиднее для рыболова, снарядившегося по всем правилам и с трудом накопавшего накануне, в жару, червей?

Шел я сюда, радуясь хорошему утру, предстоящей рыбалке, но, видно, не зря поется в песне: "После радости неприятности по теории вероятности". Но за неприятным началом должно следовать благополучное продолжение. И словно в подтверждение этой "теории" появился еще один рыболов — парнишка лет восемнадцати, причем он оказался хозяином привязанной у берега лодки.

— На остров махнуть собираюсь, там глубже, — сказал он.

— А меня не возьмете?

— Пожалуйста! Здесь-то вы все равно не поймаете ничего. Лето сухое, воды куда меньше, чем обычно.

Минут двадцать пути, и мы — я и мой новый знакомый Игорь — на островке.

Поскольку удил я на островке впервые, решил для разведки половить в разных местах. Сперва забросил подальше от берега переоборудованную из спиннинга закидушку, а две удочки поставил у прибрежной растительности. Поплавок одной удочки сразу после заброса ушел под воду, оставив лишь круги на поверхности... Этой удочкой подряд поймал несколько окуней. Были они какие-то не совсем обычные: очень светлые, можно сказать, ясные, будто аквариумные рыбки, а не морские хищники.

Потом я перешел на другую сторону островка, где глубины поменьше. Только закинул удочку, оба поплавка тут же скрылись в воде. Вытащил небольшого окунька. Окуньки шли один за другим, но рыба была мелкой, и я снова решил удить на большой глубине.

Ловить пришлось одной удочкой, другую не дали размотать ерши. Едва закинешь, сразу появляются около поплавка два-три круга, и он тонет. Тогда не зевай — скорее тащи, а то ерш так заглотит крючок, что намучаешься, пока вызволишь его из ершиной пасти...

У большого знатока рыбалки С.Т. Аксакова в "Записках об ужении рыбы" написано: "По-моему, ерш — лучшая рыбка из всех, не достигающих большого роста... В реках средней полосы России он не бывает и четырех вершков длины, но в Петербурге, в устье Невы, ловятся ерши необыкновенной величины: я сам видел их, с лишним в четверть длиною". Говоря о четверти, Аксаков, конечно, имел в виду такую элементарную единицу измерения, как расстояние от конца большого пальца и до конца указательного, если их до предела расставить.

Такого ерша мне и удалось выудить как раз в тех местах, о которых писал Аксаков. Закинул я свое любимое рыбацкое "оружие" — переоборудованный в закидушку спиннинг и ждал клева крупного окуня. И поклевка действительно была похожа на окуневую: поплавок притопился, пошел немного в сторону, а затем исчез глубоко под водой. Я стал быстро наматывать леску на барабан. Игорь, видя, что веду крупную рыбу, со всех ног бросился ко мне. Каково же было наше удивление, когда на крючке оказался ерш. Правда, такого крупного, по словам Аксакова, "необыкновенной величины", ни я, ни Игорь раньше и не видывали. Да и потом больше никогда такие крупные не попадались.

Говорят, что хороший рыболов по клеву должен знать, как рыбу звать. А какой рыболов не отнесет себя к хорошим? В тот раз я ошибся. Но, право слово, это нетипично. Пойди вот разбери, кто клюет, когда на крючке оказывается такое чудо-юдо.

Молодой человек, доставивший меня на остров, удил у обнажившихся старых свай. Правильно говорят, что не у каждой сваи рыбы стаи, но там, где он удил, держалась плотва, потому что было много водорослей — есть чем поживиться такой любительнице травы, как плотва.

— Нравится мне эта рыба, — говорил Игорь. — Люблю ее за хороший клев, за то, что уважает все "закуски" — клюет на червя, на хлеб, на тесто и кашу. Пусть она невелика, да любо посмотреть, какая красивая! Серебристая, с темной спинкой, красными глазами и розовыми, а иногда даже рубиновыми плавниками.

— Это правда, — согласился я, — и чем больше рыба, тем темнее у нее глаза и плавники, крупнее чешуйки — вот ведь кого старость красит!

Наш разговор прерывает очередная поклевка — радость и счастье рыболова, соль всей рыбалки. Несколько раз дрогнул на удочке Игоря поплавков, и вокруг него пошли расходящиеся круги, потом его слегка повело в сторону — так клюет плотва. Подсечка — и сверкающая рыбка у Игоря в руках.

...А вот снова круги возле поплавка, он начал тонуть. Плотва редко топит поплавков, но если топит — значит, взяла рыба покрупнее. Так и есть. Ее темно-коричневые глаза говорят о солидном возрасте.

Но клев клевом, а в это утро теория о том, что "после радости неприятности", неумолимо продолжала действовать. Игорь несколько раз посмотрел на часы и сказал, что через сорок минут у него на берегу свидание с лучшей в мире девушкой, которую он обещал покатать на лодке. Остаться на необитаемом островке я не рискнул. Подвернется ли еще другой попутный "транспорт"? Ведь рыболовы этот островок посещают не часто. В отличие от Робинзона Крузо у меня был выбор.

На берегу девушка уже ждала моего молодого спутника. Она была прехорошенькой, но, право, все же не знаю, стоило ли ради нее бросать рыбалку, когда такой чудесный клев!..

В ста двадцати километрах от Москвы, неподалеку от всемирно знаменитого Бородинского поля и от Можайска, раскинулось водохранилище. Но если Можайску несколько сот лет, то водохранилищу всего два десятилетия. В 1960 году у деревни Марфин Брод плотина перегородила Москва-реку, и разлилось рукотворное море — Можайское водохранилище.

Уже ярко пылало огненное солнце, когда, притомившись, я и мои товарищи сели на берегу водохранилища — отдохнуть и подкрепиться. Неподалеку от нас остановилась машина — выдавший виды "Запорожец". Из него вышли двое парней и две девушки. На каждую пару по гитаре и по удочке. Под громкие возгласы девушек: "Давай, ребята!" — парни забросили наживку и забренчали на своих шестиструнных какую-то заунывную мелодию.

— Раз так жалобно играют, наверняка без путевок явились, — заметил нештатный инспектор рыбнадзора Строгов, приехавший из Можайска. — Подойду проверю.

Нам был слышен громкий разговор инспектора с приехавшими. Путевок у них действительно не оказалось.

— Не ловили мы. Новую теорию проверяли, — оправдывался вихрастый юноша, прекратив играть на гитаре.

— Это какой же такой эксперимент? — заинтересовался Строгов.

— Да вот слышали мы, что под музыку клюет лучше. Под танго ловятся медлительные лещи, под вальс — нарядные плотвички, под фокстрот — быстрые окуни.

— А ерши под какую? — перебил инспектор.

— Под любую. Им слон на ухо наступил. Лишь бы червяк побойчее достался, схватят.

— С тем, что у членов рыболовно-охотничьего общества клюет, если они по путевкам приезжают, соглашусь, пожалуй, а чтобы у музыкантов?.. — усомнился инспектор. — В общем нечего меня разыгрывать. Сам тут зимой одного дурачил.

Строгов, казалось, забыл, что перед ним нарушители и стал торопливо рассказывать:

— У соседних лунок мы со знакомым ловили. Опустил он блесну и отошел куда-то. Я поскорее на его снасть уснувшую щуку посадил. Пришел хозяин, Иванов его, между прочим, фамилия, щуку вытащил. Обрадовался, как дитя. Скачет на одной ноге, того и гляди лед про-

валится. Рыбину всем показывает. Когда побольше любопытных подошло, говорю рыболову: "Посмотри, бирка у твоей щуки на хвосте". Стоявший рядом паренек прочитал: "Товарищу Иванову от можайских рыболовов". Что потом было? Уже три месяца этот Иванов меня стороной обходит. Говорят, все думает, как за мою "покупку" отомстить. А может, он вас подослал? — вдруг насторожился инспектор рыбнадзора.

Все четверо отрицательно затрясли головами: мол, не подсылал.

— Не знаем мы никакого Иванова, — проговорила одна из девушек.

— Зато я его знаю. Изобретатель, рационализатор, чего-нибудь да придумает. Про музыку я тут всякую всячину слышу, не он ли насочинял? А потом по всему городу раззвонит, как я в ваши песенки поверил. Давайте-ка лучше акт о браконьерстве сообразим.

— Может, сообразим чего поинтереснее, — предложил русоволосый паренек. — У нас в багажнике есть. Мигом могу достать.

— Мне ничего ивановского даром не надо. Сообразительный какой нашелся! Ты рыболовные законы уважай, и я тебя зауважаю. На кого актик-то составить? Документик имеешь?

Русоволосый парень, к которому все время обращался Строгов, подал студенческий билет. Лицо инспектора покрылось испариной и побагровело. Медленно, словно выдавливая слова, он прочитал вслух: "Студент Иванов".

Все дальнейшие объяснения студента об отсутствии у него родственников и знакомых Ивановых и в нашей стране, и за рубежом не произвели на Строгова впечатления. Никаких объяснений он не принял. Вынул из кармана черную авторучку и стал писать акт об изъятии орудий лова и незаконно выловленной рыбы.

Слова Иванова о том, что они ни одной рыбы не поймали, инспектор пропустил мимо ушей. Студенты зашумели, заспорили. И тут к группе подошел настоящий Иванов.

— На помощь вот поспешил, гляжу, тебя окружают, — сказал он инспектору.

Решительность, с которой старый знакомый пришел к нему на выручку, рассеяла сомнения о каком-то возможном сговоре.

— Выходит, недоразумение вышло, — проговорил

Строгов, поглядывая то на одного, то на другого Иванова.

— Не недоразуменьице, а крупное недоразуменьице, — сказал студент. — Мы же ни одного хвоста не поймали, какую же незаконно выловленную рыбу в акт писать?

Студенты рассказали настоящему Иванову, как все было. Тот рассмеялся и заговорил, взяв за плечо инспектора:

— Строг ты больно ко всем. Не зря, видно, фамилия у тебя такая строгая. Я на тебя зла не держу. Хорошее из щуки заливное получилось. Понял, что ты две поймал, да не к чему тебе обе были. Одну решил мне отдать. Ну, а способ дарения — дело хозяйское. Спасибо, и все тут.

Инспектор согласно закивал головой:

— Я подумал: так не возьмешь, ты же гордый мужик. Да и какая рыбалка без шуток.

— А вот шутят ли ребята насчет музыки, не знаю, — заметил Иванов, по-прежнему улыбаясь. — Как говорится, науке сие доподлинно не известно. Отпусти их с миром. Штраф пришлют, а с чего студентам платить? На стипендию не больно разбежишься, да если тройки есть, ее не дают.

— Знаю, — как-то грустно проговорил Строгов. — Дочка у меня три года не получает.

— Мы тоже, — ответили дружным хором студенты.

Когда "Запорожец" отъезжал от водохранилища, вся наша группа, даже инспектор замахали молодой смене руками.

— Получше учитеесь! — прокричал на прощанье Строгов.

— Вашей дочке пламенный привет! — донеслось из машины...

НАЛИМОВО ЖИЛИЩЕ

На вид он таков, что поймаешь и испугаешься. Мясистое, словно литое, темное с крапинками тело и светлое, не по размерам рыбы, огромное брюхо. Широкая, пожалуй, чуть похожая на лягушачью голова и жадный большой рот. Ус у рыбы почему-то один, и растет он не на верхней губе, а торчит под нижней. Хвост длинный с двумя плавниками — верхним темным и нижним светлым. Чешуи у него нет, а кожа так обильно покрыта слизью, что в руках пойманное чудовище-страшилище

удержать непросто. Вы, возможно, уже поняли, о ком идет речь? О налиме.

Живут налимы на дне водоемов — под корягами, камнями, под обрывами дна, затонувшими бревнами и (не удивляйтесь) в велосипедных покрышках. Честное слово, случается, что и в них обитают!

Поставил я как-то у обрывистого берега две донки. Снасть — что надо: леска почти в миллиметр толщиной с плоским скользящим грузилом, крючок одиннадцатый номер, поводок из тонкой струны гитары. Иначе одноусый "зверь" любую жилку зубами перетрет. Поскольку налим к еде непривередлив, можно было бы прицепить для наживы и плотвичку, и пескаря, и лягушку, и кусочек мяса, и пучок червей, и даже птичьи кишки. Я наживил ерша, потому что он, как и налим, любит приключения в темное время. Налим, известно, прожорливый ночной хищник, ерш — ночной бродяга, "хозяин водоемов". В общем, два сапога пара, а кто из них главный хозяин, пусть сами разбираются.

Живца я на самое дно опустил, по леске чувствую — ходит он там, развлекается. Сам же пошел к костру погреться, поклевать чего-нибудь, пока рыба не клюет.

Через часок, наверно, вернулся к удилищу — обыкновенной лыжной палке — все на месте, только леска туго натянута. "Порядок, — думаю, — взяла ершика более солидная рыба". Поташил леску — трудно, но идет, будто по дну бревнышко катится. Леска звенит, дрожит, я тоже задрожал — вдруг снасть оборвется.

Подрожали мы вместе, из воды кусочек велосипедной покрышки показался. Поддел я трофей ручкой от подсачека и на бережок его. Крючка с ершиком и стального поводка не видно. Внутри покрышки они. Отогнул края резины — внутри налим. Черными глазами-бусинками так и сверкает и усом шевелит, интересуется, что дальше будет.

Но ничего интересного для него больше не было. Вытащил я "страшного зверя" из его логова. Покрышку от колеса обратно в водоем бросил. Раз живут в ней налимы — пусть живут! В конце концов это их личное дело. Подальше от берега с пойманным налимом отошел. На всякий случай, рыба ведь скользкая, берег крутой. Налим глубоко заглотал насадку с крючком, поэтому отрезал от лески поводок вместе с рыбой — и в мешок...

— Живет, ребята, под плотиной огромная щука. Лет, может, сто ей. Не рыба, а бревно, мохом покрытое. Плавает она по реке и все живое заглатывает...

Такими словами взрослый уже человек Егор Пряхин, удививший с нами, детьми, часто начинал свои истории. И коль у небольшой плотины местной гидроэлектростанции, где мы ловили рыбу, водились щуки, им посвящалось немало рассказов.

Мы, десяти-одиннадцатилетние мальчишки, с опаской поглядывали на плотину, а сами не очень-то верили рассказам Егора, пока не стали свидетелями такого случая. Домашняя утка плавала по пруду со своими утятами. Один из них отплыл в сторону от выводка и вдруг, едва успев взмахнуть крыльями, исчез под водой.

— Видели?

— Видели...

— Щука. Утятница таких зовут. Не только утенка, она и небольшую утку съесть может!

Мы стали больше верить Егору. А по его рассказам выходило, что живет в реке даже не щука, а сам черт, хотя он и добавлял, что в наше время чертей вообще нет и быть не может — "извели их до последнего бесенка".

— Лет двадцать назад, когда я еще был ребятенком, как вы, — рассказывал Егор, — видел я ее однажды на рассвете. Зеленая, шерстью покрыта — мхом заросла, а вместо рогов — крылья! А головы у нее две: одна рыбья, другая птичья...

Это, конечно, художественный вымысел, но верно то, что алчность хитрой, проворной и стремительной щуки не знает границ. Щука поедает своих более мелких собратьев, хватает рыб, которых даже не может проглотить целиком, и плавает с торчащим изо рта рыбьим хвостом.

Некоторые рыболовы рассказывали, что были свидетелями поимки щуки, вцепившейся зубами в сетку с рыбой. Мне пришлось видеть, как однажды выудили щуку, мертвой хваткой схватившую живца. Так и вышла она на маленькой рыбешке, но добычу не выпускала. Да, жадность щуку подводит...

Тогда, в детстве, у плотины я поймал несколько щучек на пескарей и плотвичек. На них щуки клюют и на живых, и на мертвых. А когда дома я рассказал о щучке-

утятнице, мне запретили ходить одному к плотине... Давно это было, но до сих пор вспоминаю пенистые воды у сланей плотины и стремительно уходящий под воду большой, сделанный из сосновой коры поплавок. Щука при поклевке топит его сразу. Хищник есть хищник...

Потом в течение многих лет щуки меня как-то не занимали. Ловил других рыб. Но вот однажды проводил отпуск в деревне, пруд возле которого был настоящим щучьим царством.

С десятков лет назад здесь, на безымянной речушке, сделали запруду. Возле нее образовался большой пруд. Лес на месте затопления вырубил, но все равно остались пни, множество коряг. На мелководьях разрослась трава, образовав зеленые островки. Так и возникло щучье царство. Живут тут, правда, и налимы, и окуни, но их молоди нелегко приходится среди взрослых разбойников. Жались к берегу мальки, забирались в траву, но и в ней часто настигали их прожорливые враги.

Когда я и мой друг, миновав сосново-ольховый лес, пришли к пруду, он только просыпался. Зеркало воды слегка покрывала светлая бурка тумана. На воде — ни морщинки. Прибрежные деревья задумчиво смотрели в темные воды пруда. То в одном, то в другом месте плескалась рыба. У хищников началась охота.

Ловить щуку лучше всего на живца. Она берет его охотнее, чем блесну. Мы удили спиннингом и трехколенным удилищем с толстой леской и большим поплавком, а наживкой служили маленькие караси.

Вот мой друг вытащил крупного окуня. Затем второго. А у меня клюнуло не сразу. Наживку — карасей — я сажал на крючок покрупнее.

На этот раз я испытал метод ловли на живца, который не применял прежде. К леске спиннинга за грузом на двойник наживлял карася и забрасывал его к траве метров на десять-двенадцать от берега. Получалась донка. На поплавочной удочке живец стеснен в движении. А тут может свободно плавать, так как в грузиле есть отверстие, через которое легко проходит леска. Момент поклевки заметить нетрудно по треску спиннинговой катушки. Я пользовался вообще примитивной системой сигнализации: клал спиннинг на поставленный в воде у берега кувшин с живцами и, когда удилище падало с него, сразу начинал тащить. Трудно, конечно, рекомендовать такой метод всем, но я в тот раз удил довольно успешно.

Рассказал моему другу, что в прошлый раз, когда рыбачил один, поймал крупную щуку:

— Забросил и вдруг не увидел поплавка. Смотрю туда, сюда, нет здоровенной пробки, не всплывает. Стал тащить — отличная щука, она схватила приманку на лету. А вот с другой не вышло. Увидел, где беспокойно запрыгала мелочь, забросил туда живца, благо длина удилища позволяла. Слегка подергал леску, и это было ошибкой. Щука, которая только начала хватать добычу, выскочила из воды, ракетой пролетела по воздуху больше метра и ушла на глубину. Может быть, за леску или крючок задела?

— Наверно, — ответил мой приятель. — Я тут невдалеке удил, так мальчишки вытащили щуренка, порядочного уже. Крючок как раз у плавника зацепился.

...Все три десятка наших живцов были съедены. Ловить стало не на что. Пришлось сматывать удочки.

Домой мы решили идти вдоль речки. Здесь во многих местах непролазная чаща, поэтому удобнее всего передвигаться вдоль самой воды. Мой товарищ, шагавший впереди, остановился и жестом подозвал к себе. Тихонько подошел.. На сорокасантиметровой глубине стояла щука. Невдалеке — вторая. Хищницы грелись на солнышке. Мы, притаившись, с интересом наблюдали за ними. Рыбы отдыхали после утренней охоты. Поблизости плавали ничего не подозревающие мальки, а щуки, видно, не хотели прерывать сладкую дремоту из-за какой-то там мелочи.

Мы не стали пугать рыб и тихо двинулись дальше. Пусть хищницы чувствуют себя владычицами в своем царстве. На то оно и щучье!

КЛЕВ... ПО ЧАСАМ

Хобби бывает разное. Одни коллекционируют марки, другие — этикетки от спичечных коробок, третьи — батареи парового отопления. А один мой знакомый собирал коллекцию рыболовных крючков.

Как-то я узнал, что есть у приятеля-коллекционера крючки с двумя бородками, с которых не только рыба не срывается, но и черви не сползают. Мысль стать счастливым владельцем таких крючков буквально не давала мне покоя. Я думал о них днем и ночью. Говорят, если вас одолевают мысли, перевернитесь на другой бок, и вы будете одолевать их. Переворачивался, не помогло.

Долго я уговаривал знакомого подарить мне парочку необыкновенных крючков. В конце концов он согласился, и я стал обладателем крючков, на которых кроме обычной бородки была небольшая насечка с внешней стороны.

И вот она, долгожданная первая рыбалка с новой снастью. Начало ее не принесло радости. Попадались небольшие окушки и плотвицы. Крючок с двумя бородками действовал неплохо, но настоящей работы у него не было.

Чем выше поднималось солнце, тем сильнее становился ветер. Его порывы стали класть поплавков набок. Не всегда можно было разобрать: то ли клюет рыба, то ли это "ветренные" проделки. Решил уйти домой. Но для рыболова закончить рыбалку — дело сложное. Стоишь с удочкой и думаешь: "А когда еще половить выберусь?" "Вот через полчаса и двину". "Еще одну рыбину подцеплю, тогда..."

В момент таких не слишком бодрых рассуждений мое внимание привлекло странное поведение поплавка на удочке, который ловил у дна. Он продолжал лежать, хотя ветер уже стих. Приподнял удилище. Леска натянулась струной, но крючок вверх не шел, будто за что-то зацепился. В общем, вытащил леску без крючка. Грузило было на месте, а чудесного подарка товарища как не бывало. Привязал второй крючок и "в последний раз" закинул снасть.

Все повторилось. Поплавков лег на воду. Потасил. Кто-то сильно упирался. Леска в полмиллиметра толщиной туго натянулась. Со страхом смотрел я на невообразимо изогнувшееся удилище — выдержит ли? Вдруг пропадет и другой необыкновенный крючок. Но удилище выдержало. Леска и нервы — тоже. Наградой стал превосходный окунь, такой килограммовый красавец.

Когда я освобождал крючок из рта рыбины, обнаружил первый, зацепившийся за ее губу. Как я понял, в тот раз просто-напросто развязался узелок, крепивший крючок к леске.

Хорошо все-таки, что уцелели эти чудо-крючки. В то лето с их помощью я выудил прямо-таки сенсацию. Однажды ранним утром удил я среди разросшейся травы в небольшом "окне". Забросил снасть. Ни единой поклевки. Только стайки мальков сновали взад-вперед. Собрался было уже перейти из этой обители тишины и спокойствия на другое место. Но что это? Мальки засуети-

лись и метнулись в разные стороны в траву. И тут же исчез поплавок. На крючке оказался порядочный по размерам окунь — широкий горбач с пятью поперечными полосами.

Потом стало клевать похуже. И все-таки это была необычная рыбалка. Очередная рыба клевала через каждые пять минут с такой точностью, что по погружению поплавок можно было проверять часы. Пять минут — окунь, десять — два. Будто на дне установлен хронометр. Запас червей при таком отличном клеве довольно скоро стал подходить к концу. Попытки удить на часть червя успеха не принесли. Пришлось поделиться с водными жителями завтраком — ловить на кусочки белка сваренного вкрутую яйца. Рыбе эта насадка показалась, видимо, более привлекательной. Хронометр продолжал действовать.

Случайность? Ну а если предположить, что есть в ней какое-то проявление закономерности? Возможно, крючок с наживкой попадал на окуневую дорогу. Ведь рыба ходит, как правило, своими "исхоженными" тропами. Вот окуни через определенное время и подплывали к берегу, где угощались насадкой на моей удочке.

Мой знакомый поинтересовался, как работает его подарок. Рассказал ему все, как на духу.

— Бывает, на рыбалке чего не бывает, — заметил он, рассматривая новое изобретение — крючок, у которого бородки были и с внутренней, и с внешней стороны: одна заводская, другая дополнительно напаянная из олова. — У меня раз на море, — продолжал он, — корюшки клевали через каждые шестьдесят секунд. Как сейчас помню!

ЖИВИТЕ, ЖИВУЧИЕ...

Когда отдыхаешь летом в деревне, что может быть приятнее, чем встать до восхода солнца и прийти к едва просыпающемуся пруду! Над водной гладью клубится пар. Воздух пропитан утренней прохладой. То в одном, то в другом месте всплескивается рыба, подставляя свои бока первым лучам восходящего солнца.

Карасей в этом пруду много, но они со странностями. Дело в том, что их приучили клевать на белый хлеб, поэтому на червя — исконно рыбью пищу — караси здесь не берут. Ну что ж — каждому свое. Насадил я на крючки

небольшие кусочки мякиша и уселся на берегу, ожидая осторожной карасевой поклевки.

Сердце замерло от первых кругов на воде, и вот у меня в руках золотистый карась. Клев был неплохой, но рыба шла средняя. Большие караси — "лапти", которые, я знал, водятся в этом пруду, те, что сгибают в дугу удилице, ломают крючки, не попадались. И все-таки мне повезло. Я имею в виду не улов, а знакомство со знающим рыбки повадки человеком. В тот момент, когда я тащил небольшого карася, подошел сторож со скотного двора. Старик, случалось, и раньше наблюдал за моими "успехами". На этот раз, критически осмотрев удочки, он сделал все наоборот: спуск поплавка убавил, куски хлеба сделал побольше, объяснил, что забрасывать надо не к далекой тине, а у самого берега, под свисающие над водой ветки дерева.

Вот тут и началось! Сразу же после заброса — поклевка. Потянул удочку, да не тут-то было. Карась — рыба сильная. Когда я вытащил первого красавца и положил его на руку, в длину он оказался куда больше ладони. При очередной поклевке, видимо, более крупная или сильная рыба оборвала крючок. Привязал новый и вытащил несколько рыбин.

Старик улыбался и удовлетворенно качал головой. Трудно сказать, чем заслужил я расположение сторожа, но он поведал мне кое-какие свои секреты. Думаю, своими рассказами о рыбалке, вниманием, с каким я относился к его советам.

— Значит, завтра с утра туда же? — спросил как-то вечером старик, когда мы с ним случайно встретились у колодца.

"Куда" можно было не уточнять, ясно, что на старое место, где "лапти" ловятся "почти что руками".

И вот с утра мы на месте. Но поплавки неподвижны, рыба плавает пока в других местах. Ждем, вспоминая пословицу: "Без труда не вытащишь и рыбки из пруда". Так сказать, ничего не делая, трудимся. Потом рыба все же подошла, но клевала куда слабее, чем в прошлый раз. И чем выше поднималось солнце, тем хуже становился клев. Мы отошли на несколько метров от берега и тихо разговаривали.

— Смотрите, рядом с этим прудом другой, поменьше, — обратился я к сторожу, — глину там раньше брали. Сколько прошло с той поры? Года три-четыре?

— Пяток, почитай, будет!

— Я видел, мальчишки там корзинами мелких карасиков ловили. Откуда они взялись?

— Э, милый, карась не только в этом пруду. У соседней деревни торф добывали. Все же далече отсюда, а в тех ямах тоже сейчас карасей полно.

— А откуда?

— Все в миру связано.

— Я читал, что вороны, чайки и другие птицы поменьше едят рыбью икру, а потом, случайно пролетая над прудом, где раньше рыба не водилась, выкидывают ее вместе с пометом. Там она и развивается. Мальки появляются, растут. А потом уж новое поколение идет.

— Так, наверно, и есть. Но думаю, что это не все. Птицы могут переносить икринки и на клюве, на лапках, да хоть на перьях своих, коль недалеко. Да, все дело в птицах. Если б не они, пруды так быстро не заселялись бы рыбой. Или вот, возьмите, гольяны по всему Подмосковью развелись. Тоже раньше не было...

От разговора нас отвлекли поплавки, притонувшие сразу на обеих удочках. К улову каждого добавилось по небольшому карасю.

— Наверно, икра карася живучая, как и сам карась, — продолжил разговор мой знакомый, видя, что клев снова прекратился.

— Я тоже так думаю. Карась ведь больше двухсот пятидесяти дней может жить без пищи. В ил зароеется и спит. Потом опять плавает и ест как ни в чем не бывало. А иногда в водоеме воды с гулькин нос, другая рыба вымерла бы, а придешь в конце засушливого лета к такому водоему после больших дождей, снова лови — пережил карась все невзгоды.

— А у меня был случай, чудо просто. Поймал однажды весной здесь удочкой десяток карасей. Домой принес и в мокрой тряпке в подпол положил. Обед у старухи был, поэтому за приготовление карасей хозяйка моя принялась дня через два. Перед тем как рыбу чистить, положила ее в воду, в таз. Вдруг через какое-то время один из карасей расправил плавники и поплыл. "Вот уж чистое колдовство, — старуха-то сказала. — И есть, говорит, его не буду..."

— Да, случай редкий!

— То-то и я подумал — редкий, — перебил меня старик. — Так из уважения к рыбьей живучести посадил я его в другую посудину, снес к пруду и отпустил. Ведь заслужил!

— Еще бы!

Мы с увлечением говорили о карасях и посматривали на поплавки и на свои ведерки с небогатым уловом. Поплавки оставались безжизненными, а вот в ведерках жизнь была ключом. Рыбы плавали как ни в чем не бывало. Без рассуждений, не сговариваясь, мы наклонились к ведеркам и отпустили карасей назад в пруд.

Живите, живучие!

ИЮНЬ — НА РЫБАЛКУ ПЛЮНЬ

Июнь в народе назван разноцветом. Зовется он так за яркость и неповторимость красок растений и чарующую прелесть цветов. Летит невесть откуда тополиный пух, снежно-белыми лепестками покрыты земляничные кусты, а воздух щедро напоен ароматом соцветий рябины и медоносной калины.

Я шел узкой лесной тропой. Прямо из-под ног поднимались "летающие цветы" — пестрые бабочки. С пригорка, поросшего кудрявым кустарником, я спустился к берегу Истринского водохранилища.

Под зеленым шатром деревьев расположились двое рыболовов. Люди, по всему видно, бывалые, привыкшие к удачам, во всяком случае на рыбалке. К таким не надо сразу лезть с разговорами. Лучше понаблюдать, дожждаться, когда кто-то вытащит рыбу, хотя бы самых скромных размеров, и выразить восхищение его рыболовным мастерством, будто поймал он по крайней мере акулу. Уже после этого можно спросить традиционное: "Как клев?"

Так я и сделал, когда один рыболов выудил небольшого подлещика.

Ответ не заставил себя ждать:

— Какая в июне рыбалка! После весеннего жора в июньскую жару рыба сытая, вялая. Ей не до клева... — Это сказал тот, кому только что улыбнулась фортуна. — Пословица на этот счет есть: "Июнь — на рыбалку плюнь".

— Не скажите, — перебил его другой рыболов. — Я был в прошлом году в командировке в Сибири. Как раз в июне. Пришлось побывать в таких местах, где и в эту пору можно ловить рыбу по выбору.

— Как по выбору? — спросили мы одновременно с другим рыболовом.

— А так. Смотришь в воду и, какая рыба побольше, той насадку подвигаешь, кушай на здоровье.

— Это в аквариуме, что ли? — не без иронии спросил я.

— Зачем в аквариуме? В Новосибирской области на озерах. Вода в них летом чистая, будто хрустальная. До трех-четырех метров глубины, а может, и больше, но видно все, что творится на дне. Сидишь в лодке и видишь: совсем рядом промелькнули серебристые ельцы, в подводных илистых углублениях плавают караси. Одни корм добывают, другие куда-то пробираются среди водорослей. Рыбы эти, кстати, там не граммами, фунтами измеряются. Смотреть любопытно, ловить, сами понимаете, еще интереснее. Тут рыбе не просто червячком полакомиться предлагаешь, а по выбору своему: эта мала, пусть подрастет, а по тому "лаптю" давно моя сковородка скушает! Подводишь к носу рыбы, которая посолиднее, червячка. Она сначала смотрит, размышляет будто, стоит ли клевать. Потом все-таки соблазнится, схватит. Тут ее в лодку и новую добычу высматриваешь. Так и ловишь, сколько захочешь.

— Не зря тебя Промысловиком зовут, — заметил другой рыболов. — Таких больше добыча интересует, чем рыбалка. Вот тебя часто рыба за сто верст и обходит.

...Между тем солнце стало клониться к закату. Начался вечерний клев. У Промысловика не клевало, будто рыба действительно чувствовала, с кем имеет дело. А поплавок Романтика, как я мысленно прозвал другого рыболова, вдруг исчез под водой, согнулось бамбуковое удилище, а потом в садке заметался большой полосатый окунь. Вскоре к нему добавился второй, третий, четвертый. Видимо, подошла рыбья стая. Когда заброс закончился обрывом поводка, нам оставалось лишь гадать о размерах ушедшей рыбы.

— Лично я больше ловить не буду, — сказал Романтик, — на жарешку-то хватит...

А Промысловик так ничего и не поймал. Уходя, Романтик заметил:

— Что касается пословицы, которую я вспомнил, когда вы подошли, то ее так понимать надо: "Июнь — плохой рыбац на рыбалку плюнь..."

БЫСТРИНА

Представьте себе дальневосточную речку, текущую между невысокими сопками. Вода в ней холодная, ледниковая. Если кто и рискнет в теплый день искупаться,

мигом выскочит из воды, будто ошпаренный. Такие речки — любимые места обитания гольцов.

В июле, когда, наконец, наступило сто раз снившееся нам долгожданное лето, мы с товарищем приехали удить гольцов на такую вот стремительную речку. Остановились у крутого изгиба.

Воды реки, ударяясь о камни, о прибрежную крутизну, kloкочут, глухо журчат. Во время ловли можно разговаривать, не боясь напугать рыбу.

— Знаешь, — говорит мой товарищ, — недалеко отсюда на такой же быстрой реке есть водопад Олень. Слышал?

— Слышал. А вот почему он так называется?

— А вот что о нем рассказывают. Вел олений вожак свое стадо к местам кормежки, где в тот год было много мха. В пути напал на стадо волк. Со всех ног бросились удирать олени. Впереди — обрыв. Вожак повернул навстречу хищнику. Изловчившись, ударил врага копытами, да волк все же вцепился ему в горло. Тогда вожак, неся на себе волка, бросился с высокой кручи в водопад.

— Знаешь, по-моему, так могло быть!

— Слышал еще, что на месте, где упал храбрый олень, даже зимой рдеют цветы, как когда-то оленья кровь.

— А это уже вымысел.

— Почему? Ведь возможно, что там бьет горячий источник и цветы появляются раньше, чем в других местах.

Мы заговорили о том, что в названиях мест и связанных с ними легендах часто отражено то, что когда-то происходило в действительности и что давно минувшее долго живет в народной памяти.

— Тут немало названий, связанных с прошлым. Южнее есть Камень-рыболов, — сказал мой товарищ.

— В самом деле? А это название как произошло?

— Мне эту историю один старик рассказывал. Кстати, говорил, что его дед верил, что человек произошел от медведя. Его когда-то здесь за божество почитали. Говорили, мол, ходит он, как человек, на двух ногах, нетороплив, разумен, силой не обижен. Наверное, поэтому и старое предание о Камне-рыболове с медведем связано.

Медведь был старым и больным и уже с трудом бродил по лесу в поисках добычи. Исхудавший, совсем тощий, он уже несколько дней ничего не ел. Измученный зверь часто падал, потом медленно вставал и снова шел вперед.

Усиливавшийся запах близкой воды раздражал его, заставляя снова и снова подниматься. А потом медведь упал, и казалось, что он никогда уже не встанет. Но шум прибоя манил, звал, придавал силы. Почти умирающий от голода, он встал и, шатаясь, потащился к воде. Наконец старые, уже много повидавшие глаза увидели огромное озеро.

То, что он увидел, подойдя ближе, поразило его настолько, что он забыл о прошлых бедах и даже о голоде. Перед ним простиралась отгороженная от озера обломками упавшей скалы большая яма с водой, в которой было столько рыбы, что ее хватило бы целому десятку таких же голодных медведей.

Медведь понял: судьба на какое-то время дарила ему жизнь. Он подобрал несколько мертвых рыб, с жадностью съел их, а часть добычи спрятал про запас, укрыв сверху небольшими камнями.

Шли дни. Рыба в яме стала подходить к концу, и медведь ловил и съедал не более одной штуки в день. Но тут опять разразился шторм. Волны выбросили новых, ослабевших в борьбе рыб, и уйти назад, в родную стихию, они не могли, потому что путь преграждали обломки рухнувшей скалы.

Ранней весной часто бывают бури и штормы, и озеро исправно пополняло запасами его "кладовую". Так медведь прокормился до лета, потучнел, глаже стала его бурая длинная шерсть. Пережив бескормицу, медведь отправился в тайгу, к сопке Медведь-гора, как звали ее люди. Там он и умер, не в силах уже вернуться к месту, где его щедро кормил Камень-рыболов.

А люди, что жили неподалеку, заметили, как старый больной медведь из последних сил пробирался к озеру. И решили они посмотреть, что же привлекало там хозяина тайги. Они пришли на берег озера и увидели яму, наполненную водой, поняли, что шторм выбрасывает сюда рыбу. Тогда они тоже стали ходить к камню, когда не приносила добычи охота или рыбалка.

Так продолжалось много лет. Но однажды, во время сильного шторма, подмытая скала рухнула в озеро, и Камень-рыболов стал не ловушкой, а простым камнем, как и бесчисленное множество других...

— Интересная, хотя и невеселая история, — заметил я. — А что там сейчас?

— Я ее во Владивостоке слышал, пока ждал рейсовый автобус. И поселок есть с таким названием. Камня нет,

а память о нем живет. И в названии поселка на озере, и в легенде.

Да, возможно, все так и было, только жаль, что не могут подтвердить это ни гордый олень, ни покоящийся на дне озера Ханка камень. А где кончается быль и начинаются легенды, кто знает?

ДАЛЬШЕ БРОСИШЬ — БОЛЬШЕ ПОЙМАЕШЬ

Румянцем разлилась утренняя заря. Начинался чудесный августовский день, теплый и безветренный. Любуясь розовой полоской на востоке, я не забывал о главном — споро насаживал наживку на крючки. На одну из удочек-закидушек насадил маленького лягушонка. О ловле щук на лягушат я, конечно, знал и раньше, но перед этой рыбалкой мне рассказали, что на лягушат хорошо клюет крупный окунь. Вот я и решил попытать счастья.

Участок берега Рузского водохранилища, где я расположился, считается окуновым, причем, как мне говорили, здесь действует закон: дальше бросишь — больше поймаешь. Забросил удочку согласно этому закону и стал ждать. Вдруг поплавок лег набок и медленно пошел в сторону. Но ведь так клюет не окунь, а лещ! Да, но не на лягушонка же! Во всяком случае, на крючке была крупная рыба. Покидать свою стихию водный житель определенно не хотел. Он то натягивал леску, то ослаблял, то старался уйти в сторону. Хорошо, что удочка была с катушкой. Борьба продолжалась с переменным успехом, но постепенно я вывел утомившуюся рыбу на поверхность. Мне попался крупный лещ серовато-серебристого цвета, будто одетый в блестящую кольчугу. Он лег на бок, и я сумел подвести его к берегу. Бросив удочку, схватил рыбину обеими руками и кинул на траву.

Судя по размеру, лещ за свою долгую жизнь истребил немало водорослей, рыбьей икры, мальков, баловался и червяками. А тут не устоял перед новым "блюдом" и... попался. Но, скажу я вам, это крайне редкий случай.

С ловлей лещей и подлещиков у меня связано немало и других воспоминаний — и радостных, и не слишком приятных. Подлещиков довольно успешно ловил на червя, на мотыля и на хлеб, на тесто и кашу. А вот что касается воспоминаний не слишком приятных, то тут разговор особый.

Удил я однажды в заливчике Истринского водохранилища. Зная, что здесь водится в основном подлещик, от-

пустил леску от поплавок так, чтобы насадка касалась дна. Но лежала она недолго. Поплавок несколько раз дрогнул и, погружаясь, резко пошел от берега. После долгой борьбы из воды показалась, наконец, голова леща, и он прилег на бок "отдохнуть". Теперь, думал я, последнее усилие, и добыча твоя. Дернул удище, но, видимо, слишком сильно, и жилка оборвалась примерно в метре выше поплавок.

В общем, познакомиться поближе лещ отказался. Я стоял, растерянно держа удище, а огромная рыбина, похожая на разрубленное вдоль белое бревно, лежала на воде в трех метрах от берега. Лежала обессиленная борьбой и не двигалась. Казалось, протяни руку — и бери. Но руки-то у рыболовов сильно вытягиваются только на юмористических рисунках.

Лещ отдыхался и пошел на глубину. Здесь-то и началось "представление". Поплавок скрылся под водой, затем появился метрах в восьми от меня. Рыба стала ходить от одного берега заливы к другому. Поплавок погружался, всплывал, ложился набок и останавливался, когда рыба отдыхала. Так продолжалось долго. Я бегал по берегу туда и обратно, но сделать ничего не мог. Лодки не было. А вода ранним утром, может, и теплая для лещей, мне показалась холодной.

Поплавок повело вдоль берега. Я пошел почти рядом с ним, думая о том, что лещ вообще-то рыба смиренная, а этот какой-то бешеный. Но вот рыба замедлила движение, а потом остановилась. Поплавок замер и, будто утомленный, лег набок. "А ведь лещ устал, — подумал я, — рискну, сплаваю — и его достану, и снасть спасу".

Не обращая внимания на холод, я старался плыть быстрее. Наконец схватил рукой поплавок с леской и понял, что леща и след простыл.

Как тут было не вспомнить разговор двух охотников:

— Знаешь, есть такие охотничьи собаки, которые умнее своих хозяев, — говорит один.

— Подумаешь, у меня тоже такая была, — ответил ему другой.

И рыба бывает умнее рыболова!

Три озера рядом, а вот название у них одинаково — Медвежьи. Раскинулись они неподалеку от Москвы, в Щелковском районе. Доехать до озер из столицы не сложно, труднее, пожалуй, подобраться к чистой воде через топкие, заболоченные низины, густые прибрежные заросли, щедро вскормленные влажной жирной почвой.

Но Демид Андреевич Самхин — среднего роста, молоджавый для своих сорока лет человек — и Григорий Павлович Кочергин — узкоплечий, в широких брюках и больших резиновых сапогах, что придавало его фигуре вид неестественно удлиненного прямоугольника, — знали удобную тропку, ведущую к самому озеру.

Забросив удочки, Самхин и Кочергин стали ждать поклевок. Григорий Павлович бросил к поплавам две горсти жмыха и пояснил:

— Для установления взаимного доверия.

— В такое время карася надо искать на прогреваемых солнышком мелях, — заметил Демид Андреевич. — А где солнце? Раненько еще.

— Которые рыбы покрупнее, на глубинах полтора-два метра, — добавил любивший точность учитель. — А солнышко? Оно сейчас выйдет. Успели мы добраться в лучшем виде. Хорошо половим, это уж как дважды два — четыре.

Словно для придания наглядности словам друга Самхин вытащил трепещущую рыбку, и солнце первыми не смелыми лучами позолотило ее бока.

Друзья вдыхали наполненный ароматом цветов и запахом влаги воздух и любовались пестро-зеленым ковром луга. Вдруг их внимание привлекли... нет, не поклевки, их уже было немало, а фантастические, быстро сменяющиеся узоры на воде. Небольшие караси собирались в большие стаи, выходили на поверхность воды, снова уходили на глубину, танцую то медленный, то убыстряющийся танец, понятный, наверно, только им одним.

— Кислородом подышать вышли, — улыбнулся Самхин.

— Не все, — уточнил Кочергин, — кое-кто остался, клюет же у нас потихоньку.

— А большие-то "лапти" где?

— Погрелись, а простору им мало. Из растительности на плесы выходят, на раздолье.

— Давай тогда на границу водорослей и чистой воды

удочки перебросим, — предложил Демид Андреевич. — Пойдет карась на прогулку, наших червяков увидит, будет возвращаться, опять же их не минует.

— Тише, братец, — шепотом прервал товарища Григорий Павлович. — Взрослый карась шума не любит.

— Верно, давай подальше от поплавок держаться, а удилица на рогатки положим.

Вскоре пошел карась покрупнее. Сильные рыбы уводили поплавки далеко в сторону или топили их, сгибали удилица, а потом, видно почуяв что-то неладное, рыба ушла.

— Теперь будем решать задачи с иксами и игреками, — проговорил Кочергин.

— Да, настало время поэкспериментировать, — согласился Самхин.

Друзья стали ловить на более мелкую насадку — кулочки червяка, крошки хлеба. Клев возобновился, да ненадолго.

— Все-таки крупная рыба искала, где глубже, — заключил Григорий Павлович, пробуя ловить и поверху, и вполводы, и у самого дна.

— Кто ее знает, где она чего потеряла и где ищет, — улыбнулся Демид Андреевич. — Кое-что, однако же, наловили.

Самхин поставил большой поплавок веретенообразной формы, прикрепил груз потяжелее и забросил наживку в водные заросли. Пробив траву, груз увел за собой червя.

— В траву от ветра, полагаю, наши приятели ушли, — проговорил Демид Андреевич. — Вот в их прибежище и заберемся!

Уже при первом слабом шевелении поплавок Самхин подсек и вывел на поверхность довольно крупного карася. Рыбу это явно не устраивало, она билась о воду, пыталась "зацепиться" за каждую травинку, словно утопающий за соломинку. Рыболов резко приподнял удилице и заставил карася совершить "воздушное путешествие".

Сколько карасей поймали Демид Андреевич и Григорий Павлович, они не считали. Хотя и были друзья выше всяких предрассудков, все же твердо знали: кто каждой пойманной рыбе учет ведет, много никогда не наловит. Даже Кочергин арифметикой пренебрегал. И все же, едва в травяных зарослях кончился клев, его математическая душа не выдержала:

— Цыплят по осени считают, — издалека начал он и вдруг совсем прямолинейно закончил вопросом: — А карасей?

— Надо бы, надо бы, — согласился Самхин. — В садки посадим, а то ведь некогда было.

Тут следует заметить, что, когда Демид Андреевич поймал первых карасей, клев был активным, только успевай удочку забрасывать, поэтому садок он не доставал. Увидев на берегу небольшую яму с водой, подумал: "Чем не садок?" — и пускал туда пойманных рыб. Кочергин последовал его примеру.

Лужа-садок был внешне и в самом деле хорош. Размером метр на полтора, он с дальней от озера стороны буйно зарос травой.

— А где же рыба?! — вдруг закричал Демид Андреевич, шаря руками в луже.

В природном садке не было ни одного карася. Оказалось, что высокая трава росла в воде. Через нее можно было пробраться к ручейку, который метрах в пяти от места рыбалки впадал в озеро.

— Вечный двигатель у нас какой-то получился, — с досадой заметил Демид Андреевич. — Ловим — отпускаем, ловим — отпускаем.

— М-да, получается: из бассейна А вытекает, а в бассейн Б втекает, — со вздохом добавил Кочергин. — Ведь и приличные "лапти" между травинок-былинок сманеврировали.

— Были лапти, да сплыли, и еще другим лаптям, сапогам, туфелькам сказали, чтобы не клевали у нас. Так ведь до скончания века можно было ловить, — уныло, под нос бурчал Самхин.

— В общем, рыбы не поймали, зато вечный двигатель изобрели, такого пока никому в мире не удавалось! — рассмеялся Григорий Павлович.

— Нечего нам, братец, переживать, — заключил Демид Андреевич. — Приехали-то мы сюда словно на праздник. Быть гостем природы всегда большая радость. Кто же с праздника уезжает с плохим настроением?

Кочергин согласно кивнул головой.

"ПОНИМАТЬ НАДО..."

На берегу Финского залива, неподалеку от деревни Черная Лахта, раскинулось необычное поселение. Вместо привычных в приморских зонах отдыха летних домиков

и палаток стоят плотно прижавшись друг к другу маленькие дачки, внешне очень похожие на железнодорожные вагоны. И людей, особенно в выходные дни, в них поселяется столько, что их вместимости могла бы позавидовать даже пригородная электричка.

Многие из отдыхающих в соседних со мной дачках — заядлые рыболовы. Благо залив щедро одаривал каждого. Тот, кто удил у берега за камышами, ловил серебристых плотвичек и красноперок. Кто выходил на лодках чуть подальше, возвращался с мелкими окунями и ершами. А кто уплывал довольно далеко, случалось, радовался и окуням-горбачам, и толстым широкобоким язям.

Но так уж, наверно, устроен мир, что когда все идет хорошо, что-то обязательно происходит. Вот и здесь. Налетела вдруг ночью буря, покачала стоящие у причала лодки, забросала вагончики сосновыми шишками и сломанными ветками, крупный дождь прибил желтый прибрежный песок, и... клев прекратился.

Один, другой, третий рыболов вернулись без добычи. Люди досадовали, меняли места ловли, наживку, лески и поплавки — ничего не помогало. Не жарили больше на общественной кухне рыбу, не убегала на горячие конфорки уха, и запах вяленой плотвы уже не смешивался с хвойным ароматом окружавшего поселок леса.

Приуныли рыболовы. Чем только не объясняли причину бесклевья! Говорили, что жор у рыбы прошел, черви не те, буря грязь со дна подняла, шум волн рыбу перепугал. Многие говорили. Только сторож лодочной станции, бывший матрос, не ввязывался в спор. Как заметили вездесущие мальчишки, он с улыбкой объяснял своему постоянному спутнику — огромной собаке, что никто из приезжих ничего не понимает, и этим рыболовам он еще докажет. Дескать, только бы вторника, его выходного дня, дожждаться, на рыбалку выйти.

Интерес к проблеме "докажет или не докажет" с каждым днем все более возрастал. Даже те, кто никогда не держал в руках удочек, в очередной вторник не пошли ни за грибами, ни за ягодами. Все устремились к причалу, ожидая возвращения хозяина лодок.

Где-то около полудня поселок огласил возглас забравшегося на высоченную сосну мальчишки: "Плывет!" Отдыхающие устремили взоры к зеленой, медленно скользящей по заливу лодке.

Причалив к пирсу, сторож выгрузил спасательный круг, весла, черпак, удочки, банку из-под червей, веще-

вой мешок с остатками еды. Наконец под нетерпеливые возгласы присутствующих: "Где улов?" — из-под задней скамейки лодки был извлечен большой прозрачный мешок.

— Десятка полтора будет, может больше, — проговорил матрос, обеими руками подняв богатый улов над головой.

В мешке лежали тушки трески — белобрюхой, большоголовой, с черной блестящей спинкой. Никто из присутствующих не сводил с мешка глаз, словно была там не рыба, а сам царь морской.

— Вот кто всех поразгонял, — объяснил матрос, тряхнув шевелюрой. — Треска на глубине на окуня охоту устроила. Он к берегу подался, мелочь распугал. В море, почитай, все хищники, а ежели к берегу подошли да предполагают тебя съесть, не больно аппетит разыгрывает. Понимать надо!

В ночь на среду почти никто из рыболовов поселка не спал. С рассветом целая флотилия лодок двинулась на глубины до десяти метров, где жировала треска. Когда я проходил мимо сторожа, он, критически осмотрев мои удочки, заметил:

— Леска зеленая. Понимать надо.

Но какого цвета леска на моих удочках, я знал и сам, поэтому не остановился для разговора, а поспешил занять лодку.

Смысл того, о чем думал, да не высказал старый моряк, дошел до меня позже, когда, встав на якорь, я забросил снасти. Даже слабая волна топила красивые, тщательно раскрашенные поплавки, купленные по случаю в Москве на Птичьем рынке, а течение поднимало дробинку-грузило чуть ли не к поверхности воды. О ловле на глубине не могло быть и речи. Подумалось о том, что предупредил меня местный рыбак, что, кроме цвета лески, все плохо, не послушался, вот поплатился за это.

Снявшись с якоря, я подошел к соседней лодке и попросил взаймы подходящих грузил и поплавков. Рыболовы — люди отзывчивые. Грузила мне дали, а вот лишних поплавков не оказалось. Стал подцеплять их по три на леску, но грузила были тяжелыми, и поплавки тонули так быстро, будто сделали их не из пенопласта, а из титана. Со дна же рыба не брала.

Зато к четвергу у меня были выструганы из сосновой коры огромные поплавки, поточены крючки, пополнен запас червей. И уже после первого заброса ко-

ричевый поплавок исчез под пологой волной. По привычке подсек. Леска ноль два миллиметра, на которую в Подмоскovie вытаскивают лещей, оборвалась, словно тонкая гнилая нитка.

Снова нацепил на крючок червей, сделал новый заброс, и опять утонул здоровенный поплавок. Чувствую тяжесть и сопротивление рыбы. "Скорее, скорее", — стучит сердце. Не слушаю его, тащу медленно, аккуратно. Если рыба идет в сторону, отпускаю леску с катушки. Наконец, бьющаяся холодная треска у меня в руках. Она несравненно красивее той, что продается мороженой в магазинах: широкое белое брюшко рыбы резко контрастирует с темной спинкой, а большая голова — с узким телом.

Успел подумать, что с таким огромным зубастым ртом можно кого хочешь к берегу прогнать, как утонул поплавок второй удочки. Положил удилище и, перебирая руками леску, подвел рыбу к лодке. Вот она, стремительная, рядом! Беру подсаечком, но не тут-то было. Леска снова не выдержала, и треска ушла на глубину.

Тонули поплавки. Рвались лески разных цветов и разных стран. Сделал вывод, что с леской ноль два миллиметра за треской ходить нечего. Кстати, без хорошего запаса червей тоже.

На другой день мне пришлось уезжать из гостеприимного прибрежного поселка. На прощание подарил свою тонкую леску сторожу лодочной станции.

— Хороша лесочка, — проговорил он. — Только вдвое ставить ее надо. А может, и втрое. Посмотрим. Понимать надо, — добавил он, обращаясь уже не ко мне, а к лежащей у его ног большой серой собаке.

У СВАЛЕННОЙ СОСНЫ

Бежали по земле, по зеленым кочкам и серым мхам, торопились куда-то высокие кудрявые сосны и вдруг, увидев непреодолимое препятствие — широкую реку, остановились, застыли, вскинув от неожиданности ветви руки к небу. Одно дерево, спешившее, видно, больше других, не сумело укротить стремительный бег, не удержалось на пригорке и упало в реку. Но и поверженное захотело оно остаться со своими собратьями, изо всех сил уцепилось крепкими корнями за берег, острыми поломанными сучьями за дно реки, и не смогло унести его течение.

Вода сердилась, шевелила попавшие в ее объятия ветви, падала со ствола коричневая кора, а вместе с ней жуки и короеды. Садились на торчащие над водой ветви бабочки и стрекозы, порой не удерживались на сухой опадающей хвое и тоже попадали в воду. Вот и получилось, что сама природа создала у упавшей в реку сосны прикормленное место.

Держалась возле него рыба: плотва, густера, уклейка. Нарядные серебристые красавицы привлекали речных хищников. Подходили к сосне стаи жирющих окуней. Чуть поодаль от нее, в глубоком омуте, поселились жадные, прожорливые щуки. А там, где водится рыба, непременно появляются рыболовы.

В это разгорающееся июльское утро первым у сосны появился молодой человек — стройный, поджарый, лет восемнадцати. Его белая майка была украшена цветными надписями: "Ловись рыбка большая и маленькая", "На одном конце червяк, на другом конце чудак", "На одного три удочки, а рыбки ни одной".

Молодой рыболов посмотрел на светлеющую реку, на шевелящиеся под водой ветки, соединил колена удочек и прицепил к поясу мешочек для рыбы. Пройдя метров семь по стволу к вершине, он забросил насадку.

Минут через тридцать появился рыболов постарше — толстый коротыш в зеленой рубашке и такого же цвета брюках. Увидев юного рыболова, он ненадолго задержал изучающий взгляд на его майке и, пряча улыбку, спросил:

— Как дела?

— Дела у прокурора, — не слишком вежливо отозвался владелец необычной майки. — Здесь рыбалка.

Поняв, что его ранее пришедший коллега по рыбалке ничего не поймал, толстяк усмехнулся и стал разматывать удочки. Как видно, он опасался отойти далеко от корней, сделал три шага по стволу и забросил червя к белым цветам кувшинки.

Сытая рыба осторожничала. У рыболова, что выбрал место для ужения у вершины дерева, желтый поплавок стоял неподвижно, как, впрочем, и сам хозяин удочек. Поплавок на удище толстяка два раза качнулся, и он вытащил трепещущую серебристую рыбку.

Молодой человек с одобрением кивнул пожилому рыболову.

— Густера, — удовлетворенно проговорил тот. — Удобная рыба. Целый день кормится. И личинки, и водо-

росли, и хлеб, и червяк — ни от чего густера не отказывается.

— А вы, заметил, на червя ловите. А два крючка зачем? — заинтересовался юноша.

— Видите ли, не раз слышал и читал, что успех одинаковый с одним или двумя крючками. Даже будто два рыбу отпугивают. А я иначе думаю. Представьте, нижний крючок на дне лежит, в ил зарылся, на верхний клевать можно. Если же верхний между травой попал, нижний рыба увидит. Получается, что один работает, другой отдыхает. Разве плохо?

— Чего попроще спросите, — отозвался владелец белой майки. — Я начинающий. Сумка для рыбы совсем пустая.

Над дальними соснами поднялось солнце. Веретенообразные поплавки удочек обоих рыболовов отбросили на гладкой поверхности воды длинные расплывчатые тени. Прошло некоторое время, но постепенно укорачивающиеся тени так и оставались недвижимыми.

Толстяк наклонился к корням сосны, засучил рукава рубашки, погрузил руку в воду и вытащил темно-зеленые шелковистые пряди тины.

— Огурцом пахнет, — показал он траву юноше. — Сейчас вместо животной пищи растительную испробую.

Рыболов отделил от пучка прядку толщиной три миллиметра, захлестнул ее вокруг крючка, оставив маленький хвостик. На другой крючок он намотал пучок величиной с горошину и пустил насадку по течению. Поплавков его удочки медленно поплыл к кувшинкам. Рыболов поднял удилище, остановив плавное движение снасти. В этот момент поплавок почти целиком погрузился в воду. Довольно крупные плотвицы стали клевать одна за другой.

Но подул ветер, стер тени поплавок на воде.

— На другой берег бы перебраться, — заметил молодой рыболов. — Там тише. Когда клюнет виднее, и забросы вернее.

— Как сказать, — не согласился толстяк. — Клев активнее у прибойного берега. Волна с собой жучков-паучков уносит. Кстати, она и вашу майку замаскирует. Разве в белом на рыбалку ходят? А ваши надписи рыбы все равно прочитать не сумели.

— Да что там! Я смотрю, учусь у вас.

— Тогда еще один способ попробую. Примечайте. Пожилой рыболов прикрепил к леске поплавок раз-

мером побольше, вместо нижнего крючка привязал поводок с мормышкой.

— На леску маленькую мормышку прицепил. Теперь мне волна помогать будет, поплавок покачивать, мормышку шевелить, — пояснил он. — Чего еще в подводном царстве для полного счастья надо?

Он не успел закончить фразы, как поплавок выскочил из воды и снова погрузился. В руках у рыболова оказалась еще одна плотвица.

— Смотрю, вы ловите, хотя ближе к берегу стоите, а я где глубже ловлю, да без единого хвоста, — с досадой проговорил владелец майки.

— Вы на чистую воду бросаете. Там спрятаться негде и еды нет. Чего там рыбе делать? В окнах среди травы держится. Можно бы и дальше по дереву пройти, а зачем?

— Думал, при вашей полноте побаиваетесь!

— Чего бояться? По плаванию разряд имею. Не утону. Робу намочу, так не ваша красивая майка, не жаль! Не обижайтесь. Подумал, что мало подготовить к рыбалке одну майку.

— А я ловлю по принципу, как здесь написано, — ткнул себя в грудь молодой человек, — а рыбки ни одной. Сегодня, спасибо, у вас кое-чему поучился.

— Рад, что чем-то помог, — ответил толстяк и посмотрел на часы. — Пора идти.

Он оторвал поводок с мормышкой и протянул подошедшему попрощаться юноше:

— Половите еще. С пустой сумкой чтобы не возвращаться.

— А вы что же, уходите?

— Так ведь вы же сказали, что дела у прокурора. Я и есть районный прокурор, — ответил толстяк. — Дел всяких много. Тут вы в самую точку попали. И в воскресенье поработать хочу.

Кстати, на майке еще одну надпись добавьте: "На одном конце мормышка, на другом красавец Мишка". Вас как зовут?

— Мишкой и зовут. Угадали. Да какой я красавец!

— Ну, вместо Мишки Гришка напишите, — расхохотался прокурор. — До новой встречи, Миша, у этой самой сосны.

— Мама, мы с папой идем на рыбалку. Если тебе без нас будет очень скучно, можешь поиграть в мои игрушки или чего-нибудь постирать. Мы пошли!

Взяв удочки и пятилетнюю дочку, отправляюсь к реке. Пока идешь к месту ловли, есть время подумать. О чем? К примеру, следует ли брать детей на рыбную ловлю?

Не просто, по-моему, ответить на этот вопрос. Почему бы не взять с собой помощника лет двенадцати и старше? Но речь идет о детях поменьше, которым ловить рыбу тоже интересно, а быть полноценными участниками рыбалки им пока не дано.

Но вот три километра позади, и мы у цели. Зброшены удочки, а рыба не клюет. Человечку становится скучно. Как из рога изобилия начинают сыпаться вопросы.

— Пап, если ты поймаешь рыбу-мату, маленькие рыбки одни выживут или умрут?

— Выживут, они же сами кушают.

— Ну, хорошо, тогда лови... У лисы дети лисята, раз они в лесу живут. А рыбки в воде живут, значит, они водята? Да?

Если детей на рыбалке двое, шума больше раз в пять, чем при одном помощнике. Непоседам трудно усидеть на месте. Они громко разговаривают, бегают, спорят.

— А у меня удочка упрямее...

— Зато у меня палка крепкая, вообще не сгибается...

— А знаешь, какая на рыбе бывает крупная черепаха!

И у них тоже свои рыбацкие истории:

— Я поймала двух маленьких рыбок. Они жили в банке восемь дней. Потом поймали ерша. Он их перезабиячил, и они умерли...

Если же каждый поймал по рыбке, то больше добыча окажется у того, у кого крепче характер, хотя до этого "больше" не хватает сантиметра три...

Подшли соседские ребята. Один из них, вихрастый мальчик лет десяти, рыболов со стажем — в центре внимания.

— Слышь, ребята, у меня случай был. Ловил, значит, с берега. А мелко. Зашел в воду. Удочку закинул. Вдруг что-то мне по ноге задело. Трава, думаю, течением бьет. Потом опять что-то по ноге стукнуло. Посмотрел — обмер: стоит против ноги здоровенный сом. Пасть открыл, зубы как у нашей овчарки, а усищи...

— Не может быть, — говорит кто-то из ребятишек, не зная, верить или не верить рассказчику.

— Да, да, гляжу на него, а поджилки трясутся. Как со всех ног рвану к берегу.

— А сом?

— Сом? Что сом? Он голову из воды высунул и спрашивает: "Что, гад, испугался?"

Ребячий хохот покрывает последние слова рассказчика.

Можно представить, что скажет отцу-рыболову этот неутомимый фантазер, придя из школы:

— Папа, я во какую пятерку получил, — и разведет руки в стороны на полный размах...

Но вот рыбалка кончилась. Возвращаемся с дочкой домой. Добытый улов состоял из одного окушка, свободно уместившегося в маленьком детском ведерке.

— Много поймали? — поинтересовалась мама.

— Много, — ответила впервые побывавшая на рыбалке кроха. — Одну рыбу.

— Большую?

— Во какую, — показала "рыбачка" так, что рыба выросла по крайней мере раз в пятнадцать против оригинала.

Славные, бесхитростные существа... пока маленькие. Ну, а когда станет этому существу лет четырнадцать? Тут уже возможны варианты.

В прошлом году познакомился я с юным рыболовом, но уже бюрократом. Не верите? Было! Раньше-то каким я себе бюрократа представлял? Таким, каким его в сатирических изданиях рисуют. Толстый, разбухший от бумаг портфель, из кармана выглядывают три авторучки. Располневший хозяин портфеля в очках, с непроницаемым выражением лица. Ни одного решения он никогда не примет, ничего конкретного не скажет, если направит, то не туда и не к тому. И это непременно мужчина. (Женщин почему-то бюрократами не изображают, видимо, они более оперативны в делах и носят к тому же чаще тяжелые хозяйственные сумки, чем портфели.)

А тут вдруг бюрократ — мальчишка и не с портфелем, а с удочкой! Что ж, толстым портфелем и авторучками он, наверное, еще обзаведется. Что же касается бюрократических замашек...

— Карасей ловишь, парень? — спросил я его.

— Да что попадетсЯ!

— Так тут же в пруду одни караси.

— Они и попадают.

— И часто?

— Смотря с какой стороны смотреть. Есть тут один прудик, так там все же чаще.

— А где же он?

— Точно не скажу. Водил меня один мальчишка. Кто — не помню.

— Мне живцы нужны, мелкий карась.

— Их тоже можно поймать, да не в этом пруду!

— А где?

— Да есть прудик один. Бывал там, только дороги не помню.

— Слушай, парень, если ты еще сейчас скажешь, что Волга впадает в Каспийское море, не удивлюсь!

— Это мы по географии учили. А вам-то не Волга, живцы нужны.

— Нужны позарез. Завтрашняя утренняя рыбалка срывается. Мне говорили, что ты местный, все знаешь и что мережа даже у тебя есть. Ну, дай мелочи штук пять или продай.

— Врут про мережку-то. Есть тут у одного, а у кого — не помню.

— Ну, продай карасиков. Очень прошу!

— Можно бы и так дать!

— Так дай!

— Не могу, меня могут неправильно понять.

— Это как же?

— Мурке ничего не принесу. Подумают, что я плохой рыбак.

— Я скажу, что ты поймал, да поделился.

— А зачем?

И снова началась сказка про белого бычка. "Он всегда такой, — говорили о нем другие мальчишки. — Всегда всем гадости делает. И никогда не скажет ничего путем. Все вокруг да около. Мы его между собой Макакой-бюрократом зовем. И тузим частенько".

Да, бюрократов не любят ни взрослые, ни дети. С ними лучше не иметь дела даже на рыбалке...

И все же, несмотря на происки начинающего бюрократа Макаки, живцов-карасей я с вечера наловил и на зорьке с соседскими ребятами отправился к другому пруду, побольше, где в изобилии водились щуки.

Недолго присматривались хищники к "не прописанной" в их водах рыбке. Поплавок пошел в сторону, видимо карась попытался скрыться, увидев "зубастую

опасность". Но слишком неравны были силы: стремительная щука с рядами зубов и безоружный карась, к тому же сидящий на крючке... Подсечка, и забила на крючке полуметровая красавица щука. Что в ней полметра, выяснилось, конечно, потом, дома. Я с собой складной метр не ношу, хотя многие рыболовы его всегда при себе имеют. Почему? Наверно, потому, что живая рыба больше уснувшей, а каждый сантиметр и даже миллиметр пойманной рыбы имеет для рыболова огромное принципиальное значение.

Дело в том, что если в рассказе о рыбалке увеличить каждую пойманную рыбу, скажем, в три раза, то тринадцатисантиметровый окунь вырастет до тридцати девяти сантиметров. Четырнадцатисантиметровый — до сорока двух, а это уже почти полметра... Теперь вы поняли, что один сантиметр иной раз может быть равен десяти. Тут, как говорится, не убавить, не прибавить... только умножить.

Но вернемся к пруду. Следующая щука заглотала живца на соседней удочке. Начало было отличным. Родовались и смеялись пришедшие со мной детишки, ну а я больше всех, хотя внешне оставался спокойным, всем своим видом показывая, что две щуки, пойманные за полчаса, для меня дело обычное.

Ребятам жалко маленьких карасей.

— Дядя, а если останутся, мы их выпустим?

— Да!

— А их здесь щуки не заakuлят?..

— Дяденька, покурите на меня, а то меня комары съели!

— Жалко, что такого маленького карасика съедят.

— Хочу кушать!

— Хочу спать!

— Хочу домой!

Такие вот выдвигаются веские доводы, чтобы скорее закончить рыбалку и дать карасям свободу. Мне тоже стало немного жаль карасиков, но щуки думают иначе. Снова стремительно утонул поплавок. Тащу добычу к берегу, но леска оборвалась. Нужна новая снасть. Быстро зубами закрепил грузило и откусил лишний кусок лески у крючка. Знаю, что это вредно для зубов. И лекции слушал, и в книгах читал, и плакаты на этот счет у страшного для меня зубного врача видел, но другой "техники" под руками нет. А зубы? Зубы буду лечить зимой, а сейчас надо действовать, пока не кончился клев.

...Быстро бежит время. Промелькнут недели, месяцы, а там, глядишь, и годы, и в прошлое уйдет казавшееся таким далеким будущее. Вырастают дети, меняется их взгляд на жизнь.

Отец однажды сказал сыну:

— Вот тебе рыбина, завтра расскажешь, что ты узнал о ней.

— Хорошо, отец.

На другой день сын оказался немногословным:

— Что рассказывать? Все просто. Голова, плавники, хвост.

— Немного же ты узнал. Пока твои познания на уровне школьника, который считает, что встречаются рыба с рыбой и получаются рыбята. Но я спрошу тебя о том же через год.

Через год сын сам напомнил отцу разговор о рыбе.

— Я многое прочитал, — заговорил он, — но знаю о рыбе очень мало. Годы нужны, чтобы изучить ее жизнь. Трудно познавать таинства природы!

Вот это уже другое дело: сразу видно — рыбаленок рыболовом становится.

А У ВАС ЕСТЬ СПИННИНГ?..

Страстное, непреодолимое, прямо-таки необузданное желание иметь хороший и даже не обязательно хороший спиннинг пришло ко мне не сразу. Долгое время я снисходительно смотрел на стегających воду блеснами людей, считая их рыболовами лишь условно. Все симпатии были на стороне нормальных поплавочников. И вдруг произошел случай, перевернувший все годами складывавшиеся представления о спиннинге и спиннингистах, об удачных и неудачных рыбалках.

Однажды поехали мы, трое друзей, — спиннингист, я и еще один поплавочник — на автомашине к озеру. Долго ли, коротко ли ехали — не в этом дело. В конце концов добрались до места. Забросили поплавочные удочки и ждем. Нет, ждем не поклевки. Ждем, когда отойдет подальше наш товарищ со спиннингом, рыбу своими забросами пугать перестанет. А он вдруг довольно удачно провел блесну, покрутил катушку и что-то у него на леске заходило. Да как заходило! Волна на озере поднялась, словно быстроходный катер прошел. Вытащил спиннингист огромную щуку, наверняка около метра. Новый заброс — вторая щука, на этот раз поменьше.

Запев песенку о трех поросятах и сером волке на мотив спортивной песенки: "А на табло одни нули", наш удачливый товарищ положил красавиц щук под автомашину и, попросив за ними приглядеть, отправился дальше по берегу еще счастья искать. Мы же с поплавочником сидели, горели "белой завистью" и ловили, а точнее, сидели и не ловили, потому что на поплавочные удочки не клевало. Неожиданно в тишину утра ворвались какие-то странные звуки. Мы прислушались.

— Слышишь, кто-то чавкает? — спросил я у приятеля.

— Слышу! У машины, кажется.

— Может, большая щука маленькую поедает?

— Нет, на суше у нее аппетит не тот.

— Ну, бери палку, пойдем.

Когда мы вышли из-за куста к машине, то увидели, что большую рыбину, радостно похрюкивая, уплетает невесть откуда взявшийся поросенок. Чавкал он так громко, будто метровую красавицу поглощало целое свиное стадо. Метра. кстати сказать, теперь в щуке не было, многие сантиметры обезглавленной владычицы озера перерабатывались в порсящем брюхе на свинину.

Со всех ног бросились мы с товарищем отнимать хищницу щуку у еще более хищного поросенка. Чтобы напугать его, мой друг завыл волком, а я зарычал медведем, но на поросенка шумовые эффекты не произвели никакого впечатления. Он откусил от щуки еще несколько сантиметров, чавкнул, хрюкнул и, точно собака, схватив в пасть щуку, потрусил вдоль берега.

Изо всех сил кинулись мы за похитителем сокровища. Да только зря старались. Когда бежали мы, бежал со своей добычей и поросенок, а когда мы останавливались, чтобы перевести дух, поросенок тоже притормаживал и начинал есть свежую рыбу. Щукой нам удалось завладеть лишь после того, как мы основательно выдохлись и взмокли.

Теперь предстояло более серьезное дело: объяснить спиннингисту, почему от его добычи осталось немногим больше половины. К счастью, оправдываться и каяться не пришлось. Увидев обглоданную щуку, спиннингист сказал:

— А блесны на что? Сейчас другую поймает!

И в самом деле, через несколько минут наш друг стал обладателем чудесной рыбины, вернув новому знакомому — поросенку — остатки щуки. Посмотрев на нас очень выразительно, так, чтобы рыболовы-поплавочники поняли, что он предпочитает спиннингистов, свин со щукой в зубах направился к деревне.

Я твердо знал, что поплавочник на такой жест — отдать метровую щуку нахальному поросенку — не способен при всей своей доброте. Ну, хотя бы потому, что ему могут только присниться собственноручно пойманные рыбы таких сказочных размеров. И вот думал я, думал и решил навсегда перейти под знамена спиннингистов.

В магазине "Охота" спиннинг выбирал долго, пока продавщица не поинтересовалась, собираюсь ли я во-

обще что-нибудь покупать. Но вот длинное клееное, раскрашенное во все цвета радуги удилище у меня в руках. Вместо очередной рыбалки — первые тренировки на скошенном поле на ближние и дальние забросы. Но ни ближние, ни тем более дальние забросы у меня не получались. "Бороды", когда леска, запутываясь, украшается тысячью и одним узлом, следовали одна за другой. После четырех часов упорных трудов мой товарищ, взявший на себя тяжелую ношу наставника, окончательно охрипнув, почему-то запел глупую песню: "Тренируйся, бабка, тренируйся, Любка" и, поручив мне упражняться до наступления темноты, ушел. Часа через два "бороды" стали еще пушистее, а забросы — ближе.

В следующий выходной я отрабатывал забросы в воду. Громко, разумеется, сказано "в воду": блесны летели в кусты, цепляясь за деревья, падали в прибрежный песок, а один, наиболее "удачный" заброс пришелся в рыжую коровенку, мирно жевавшую траву метрах в пятидесяти от реки.

Третий этап освоения новой техники был сугубо теоретический. Мой приятель рассказывал о возможных зацепах блесны при ловле в различных условиях. Я твердо усвоил, что, если ловишь с лодки, надо нырять, чтобы отцепить блесну. Если забрасываешь железную обманку с берега, за ней тоже приходится плыть. В общем, ныряет блесна, за ней рыболов — в этом состоит главный закон ловли спиннингом. Но пуще всего следует беречь голову. Когда зацепившаяся за дно "золотая рыбка" вдруг освобождается, летит она крючком вперед, норовя попасть в лицо и глаза.

Наконец мы решили, что я уже достаточно овладел спиннингом и можно отправляться на рыбалку. Ее итоги говорят сами за себя: было запутано лески — триста метров, утоплено блесен — тринадцать, оцарапана щека — одна, поймано рыб — ноль.

А вы не собираетесь покупать спиннинг?

ПОЧТИ ПО ПЕРОВУ

Более четырех десятилетий назад большой знаток русской природы и человеческих характеров Константин Паустовский заметил, что рыболовов можно разделить на глубоких неудачников, счастливых, завистников и хитрецов. Но развернутой характеристики каждой из четырех категорий неугомонного рыбацкого племени

писатель, к сожалению, не дал. Не претендуя, разумеется, на полноту сведений, хотелось бы внести посильную лепту в разработку этой малоизученной проблемы.

Вы, конечно, знаете цветок мать-и-мачеха? Одна сторона листа у него гладкая, нежная, ласковая — мать, а другая — шершавая, грубая, холодная — мачеха. Так и рыбалка: для одного, счастливого, она добрая мать, для другого, неудачника, мачеха.

К счастливым рыба благоволит. У них она клюет, иногда даже крупная. Нельзя сказать, что не бывает с ними происшествий. Но, как в волшебной сказке, происшествия всегда удачно заканчиваются.

Пошел как-то в субботу счастливчик на рыбалку. Известно, что счастливые часов не наблюдают. А этот решил понаблюдать, и... в реку его "Полет" угодил. В воскресенье поймал он щуку, принес домой, стала жена потрошить рыбу, а в ней часы. С тех пор без ремонта ходят, будто сам Нептун им лет на тридцать гарантию дал. Зимой тот же товарищ уронил в лунку электрический фонарик. Читатель уже, конечно, догадался, что потом фонарь был извлечен из рыбыны, и поныне рыболов показывает его друзьям.

Но пусть счастливiec продолжает рыбалку в том же духе, может, и поймает он когда-нибудь рыбу, на засолку которой нужен пуд соли. Мы же обратимся к глубоким неудачникам.

Есть у американцев анекдот о неудачнике, которому всю жизнь страшно не везло и лишь один раз повезло: когда для него копали могилу, то нашли нефть. Вот о том, кому везет, как утопленнику, и речь...

Неудачи, собственно, начались у него еще до рыбалки. Несчастливiec, чтобы добыть червей, вскопал весь огород да не только свой, но и соседский. Но червей не понадобилось. Клевало только на живцов. А их-то как раз у него и не было. Точнее, с вечера он их наловил, но рано утром, когда еще спал, живцов съели кошки.

В следующий выходной на червя клевало, и несчастливцу крупно повезло: вытащил леща средних размеров. Поспешил показать товарищам, а те: "Ничего подлещик". А ведь с такой же по размерам рыбой счастливчика только что поздравляли так горячо, будто он час назад на резиновой лодке пересек Северный Ледовитый океан.

Наверно, из среды неудачников произошел завистник. Он считает, что все кругом плохо и все не так: и улов у него хуже всех, и крючки теперь загигают не в ту сто-

рону, и червяк мелковат, и вообще рыба пошла не та. И все же он впереди всех мчится к месту рыбалки, стремится первым забросить удочку. Увидит завистник, что у соседа клюет, подкидывает свою наживку к его поплавку. Потом страдает всей душой, если рыба клюнула не у него, а у вас. Всегда рыба в чужих руках ему кажется больше, чем своя таких же размеров.

Немало думал я, в каком порядке расположить каждую из категорий рыболовов, чтобы никто из них не обиделся. (Особенно неудачник — опять последним поставили!) Решил последним о хитреце сказать. Он ведь и тут выход найдет: мол, от перемены мест слагаемых сумма не меняется.

Хитрец готов перехитрить самого себя. И ради своих интересов забыть даже то, что было вчера. (Как тот судак, который охраняет отложенную икру, гонит от нее других рыб, а пройдет немного времени — и запросто может скушать своих детишек.) Хитрец хочет выведать чужие уловистые места, а о своих и не заикается. Если хитрец услышит, что у вас в термосе что-то булькнуло (к примеру, какао), вы пропали. Он обязательно вспомнит, что именно сегодня тысячелетие со дня сплетения в области первого лаптя и это событие никак нельзя не отметить... Рыбу, правда, хитрец редко когда перехитрит, поскольку она ныне хитрее любого хитреца. И поделом ему, рыбаки таких не любят.

Ну а если соберутся они все четверо: счастливец, неудачник, завистник и хитрец, то получится... картина В.Перова "Охотники на привале". Счастливец рассказывает о своих потрясающих удачах, его вдохновенно слушает начинающий несчастливец. А хитрец чешет затылок: так я тебе, болтуну, и поверил. Вы спросите: "Где же четвертый?" Да нет завистника. Он убежал в соседнюю деревню. Он слышал от верного человека, что один местный дед здорового окуня шапкой поймал. Шляпы завистника на картине тоже нет: с собой взял — на окуня. Посмотрите на полотно еще раз — сами убедитесь!

СВОЯ НОША НЕ ТЯНЕТ

Какое наслаждение для рыболова ранним летним утром прийти к реке или озеру, надуть резиновую лодку и, подойдя к прикормленному с вечера месту, забросить удочки! Такая картина рисовалась мною мысленно тысячу и один раз. Но, говорят, чтобы приготовить рагу

из зайца, надо иметь хотя бы кошку. А для того, чтобы ловить с резиновой лодки, надо иметь... резиновую лодку. О ней я мечтал не один год.

И вот семнадцатикилограммовое сокровище у меня в рюкзаке. С хозяином снятой на лето дачи — дедом Игнатом — мы шагаем к реке.

— Не утонем? — в пятый раз спрашивает он, видимо сомневаясь в мореходных качествах ЛНД (лодки надувной двухместной).

— Что вы, дедушка, у нее грузоподъемность двести килограммов!

— Во мне пятьдесят девять. А в тебе сколько?

— Восемьдесят один.

— Значит, вместе сто сорок, — быстро подсчитал дед. — Если еще мою старуху добавить, как раз двести будет.

Я радуюсь, что нет старухи и двухсот не будет. Лодку лучше недогрузить, чем перегрузить. А дед Игнат рассказывает:

— Я-то больше на челноке плавал. Никак полжизни на рыбалке провел. Поэтому и выгляжу хорошо. Мне вот семьдесят пять, а больше семидесяти четырех мне никто не дает! А сегодня вот ватные штаны надел, а то, думаю, в твоей лодке что в воде сидеть, простудишься — кашлять будешь.

Мне не до его острот и душеизлияний. На рыбалку много всего набирается, а тут еще резиновая лодка за спиной, и с каждым шагом ноша тяжелеет.

— Далеко ли осталось?

— Близко теперь, небось километра два до реки. Прошли километра четыре.

— Вы же, дедушка, говорили, что два осталось?

— Так с гаком. А какой он, сам знаешь. Мерили его черт да Тарас, да у них веревка оборвалась. Черт говорит: "Давай свяжем", а Тарас: "Так скажем..." А ты крепись, своя ноша не тянет. Клев, чую, будет на реке отменный. В прошлом годе ходили мы с одним на эту реку лещей ловить.

— Много поймали?

— Да ни одного!

— А откуда же вы знаете, что за лещами ходили?

В ответ на это ехидное замечание дед, видимо обиженный, ненадолго умолкает. Потом вдруг спрашивает:

— На что ловить-то будем?

— Да все испытать надо!

— Я наперед всегда знаю, на что ловить.

— Это как же?

— Проснусь утром, если бабка моя горшками гремит у печи, на червя будет идти. Если же смурая ходит, кринку молока только и даст на завтрак — на хлеб ловлю.

— А если, к примеру, нет ее дома, на базар пошла? — пытаюсь подкусить деда.

— Э, тогда и на рыбалку нечего ходить, проспал зорьку, значит.

Понимаю, что это мне "пика" за лещей. Придумал же дед!

Лодка за спиной становится все тяжелее и весит, кажется, уже не меньше двух пудов. Хотел предложить моему спутнику отдохнуть, дескать, тяжело шагать тебе, старику, а самому передохнуть тем временем, да показала река — избавление мое. Теперь пусть лодка нас катает, ее очередь.

Накачали насосом суденышко и двинулись к показанному дедом месту, где он "во каких" таскал.

Боясь спугнуть рыбу, а может быть, думая, утонем или нет на этой "штуковине", дед сидел в лодке спокойно и молчал. Прошел час, потом другой, а поплавки наших удочек оставались неподвижными. Будто вмерзли в лед на зимовку, а не лежали в воде, где рыбка плавала по дну и, как мы видели, не только по дну.

— А может, на озеро махнем? — предложил дед Игнат. — Тут рукой подать, по прямой километра полтора. Окуни там, что твои поросята.

Понимаю, что насчет поросят от лукавого. Но другого выхода нет. Лодку ведь таскал половину утра, а как с нее ловить — не узнал.

— Ну, хорошо, быть по-вашему!

Снова за плечи семнадцать килограммов резины. Снова режут плечи тугие лямки вещевого мешка. Продираемся по узкой тропке через лес к окуневому озеру.

На этот раз дед меня не обманул, до озера было действительно километра полтора. Подплыли к середине лесного озера с темной, кое-где покрытой опавшими листьями водой.

— Ищи рыбу под кустом или под опавшим листом, — сказал дед Игнат и прицепил к крючку огромного червя: бабка-то, видно, с утра долго горшками гремела.

Место было отличное, но опять не клевало, словно какой-то злой дух отгонял рыбу.

— Тут недалеко пруд. Караси там — с лапоть. Километров шесть всего, — сказал дед. — До вечерней зорьки туда успеем.

— Может, к рыбному магазину ближе?

— Не дело говоришь, дружок. У нас рыбных магазинов нет. Привыкли вы, городские, как не поймаете — в магазин, чтоб славу свою рыбацкую не уронить. Тут у меня дачник жил, так домой мороженого "капитана" принес. Рыба такая есть, не знаю даже, в каких морях и водится, только не в наших, а в магазинах бывает. Так он еле убедил соседей, что в озеро такую рыбу года два назад запустили, и у него первого клюнуло... Так как насчет прудика? К вечерней заре успеем. А лодка у тебя хорошая, ничего не скажешь, не тонет.

Услышав такую похвалу своей любимице, я согласился с его предложением.

И вот мы снова шагаем, теперь к пруду, чтобы рыбу посмотреть и себя показать. Но ни смотреть, ни показывать не пришлось. Когда мы, вконец измученные мытарствами, поплыли по пруду, вечерний клев кончился. Возможно, конечно, что он даже и не начинался. Нам ничего не оставалось делать, как не солоно хлебавши возвращаться домой.

Ремни вещевого мешка с резиновой лодкой давили на плечи семипудовыми гирями, ноги гудели, как и тучи комаров, напавших на нас со всех четырех сторон. Я мысленно проклинал все на свете: лодку и озеро, реку и пруд, лещей и окуней, карасей и все подводное царство. Зрело твердое решение: продам лодку, лучше с берега буду ловить, чем такую тяжесть таскать. Непременно продам, завтра же!

Назавтра мы с дедушкой Игнатом снова шагали к реке. За плечами у меня был огромный семнадцатикилограммовый рюкзак. Что ни говорите, а своя ноша не тянет!

ВСЕ ЕСТЕСТВЕННОЕ — ЛУЧШЕ

Мода есть мода. В последнее время стало модным ловить рыбу на "телевизор". Для непосвященных в тонкости этого новшества заметим, что речь идет не о браконьерской снасти, не о подводном телевидении, а о вещи, к электронике не имеющей никакого отношения — об обыкновенной стеклянной банке. "При чем же тут тогда телевизор?" — спросят те же непосвященные.

А дело в том, что из этой банки можно устроить "телевизор" ... для рыб.

Процесс изготовления такого телевизора исключительно прост. Вы сажаете в банку мальков, плотно закрываете ее и опускаете на шнуре на дно в ямку, где водится хищная рыба. Шуки, окуни, сомы, а если в вашем водоеме водятся акулы, и они сразу же, сколько их ни есть вокруг, бросаются к банке. Разумеется, не только для того, чтобы посмотреть телевизор, а с гораздо более конкретными целями. Но, как говорится, видит око, да зуб неймет. И все-таки хищники не уходят. Они плавают вокруг лакомства, а в это время у мелочи, что сидит в банке, от страха плавники дыбом становятся. Вот тут-то вы и подбрасываете живца без банки, но с крючком. Хищники, стремясь опередить друг друга, гурьбой бросаются на несчастного живца, и самый проворный из них становится вашей добычей.

Легко и просто. Один рыболов даже рассказывал, что крупная щука проглотила двухлитровую банку вместе с мальками и со дна вытащил он лишь кусок веревки.

Сажать в банку можно любую рыбку закуску: червей, тараканов, кузнечиков — это для нехищной рыбы. В этом случае банку надо плотно закрыть и каждый час проветривать "артистов" на свежем воздухе. Ловить лучше на ту же живность, что "выступает" по "телевизору".

Чистосердечно признаюсь, что я не сразу поверил в успех нового вида рыбалки. Но однажды увидел нечто подобное... в кино. Во франко-итальянском фильме "Мир без солнца" об исследователях моря есть кадры охоты больших рыб на маленьких, сидящих в целлофановых мешках или закрытых аквариумах из плексигласа. Хищники целыми стаями собираются вокруг таких "телевизоров". Они рвали целлофановые мешки, катали круглые аквариумы по дну, сердито бросались на них.

Но вернемся со дна Красного моря в наши широты...

О том, что можно с успехом ловить рыбу на "телевизор", знают многие. Но все же крайне редко этим способом пользуются. Почему? Возможно потому, что в последнее время широкое распространение получила теория, доказывающая, что рыба чувствует приманку прежде всего по запаху, а из плотно закрытой банки какой уж там запах! А может быть, по причине, высказанной одним моим знакомым: "Рыба нынче хитрая пошла, не захочет клюнуть — никакой телевизор, хоть сам

туда садись, не поможет". Но знакомый этот по характеру пессимист. Если же вы оптимист, смело осваивайте "подводное телевидение".

Да, чего только рыболовы не придумают! В ногу с ними шагает и наша промышленность, выпускающая разные разности для рыбаков и рыбок. Например, искусственного мотыля.

Вы пробовали на него удить? Нет? А вот я пробовал и не раз.

Купил как-то два тюбика искусственного мотыля. Достал с трудом. Тогда такой мотыль только появился, и охота за ним была невероятная. Красноватая масса легко выдавливалась из тюбика, оставалось только придать ей форму мотыля или червя и ловить. К тому же паста имела специфический приятный запах.

Итак, в полной уверенности, что перед этой новинкой не устоит ни одна рыба, я отправился к озеру, не взяв никакой другой наживки.

Вечернее багровое солнце опускалось все ниже к воде. Был самый клев. Быстренько насадил искусственного мотыля и стал ждать поклевки. Рыболовов вокруг сидело немало, у всех что-то ловилось, и это воодушевляло. "Ну, а у меня новинка, последний крик моды, я их всех сейчас за пояс заткну", — думалось мне.

Терпеливо смотрел я на безжизненные поплавки. Минул час — та же картина. Но я с упорством, достойным лучшего применения, продолжал испытания искусственного мотыля. Вокруг плескалась рыба. У других рыболовов поплавки уходили в сторону, тонули, звенел колокольчик чьей-то закидушки. Мою же насадку рыба вниманием не удостаивала. Два часа — и ни одной поклевки! Создавалось впечатление, что последнее чудо рыболовецкой техники не привлекает, а отпугивает рыбу...

Отгорела вечерняя заря, и пошел я домой. Шел легко, с сознанием выполненного перед искусственным мотылем долга. Потом я пробовал ловить на него и на речке, и на пруду, и на море, но число пойманных рыб оставалось равным нулю.

Через некоторое время я вновь оказался в магазине "Рыболов-спортсмен".

— А что, есть в продаже искусственный мотыль? — спросил я у бойкой молоденькой продавщицы.

— Нет. Снят с продажи. Что, рыба глупее вас, что ли, чтобы на такую приманку клевать? Все естественное луч-

ше, — сострила она, вручая очередному покупателю новое чудо рыболовной техники — искусственных бабочек.

ВОВРЕМЯ СКАЗАННОЕ СЛОВО

В нашем учреждении говорили, что Иван Иванович человек своеобразный. Одни считали его рубахой-парнем, другие утверждали, что он слишком назойлив и "проел им все печенки". "Милейший и остроумнейший человек", — без лишней скромности заявлял он сам о себе. Мне не случилось иметь с ним дело. Но однажды пришлось — на рыбалке.

Уже в автобусе Иван Иванович сразу обратил на себя внимание. Не успела машина тронуться с места, как он густым басом произнес: "Тише едешь — дальше будешь". Потом громко расхохотался и добавил: "От того места, куда едешь". На протяжении всего пути он сыпал подобными "остротами". Сначала мы смеялись, потом улыбались, больше из вежливости, но, признаться, всем он быстро надоел.

Послушав еще некоторое время его высказывания, мы устали и попросили Ивана Ивановича хотя бы немного помолчать, но не тут-то было. Избитые шутки сыпались из него, как из рога изобилия...

Мы удили неподалеку друг от друга на берегу реки. "Закидывая леску, не делай всплеску", "не у каждой сваи стоят рыбы стаи", "всякая рыба берет, где стоит", — сразу выдал Иван Иванович несколько своих новых "острот". Вытащив небольшого окуня, он разразился тирадой: "Кто снастью владеет, любую рыбу одолеет". Когда вслед за ним я вытащил точно такого же окушка, он презрительно заметил: "Ужение рыбы со спичку — браконьерская привычка". Тут ему попался окунь еще меньше. "Лучше синицу в руки, чем журавль в небе", — невозмутимо сказал он.

Вскоре у Ивана Ивановича перестало клевать, видимо, рыба поняла, с кем имеет дело. "Насильно мил не будешь — не я придумал, хотя человек я остроумный и всех всегда смешу", — самодовольно улыбаясь, разглагольствовал "милейший и остроумнейший", хотя другим было не до смеха.

Но вот весело затрещали в костре дрова, закипела уха, и мы немножко воспрянули духом. "Куда ветер, туда — дым", — тут же заметил Изверг Иванович, как

уже кто-то успел окрестить его. И тут же добавил: "Рыбак душу не морит, рыбы нету — щи варит".

Не зная, как утомонить говорливого сослуживца, мы сказали ему как бы в шутку, что если он не перестанет острить, побьем. "За одного битого двух небитых дают", "На то и щука в реке, чтобы карась не дремал", — было ответом. "Чем больше морда, тем больше шляпа", — еще сказал он, увидев, что один из наших товарищей надвинул поглубже свою "соломку".

Вот тут наше терпение лопнуло. Мы подхватили Изверга Ивановича за руки и за ноги и со словами: "Жив, здоров, лежу в больнице", — бросили в воду, уверенные, что купание подействует на него освежающе. Едва вынырнув на поверхность, он весело прокричал: "Сыт по горло, есть хочу", "чем больше вес упавшего тела, тем больше брызг", "у рыболова — меткое слово"...

Мы быстренько собрали свое нехитрое рыбацкое имущество и бросились бежать. Нет, не к автобусу, а к железнодорожной станции, что была за десять километров. Пусть добрейший и остроумнейший Изверг Иванович едет один. Шофер стеклом отгорожен, разговаривать не с кем. Каково ему будет?

На другой день утром, встретив меня у входа в наше учреждение, Иван Иванович многозначительно улыбнулся и шепнул на ухо: "Баба с возу, кобыле легче". На свой восьмой этаж я взлетел быстрее, чем на скоростном лифте. Вот что значит все-таки вовремя сказанное слово...

УЧЕНИЕ — СВЕТ...

Вы когда-нибудь видели, дорогой читатель, ученых щук? Нет? Я тоже не видел... пока таковая не появилась у одного моего знакомого с рыбьей фамилией — Поклевкин. Ученой его щука стала, разумеется, не сразу. Сначала она была обычной нормальной рыбой, даже не рыбой, а рыбенком. Тут самое время рассказать о проведенном моим знакомым "воспитательном процессе".

Поймал однажды Поклевкин в озере маленького щуренка — в палец длиной и толщиной. Ни на уху, ни на жареху он не годился из-за своих сверхскромных размеров. А для эксперимента как раз оказался подходящим. Посадил рыболов свою добычу в пустовавший аквариум и стал растить...

Путь к сердцу щуренка, как и к сердцу каждой уважающей себя рыбы, лежит через желудок. У нашего щу-

ренка, казалось, желудок был чуть ли не больше его самого. Никаких диет он не признавал, с удовольствием ел все подряд. Мгновенно расправлялся с мелкими рыбешками и крупными червями, не брезговал жирными мухами и хилыми пауками, длинными гусеницами и сухими жуками. И рос, как говорится, не по дням, а по часам.

Когда бывший щуренок стал размером с аквариум, пришлось пересадить его в ванну. Квартира с удобствами превратилась в квартиру без удобств, а все же съесть щуку Поклевкину было жалко, а отпустить в родную стихию тем более. Что же оставалось делать? Разумеется, осуществлять задуманное: учить щуку рыбачить. Не столько учить щуку — хищница умеет ловить рыбу с самого раннего детства, — сколько учиться самому.

Несколько дней Поклевкин что-то изобретал, чертил и... кроил. В результате из его почти нового тренировочного костюма получился пояс, плотно облегающий щучье тело. Теперь оставалось только приучить рыбу к новой жизни — плаванию в самодельной упряжке.

Всему на свете приходит конец, пришел конец и щучьим "университетам". И вот первая совместная рыбалка. Пустил Поклевкин щуку в озеро. Один конец лески на пояске закреплен, другой — на спиннинге, а спиннинг в руках у рыболова. Сначала рыба поплыла медленно, не спеша, будто привыкая к пояску и к своей новой роли. И вдруг рывок. Хищница устремила к добыче. Но вот она затихла, видимо, собравшись позавтракать в спокойной обстановке. Тут Поклевкин быстро подмотал леску и вытащил из воды друга-охотника. В зубах у щуки оказалась порядочная плотвица, которая тут же оказалась в садке. Рыболов отнял у щуки и следующую пойманную рыбу — окуня. Несмотря на то что щука была ученая, она ему чуть палец не отхватила, так ей не хотелось добычу отдавать. Все, однако, обошлось благополучно, и вскоре в садке оказалось столько рыбы, сколько пять опытных рыболовов в наше время могут поймать в Подмоскovie не меньше чем за две-три рыбалки: килограмма три, если честно, не преувеличивая.

Перед тем, как идти домой, Поклевкин пустил щуку подкормиться. Лишь когда насытившись охотница вышла на прогретое солнцем мелководье, он вытащил ее из воды. Оба рыболова отправились кто куда — хозяин на работу, щука в ванну.

Успешной оказалась "путина" у Поклевкина в тот

летне-осенний сезон. Но жена рыболова все чаще стала заводить разговор о том, что муж променял ее на какую-то серо-зеленую щуку. Что он в ней только нашел, и сколько же это можно терпеть: ни помыться в ванной, ни постирать. В сердцах пригрозила, что возьмет в зоопарке напрокат крокодила, посадит в ванну, посмотрим тогда, что со щукой будет.

В конце концов понял Поклевкин, что или с женой, или со щукой придется распрощаться. Зашел он ко мне посоветоваться. Прикидывали мы и так и этак и решили пойти по пути наименьшего сопротивления — пустить щуку в озеро. В воскресенье грустный Поклевкин расставался на берегу со своей любимицей. На прощанье сказал ей, чтобы на блесну не клевала, остерегалась живцов, не подплывала к кружкам и жерлицам, пожелал дожить до ста лет и отпустил с миром.

Отплыла щука от хозяина довольно далеко, потом вернулась. Может, удивилась, что Поклевкин поясок забыл ей надеть, может, вода после ванны холодной показалась. Посмотрела на него в последний раз, а он ей крикнул:

— Чур, весной не попадайся, ученых детишек выводи!

Несколько лет назад это было. Теперь у той ученой щуки потомство выросло. И... хуже стал щучий клев. Умная щука пошла, никакими приманками ее не обманешь. Вам ученые щурята не попадались? Нет? В том-то и дело!

НА ПРОГНОЗ ПОЛАГАЙСЯ, А В ПЛАЩ ОДЕВАЙСЯ!

Прогноз на воскресенье был самым благоприятным. Предсказывалось что-то среднее между безоблачной погодой и суховеем, поэтому вопрос о том, брать ли на рыбалку плащ, даже не ставился на всерыбацкоучрежденческом совещании любителей рыбной ловли и ухи на свежем воздухе. Все отчетливо представляли, что каждый лишний килограмм — обуза. Ведь сколько всего с собой надо взять! Без снастей не обойтись, никуда не денешься — нужны. Черви и мотыли, гусеницы и короеды — всю эту живность тоже приходится тащить. Опять же самому есть-пить нужно — это еще какие-то килограммы. А садок для рыбы, безмен на случай, если крупная попадется? Не забудьте курево, спички, шляпу. Много их, этих "еще" набирается. На пуд с лишним, наверно.

Вот тут во весь рост и встает проблема, брать плащ

или не брать? Он ведь тоже не пушинка. Сам весит больше килограмма да прибавьте к нему рыбью чешую, пропитавшую плащ соль, грузила и колокольчики от закидушек во всех карманах... А коль собираешься на рыбалку ненадолго да к тому же в хорошую погоду, зачем лишний груз? В общем, не сговариваясь, мы оставили плащи дома.

Приехав на водохранилище, мы сменили тряский автобус на легкие лодки. Каждый выбрал место по душе и забросил приманку. Малиновая заря окрасила восток. Природа пробудилась. Раннее утро обещало хороший день. Но вот по небу поплыли облака, и вдруг хлынул незапланированный дождь. Да сильный, с пузырями на воде — признаком того, что кончится не скоро.

Целые потоки воды обрушились на нас. Рыболовы поспешили к берегу найти какое-нибудь укрытие. В ход пошли целлофановые мешки, даже газеты. Кто-то надел на голову предназначенное для ухи ведро.

— Значит, никто плащ не взял? — просунув голову сквозь размокшую газету, спросил главный инженер.

— Прогноз же вчера все слушали, — ответил ему главный энергетик, прыгая на одной ноге, чтобы вылить воду из уха.

— А ведь у меня радикулит, я вообще не хотел ехать, — заметил заместитель директора, выжимая соломенную шляпу, которая тут же в его руках расплзлась на отдельные соломинки, да такие мелкие, что ни за одну из них нельзя было ухватиться даже утопающему.

Спрятались мы под деревом, но листва — не крыша, в ливень под ней не спрячешься. Было мокро, холодно и неудобно и в природе, и в наших рыбацких душах.

— Так, товарищи, проверим, все ли на месте, — сказал далеко не бодрым голосом старший группы — главный инженер. — Раз, два, три, четыре, пять и я. Всего шесть, — сосчитал он, с трудом загибая озябшие пальцы. — А где седьмой?

— Нашего нового работника нет. Чернявый такой. Он куда-то далеко уплыл, — приглушенным голосом ответил главный энергетик из-под целлофанового мешка.

— Уплыл, видишь ли. Тоже мне мореход нашелся. Смотрите получше, может, заметите, где он. У меня очки запотели, ничего не вижу, — сказал главный инженер.

По его указанию все мы устремили взоры к воде.

— Плывет! Плывет! — закричал кто-то таким радостным голосом, каким, наверное, мореплаватели приветст-

вуют землю после долгих недель скитаний по волнам. — Направо смотрите!

Все мы посмотрели направо и увидели, что к берегу действительно направляется лодка, а в ней наш молодой работник. Удирая от проливного дождя, он греб так резво, будто его лодку преследовала стая акул. Мы нестройно закричали, чтобы он взял левее, обошел мелководье. Но было уже поздно.

На бешеной скорости лодка налетела на мель. Красивая и стройная фигура рыболова взвилась над лодкой и неуклюже шлепнулась в воду. Вслед за ним, догоняя своего владельца, приводнились две удочки, ведро с уловом и еще какие-то мелочи, неразличимые в пелене дождя. Когда пострадавший пришел в себя и встал на ноги, лодки рядом с ним не оказалось. Ветром ее погнало к противоположному берегу.

Рыболов остался на мели один, потому что удочки тоже уплыли, а не умеющее плавать ведро утонуло. Метнулся парень в одну сторону, потом в другую, но кругом было глубоко.

На мгновение в наших сплоченных рыбацких рядах возникло замешательство. Никто не бросился спасать потерпевшего крушение. Первым пришел в себя наш старший по выезду. Не выходя из-под дерева, он стал выяснять у молодого человека, не сможет ли он нести вахту на мели, пока немного утихнет дождь. Тот в ответ прокричал, что никакой вахты у него нет, а если бы и была, нести ее никуда не смог бы, потому что вокрут очень глубоко.

Поняв, что морские познания нового работника невелики, главный инженер решил, что такого человека надо обязательно спасать. Он вытащил из коробки шесть спичек, сломал две из них и протянул нам свой здоровенный кулак с крохотными коричневыми головками.

— Кто короткие вытянет, — пояснил он, — поедет за рыболовом и лодкой. Спасатели смогут еще и рыбки половить.

Никто не хотел рыбы, все хотели в автобус, который нехстати куда-то запропастился. Но жребий был брошен. Двое из компании, про себя и частично вслух критикуя новоиспеченного Робинзона, двинулись на помощь.

Не прошло и получаса, как спасательная операция удачно завершилась. Теперь все были вместе, кроме так необходимого нам автобуса. Каждая минута ожидания казалась вечностью...

Не сумев оценить комизма создавшегося положения, молодой работник разразился длинной тирадой. Привести ее полностью нет никакой возможности. На четвертой минуте его речи мы уже улыбались, на седьмой громкий хохот отпугнул рыбу, наверное, на километр.

Наконец послышалась лучшая в мире музыка — грохот и скрип подъезжающего старенького автобуса. Обдав нас липкой грязью, машина остановилась. Шофер не сразу открыл дверь. Будто не узнавая своих, он пристально поглядел на сослуживцев — промокших, дрожащих, испачканных грязью. Вместо рычага для открывания дверей он ухватился за свой трясущийся упитанный живот и захохотал, а мы, тихо его ненавидя, беспомощно топтались у автобуса. Только когда главный инженер прокричал, что за опоздание на два часа надо лишать прогрессивки, шофер сразу поскукнел.

Двери автобуса открылись, и в тот же миг на небесах закрылся какой-то клапан. Дождь кончился. Сквозь промытые, сверкающие стекла в автобус несмело заглянуло солнце. Оно улыбалось нам, и мы любили его. Да и друг друга тоже, даже черноволосого Робинзона, даже шофера. Ведь все хорошо, что хорошо кончается. Но с тех пор каждый из нас запомнил: на прогноз полагайся, а в плащ одевайся!

ВЕЛИКИЙ, РЫБАК

В номере гостиницы небольшого приморского городка нас, командировочных, было трое.

— Великий, — отрекомендовался при знакомстве один из моих соседей по комнате, тщедушный человек маленького роста.

— А моя фамилия Рыбак, — представился другой, добрый молодец отменного на вид здоровья, обладатель зычного приятного баритона.

И все трое громко расхохотались. Сочетание было в самом деле необычным: Великий, Рыбак. Оба соседа оказались страстными рыболовами и охотниками. А эти люди, известно, умеют рассказывать различные истории, были бы желающие слушать! А желающих оказалось немало. По вечерам в нашем номере собирались чуть ли не все жители гостиницы.

Большая внимательная аудитория вдохновляла рассказчиков. И Великий, и Рыбак старались перещеголять друг друга как только могли. Каждый хотел показать

слушателям свое превосходство над другим не только в знании тонкостей рыболовной науки, это уж само собой, но и в сообразительности, смекалке.

— Что это за командировка, — начинал Великий. — Два выходных в городе просидел, на рыбалку не выбрался. Вот прошлая поездка на Дальний Восток была, так есть что вспомнить. Значит, удили мы с приятелем карасей. Клев был изумительный. Нацепишь червя, закинешь, сразу рыба наживку хватает. Половили мы некоторое время, решили позавтракать. Да не получилось: только начнешь еду доставать, поплавок тонет, сумку бросаешь и опять за удочки. А есть все же хочется.

Я-то свою удочку и забрасывать больше не стал, а приятель стоит будто к воде привязанный. Говорю ему, мол, доставай еду, я пока за твоей удочкой присмотрю. Снял незаметно с его удочки червя и забросил голый крючок, теперь уж не клонет!

Сели. Только начал он разливать кофе, его поплавок — ко дну. Термос он бросил, драгоценная жидкость на траву пролилась, пакет с едой в воду упал. А карасик-то на пустой крючок взял. Вот это был клев! Сорок лет живу на свете, такого не помню.

— Подумаешь, у него часто караси клевали! У меня одна рыба, тоже на "к" — колюшка, так клевала, что тебе даже и не снилось, — запальчиво заговорил Рыбак. И уже обращаясь ко всем нам, своим слушателям, продолжал: — Может, кто не знает, есть такая маленькая, сантиметров шесть всего, рыбка — колюшка. У нее длинные колючки для защиты от хищников. Водится она в Финском заливе, строит себе гнездо. В пищу эта рыбка совершенно не годится, но красивая: сама серо-зеленоватая, а глаза сине-зеленые.

— Да все это, братец, есть в учебнике зоологии для шестого класса. Я сам у сына видел, — тут же вставил Великий.

— Вот тогда-то я впервые и узнал, что такое не везет, — невозмутимо продолжал Рыбак, не обратив ни малейшего внимания на реплику Великого. — Рыбалка моя началась обычно: накопал червей, добрался до места, забросил удочки. Смотрю, поплавок на той, что поменьше, сразу повело в сторону. Обрадовался — тяну. Вытащил, она самая и есть — колюшка. Подумал тогда: "Что делать, бывает. Может, на этой удочке червяк мал?" В это время стало клевать на большом четырехметровом удилище. Снова выудил колюшку. Через пару минут все

повторилось. Потом еще и еще. Клевали рыбки беспрерывно, хватали даже червей, которые были больше их, высовывали головы из воды, гоняли поплавки по поверхности.

— Да, уж коль привяжутся, от них не скоро отделаешься, — согласился Великий, даже не став спорить. — Но ты тоже хорош! Надо было не червей зря скармливать, а действовать!

— Я и пытался перехитрить их. Переоснастил удочки на хлеб для плотвы. Но колюшки опять не перестали понимать. Гонялись за кусочками мякиша, били носами и хвостами по грузилу, будто играли со мной в какую-то непонятную игру. Казалось, что они готовы клевать на что угодно: на червя, на хлеб, на сыр, на пенопласт и пробку...

"Стая, видно, прочно оседлала это место и выжила другую рыбу", — решил я, сматывая удочки. Тем более что кончились черви, хлеб, сыр, да и терпенье. Собираясь домой, с грустью оглядывал все вокруг и мысленно ругал колюшек обжорами, бестиями, недоразвитыми акулами и другими словами и, конечно, очень жалел о потерянном времени.

Когда взвалил удочки на плечо, подошел мальчишка лет тринадцати. Он быстро размотал нехитрые самодельные снасти и бросил приманку.

"Ну, такой рыболов будет рад и этим колюшкам", — решил я про себя и уже было тронулся в путь. Но что это? Поплавок его немудреной удочки повело в сторону. Я заулыбался, мол, сейчас узнаешь, почему фунт лиха, и остановился посмотреть... А он вытащил прекрасного подлещика. Потом второго. Я смотрел на происходящее, как на пьесу в двух действиях со счастливым концом. Конец счастливый не для меня, правда. Я еще в начале потерпел полное фиаско. Меня колюшки "убили", так сказать, в первом же акте. А потом куда-то ушли. Наверное, всей стаей к другому берегу, чтобы кого-нибудь еще "осчастливить".

Вы знаете, — закончил Рыбак рассказ, — что в народе иногда говорят: "На червя — ерш, на ерша — окунь, на окуня — щука". Получается вроде: забросишь червя — щуку выудишь. Но после той рыбалки я долго помнил, что на червя клюют только колюшки. И еще понял, что такое не везет. А вот как с ним бороться?

— Спросил бы тогда у мальчишки — узнал, — пошутил Великий.

— Собирался ведь спросить, да клюнул у него третий подлещик, — ответил Рыбак. — Ну а если рыболов тащит приличную рыбу, в этот момент лучше ему не мешать.

— О, я как сейчас помню, раз с рыбалки голодным приехал, — сказал Великий. — Сами знаете, что ездят на рыбалку по-разному: в одиночку, с товарищем, группами и, случается, целыми учреждениями. В одну из суббот и двинули мы на речку всем учреждением во главе с начальником. Переночевали в палатках, и чуть засветлело, не тратя времени на завтрак, забросили снасти. Вскоре у многих появились окушки, плотвицы, ерши. Когда из-за горизонта выглянуло солнце, клев стал еще лучше.

Но впечатлениями никто не обменивался, радостных возгласов в связи с очередной пойманной рыбой не было слышно. Объяснялось это простой причиной. Наш начальник был человеком угрюмым, малоразговорчивым. На рыбалке он всегда молчал, зачем, мол, отвлекаться, рыбу пугать. Так в тишине и ловили, наверное, часов пять. Пospела уха. К костру, где стоял дымящийся котелок, подходил то один, то другой, вдыхал ароматный запах ухи и выразительно поглядывал на начальника, у которого, казалось, клевало лучше всех.

А запах ухи становился все крепче. Он манил, будто жирный карась голодного окуня, усиливая ощущение голода.

— Может, позавтракаем? — наконец не выдержал самый молодой сотрудник.

Начальник молчал. Все остальные тоже.

— Я предлагаю... — начал было тот же товарищ.

И здесь его взгляд встретился с взглядом начальника, решившего прекратить "обмен мнениями".

— Этого болтуна, — распорядился он, — в следующий раз на рыбалку не брать!

— Ну и правильно, — рассмеялся Рыбак, — лично я согласен с твоим начальником. У рыб ведь слух отменный, шума они не терпят. А вот почему у охотничьих собак уши вниз опущены, а не торчком стоят, знаешь?

— Конечно, чтобы не слышать, как их хозяева врут и хвастают... — не растерялся Великий.

...Весело и интересно было в гостинице с Великим и Рыбаком, а вот на рыбалку с ними я, пожалуй бы, не поехал. Правильно распорядился начальник Великого: "Болтуна не брать!"

Знаете, какое на рыбалке главное правило? "Будь лаконичен — помолчи".

Иной, пожалуй, усомнится: бывает ли такая. Дескать, у рыболова может быть любимая удочка, блесна, мормышка, закусочная, на худой конец, что по пути с рыбалки, а тут — коряга. Но на нашей речке была такая. Причем любимая взаимно. Не в том смысле, конечно, что она кого-то обожала. Ее облюбовали отличные окуни для своего житья-бытья, часто подходили поохотиться и щуки. Так уж получилось: рыба искала, где коряга, а человек — где рыба.

Наверное, не нужно объяснять, почему каждый местный рыболов стремился встать пораньше и занять прежде других место "под солнцем", то есть у коряги, хотя она находилась в тени густых берез, и солнце туда никогда не проникало.

Много приятных и неприятных воспоминаний связано с ужением у коряги. Приятно было вытащить за утро несколько крупных окуней или щуку, перехватившую брошенного окуням живца. А неприятных минут было намного больше. Забросишь живца, а тот, вместо того, чтобы плавать по чистой воде, терпеливо ждать, когда им соблазнится хищник, сразу старается забраться в траву, за корягу. Тянуть бесполезно, оборвешь леску. Жди, может, сама распутается, но это редко бывает. Окунь, схватив добычу, тоже вел ее под корягу. Тут опять незадача: рано потащишь — хищник уйдет, выпустив добычу, поздно подсечешь — зацепишь. А зацепишь — сразу надо в воду лезть, чтобы отцепить крючок...

Немало коряга рыболовам нервов испортила. Не исключением была и утренняя зорька, о которой пойдет речь. Началось с того, что поплавок стремительно пошел вниз как раз у самой коряги. Потачил я огромную щуку к берегу, да леска оборвалась.

Следующую щуку тащил аккуратно. Да не тут-то было. Снова зацеп, и я, потеряв равновесие, полетел с мостика в воду, опрокинув ведро с карасями. На мелководье отлично было видно, как караси в одиночку, парами и мелкими группами удирали из ведра. Увидев мою разбегающуюся наживку, один из рыболовов не удержался: "Здорово вы это место прикарасили!"

А я стоял мокрый, без щуки и без перспективы что-нибудь поймать, ведь наживки уже не было...

Рассказ об этом злополучном месте будет неполным, если не сказать, что на берегу против коряги росли ее

потенциальные собраты — красивые березы с толстыми сахарными стволами и громадными, крепкими ветвями. Они еще больше осложняли и без того трудное положение рыболовов. Тащишь, бывало, рыбу, она, конечно, срывается, а леска вместе с крючком, поплавком и грузилом запутывается в ветвях.

У меня однажды снасть зависла недалеко от вершины. На реке рыба играет, а моя леска на дереве. Рыбалка срывается. Пришлось срочно переквалифицироваться из водолаза в верхолаза. Снял я ботинки, носки и полез. Если откровенно, то пытался влезть. Дважды соскальзывал в тот момент, когда пальцами уже дотягивался до сучка. В конце концов понял: до ближайшего магазина, где продаются рыболовные снасти, добраться проще.

ЖЕНСКАЯ ЛОГИКА

У моего приятеля Саши Малова была хорошая знакомая. Тоже Саша. И не просто знакомая — невеста. Значит, лучше всех на свете. Все женихи тоже, конечно, хорошие, но о Малове я бы этого не сказал. Обычно девушек приглашают в театр, в кино, на стадион, в кафе-мороженое и прочие приятные места. Бывают, конечно, отдельные факты, когда женихи из студентов невест часами на метро катают. Но это только те, кто стипендию не получает. Малов же кроме рыбалки никуда девушку не приглашал.

Вот и в этот день, промерив шагами до вокзала чуть ли не половину ночной Москвы, к утру они первым поездом добрались до водохранилища. Выбрав тихое, укромное местечко у деревьев, Александр забросил удочку. Ветерок ласкал их молодые лица, слегка рябил воду. Когда проснувшееся солнце выглянуло из-за невысокого холма, какой-то водяной житель осторожно тронул наживку. Поплавок дрогнул, и... Саша вытащил обглоданного червя. Бывает, не повезло. Рыбачье счастье не невеста, ни с кем в обнимку не ходит. Так ничего и не поймал Малов.

Июльское солнышко к зениту подошло. Позавтракали Саши рыбой из банки и сильно пахнувшей чесноком отдельной колбасой. И тут задумался Малов на вольную тему: о том, что рыбачье утро пропало и ничего день грядущий хорошего им не готовит.

— А давай-ка вон туда махнем, — прервав его размышления, показала Саша на совсем не рыбное, глинистое место.

Малов усмехнулся: "Какое там ужение — мелководье, травой все заросло, а на берегу ни единого кустика, чтобы от жары и от рыбьих взглядов укрыться". Но спорить не стал. Пусть женская душа потешится.

Перебрались они на новое место. Забросил Саша снасть среди травы на метровую глубину. Поплавок вскоре в траву ушел. Лиха беда начало. Клевали красавцы окуни, пока всех Сашиных червей не истребили. Начал он ловить на кусочки колбасы, которую невеста за завтраком не доела. Удил он с гордым видом победителя стихии и с превосходством на девушку поглядывал. А она сидела на газете, поджав ноги, и ласково улыбалась Малову.

Под вечер молодые люди возвращались домой в переполненной электричке. Даже бывалые рыболовы удивлялись, глядя на целлофановый мешок с Сашиным уловом.

— Однако ты, парень, зря времени не терял, — подмигнул Малову молодой человек в белой фуражке с надписью: "Ну, погоди!", уступая место девушке.

— А все женская логика, — пробормотал Саша.

Незнакомец в белой фуражке так и не понял, о чем говорил Малов. "Может, на солнце перегрелся человек", — подумал он, и больше не разговаривал до самой Москвы...

В другой раз совсем клева не было. Решил тогда жених невестушку на лодке с подвесным мотором покатаť. Плыли они, плыли, природой любовались. Вдруг мотор заглох. Целый час Саша над ним колдовал. Пот с него в три ручья лил, руки маслом пропитались, злости накопилось на десять женатых мужчин, а мотор никаких признаков жизни не подавал. Тем временем их немудреное суденышко к фарватеру сносить стало, где настоящие суда ходят. Положеньице хуже не придумаешь, хоть белугой реви. Вдруг девушка эдак спокойненько проговорила:

— Дорогой мой, ты на мотор сядь!

Удивился Александр таким словам, хотел невесте тут же высказать, что в душе накопилось, в особенности по части женской логики, но нервы в комок собрал, сдержался. Сел на мотор отдохнуть. Посидел минутки три, остыл, успокоился. За шнур дернул, двигатель с полоборота завелся. Снова удивился Малов. Посмотрел на Сашу, та улыбается. Довольна, будто и в самом деле помогла. "Случайность! — решил он. — Чего на рыбалке не бывает!.."

Тут самое время напомнить читателю старую, как мир, и новую, как поплавок с электрическим освещением, истину: чего только любовь с человеком не делает. Ради нее Малов был готов на все. Даже поймать в Подмоскowie крупную рыбу. Чтобы поскорее удивить невесту невиданной добычей, Александр решил удить только на крупного живца. На большую, мол, приманку большая хищница польстится, а маленькому разбойнику такая добыча не по зубам будет.

Если бы наши желания соответствовали желаниям рыбы! Много раз возвращались они с водоемов пустыми, без желанной "царь-рыбы". И каждый раз чувствовал себя Саша самым несчастным человеком. Плохо ел, плохо спал. Куплеты стал по вечерам петь: "Не везет в рыбалке, повезет в любви..."

— А ты попробовал бы поудить на маленькую рыбку, — однажды предложила Саше невеста.

— Будь по-твоему, попробую, — добродушно согласился Малов.

Он попросил у соседей рыболовов маленького окушка и забросил снасть. Сразу же повело вглубь огромный пенопластовый поплавок. Удилище напружинилось и изогнулось вопросительным знаком. Мол, чья возьмет, неизвестно. Саша на невесту не глядит, все внимание рыбе. Резко подсек и начал потихоньку леску на катушку подматывать. Рыбина, почував в пасти крючок, на свободу рванулась, уходила то в сторону, то на глубину, наконец, измученная, пошла к берегу. Когда из воды показалась щучья голова, большая, зубастая, девушка подбежала к Александру, подсачек подала.

Поцеловал Малов щуку, заодно и невесту и прямо в костюме на радостях бросился в щекочущую прохладную воду. Охладился он, остыл, сел в мокрой одежде на пожелтевшую к осени траву и призадумался. Поразмыслить ему было над чем. Когда слушался подругу, все очень уж складно получалось, хотя вопреки правилам она советы давала. А гляди-ка, помогало...

Бывают в жизни рыболова такие дни, когда ему, пусть не на рыбалке, но все удастся, все хорошо кончается. Познал и Саша радость удачи. В понедельник на заводе во время обеда подсел он к своему мастеру, заядлому рыболову, все ему выложил без утайки: и про рыбу, и про любовь, и про невесту. В разговоре особенно на женскую логику ополчился. Заулыбался мастер и, допив компот, объяснять стал:

— Между прочим, братец, пора бы знать, что в жару рыба в траве держится. К ней Саша тебя и повела. Это во-первых. Во-вторых, на маленького живца любая рыба охотнее берет, лишь бы он ходил веселее. То, братец, не женская логика, а рыба. Понимать надо!

Почесал Саша затылок.

— Тут я согласен, — сказал он. — А как она догадалась мотор исправить? Колдовство это сущее. На мотор, видишь ли, сядь да еще на горячий. Как в аду на сковородку.

— Тоже могу объяснить, — ответил мастер. — Сел ты на самую корму, лодку наклонил. Бензин самотеком лучше по трубке проходить стал. Может, засор был, а ты лодку покачал — прорвало. Стало быть, и в-третьих, тоже ничего мудреного нет, братец, — повторил мастер свое любимое слово.

КУДА ДЕВАТЬ РЫБУ?

Не правда ли, праздный на первый взгляд вопрос? Действительно, ради чего столько готовиться, подниматься, что называется, ни свет ни заря с постели, часами просиживать у воды, если улов — мечта каждого рыболова — не нужен.

Попробуем подойти к вопросу с другой стороны. Приехал человек отдыхать в санаторий, расположенный в живописном уголке Крыма, у самого Черного моря. Свободного времени у него, говоря языком рыболова, навалом. Вода рядом, удочки — пожалуйста, лодки тоже. Все есть для рыбалки, и рыбалка прелестная, потому что клюет.

Поехал, наловил, вернулся. А куда улов девать? Для питания рыба не требуется — кормят в санатории прилично. Во всяком случае, сил ходить на танцы в хорошую погоду почти у всех хватает. В общем, сытые люди кругом. Опять же, если без жены отдыхаешь, готовить некому. Да и как готовить? У тебя ни кастрюли, ни сковородки, ни плиты нет. Все это, понятно, есть в столовой, но не понесешь же десяток рыбешек шеф-повару. У него и без твоих маломерок дел по горло. Встает рано, с кухни последним уходит. Шеф есть шеф.

Кое-кто вялит рыбу на балконе, вызывая острую критику со стороны уборщиц. А они в санаториях, как впрочем и везде, большое начальство. Прогневаешь какую-нибудь тетю Машу, убирать перестанет, белье

менять не будет. Разъяснит, насколько сможет популярно, что высшая форма обслуживания — самообслуживание. Вот и получается, что некуда девать пойманную рыбу. Не верите? Честное слово, на себе испытал.

Помню, очередной день отдыха на Южном берегу Крыма начался радужным рассветом и надеждами на удачный поход за ставридой. На море ни ветерка, полный штиль. У дежурного по лодочной станции получил лодку и рыболовную снасть — "самодур" — спиннинг с катушкой, толстой леской и большими острыми крючками на поводках, украшенными разноцветными перьями и нитками.

Не спеша отошел от берега. Вода настолько прозрачна, что дно видно. Выбрал место поглубже, весла положил вдоль бортов и начал "самодурить" — поднимать и опускать зеленую, под цвет воды, леску. Вот и первые поклевки. На крючках три ставриды. В следующий заброс снова три. Наконец четыре. А вот и целая гирлянда, словно лампочки, только необыкновенного серебристого цвета.

Пока снимал рыбу с крючков, косяк куда-то ушел. Иду за ним. А может быть, и не за ним, кто знает, в какую сторону рыба пошла, просто плыву на большую глубину. Вдруг совсем рядом с лодкой молнией мелькнуло гибкое метровое тело рыбы. Это катран, черноморская акула. Хорошо, думаю, что не клюнула хищница, могла ведь и удилице сломать, а за него отвечать придется — казенное имущество. Да что спиннинг! Надо было в справочник заглянуть, не нападают ли черноморские акулы на одиночных рыболовов.

Леску не забрасываю, сижу, мыслю, переживаю. Наконец крики чаек и гудки теплоходов напомнили о том, что меня никто не съел. На всякий случай иду поближе к берегу. На крючках снова серебристые ставридки...

Время близилось к завтраку, пора заканчивать рыбалку. На лодочной станции старательнее, чем иная мать своего младенца, помыл лодку. Прилипнет к ней хоть одна чешуйка, не примут. Сдал суденышко и удилице и остался один на один с уловом. Ставриду положил в тень, пошел искать для нее достойного хозяина.

Робко приблизился к медсестре, которая на пляже следит, чтобы отдыхающие вовремя с боку на бок переворачивались, не сгорели. Предложил ей рыбу забрать. Отказалась, много, мол, вас тут таких ходит!

Подошел к другой сестре, той, что ближе к морю,

температуру у него измеряет. Отложив в сторону термометр, она с заговорщицким видом спросила:

— Что у вас: ставрида или пикша?

— Ставрида, свеженькая, одна к одной!

— Нет, не подойдет, — сразу загрустила она, и голосом, словно я ее обидел, добавила: — Ставрида жирная, а я крупная, дородная. Мне для похудения обезжиренная пикша нужна. Уха из нее нежная.

— А я вам в следующий раз пикши наловлю, — предложил я приемлемый для себя вариант.

— Тогда и поговорим, — отрезала сестричка, снова протягивая руку к термометру.

Я стоял растерянный, удрученный. Сестра была, видно, доброй женщиной. Подумав, она подсказала единственный в создавшемся положении выход.

— Мужчину видите? — показала она на лежавшего на траве у забора обросшего человека неопределенного возраста, который загорал прямо в одежде. — Он не откажется.

Я подошел к мужчине и легонько тронул его за плечо. Со здоровым интересом выслушал мое предложение.

— Неси сюды. Сейчас я ставридок в соленую воду кину, пуцай там порезвятся. К завтрашней стыковке готовы будут.

— К чему? — не понял я.

— Не знаешь? Молодой еще, зеленый. Тут на перекрестке улиц бочку сухого вина перед обедом привозят. С ней я и стыкуюсь с помощью переходного стакана. После это дело зажуваты треба. Пойдет завтра ставрида-то.

— Так давайте регулярно вас снабжать буду, если клюнет, — несмело предложил я.

— Не, покуда не надо. В командировку на халтурку отбываю. А больше никто не возьмет.

Я принес рыбу, и мы расстались весьма довольные друг другом. Спасибо сестре, все же с нужным человеком познакомила. Теперь надо бы ее отблагодарить.

На другой день встал рано и повел лодку подальше от берега — за пикшей. Сестра сказала, что уха из нее нежная. Пошел в море, несмотря на возможную встречу с акулами. Подумал: "Была не была. Если бы катраны на людей нападали, рыбацкая молва давно бы об этом по всему свету разнесла. А пикши наловлю, буду знать, куда обезжиренный улов девать".

Свет ведь не без добрых людей!

Мой старый друг (назовем его Петровым) несколько лет проработал в Венгерской Народной Республике. Всем хорош Петров, как говорится, человек положительный во всех отношениях. Вот только на рыбалке был не из везучих. Крупная рыба у него всегда срывалась, мелкая же не клевала вообще. Домой возвращался мой товарищ обычно без единого хвоста даже в те удачливые дни, когда у других рыболовов садки были полным-полны. Сами понимаете, для рыбацкой братии такой человек — сущая находка, и Петров служил объектом острот.

Такое отношение моему товарищу порядком надоело, и решил он проучить остряков-самоучек. План его был простым. В разгар летней жары, когда рыба нигде не клевала, он бодро предложил товарищам:

— Что, если завтра, да пораньше, за карпами двинуть! Говорят, во какие попадаются!

Кто знает душу рыболова, тот сразу поймет, что его предложение тут же и единогласно было одобрено.

Вечером Петров зашел в рыбный магазин и купил пару живых карпов. Придя домой, он пустил их в ванну, лишив свою семью возможности помыться, чему его маленький сын был очень рад. Ну, а о себе мой друг не заботился, он думал только о карпах. В душе он уже смеялся над теми, кто на рыбалке портил ему настроение своими насмешками. Петров был настолько возбужден и взволнован, что жена даже посоветовала ему на всякий случай измерить температуру. И он измерил, но только не у себя, а в ванне, где плавали бесценные карпы. Убедившись, что все в порядке, он повеселел и даже пропел: "На одного три удочки, а рыбки ни одной..."

Каждый час Петров навещал своих подопечных, на которых возлагалась высокая миссия восстановления его рыбацкого престижа...

Труднее всего было незаметно и обязательно живыми довести рыб до места рыбалки, что удалось, хотя и с большими сложностями. У пруда Петров расположился подалее от других рыболовов и, стараясь не привлекать их внимания, посадил рыб на кукан.

Клева в этот жаркий день не было. Поединок заканчивался явно в пользу рыб... и Петрова. Рыболовы сначала чего-то ждали, смотрели с надеждой на поплавки, потом это им надоело, и они стали подходить друг к другу, чтобы узнать, как идут дела у соседей.

Кто-то не без ехидства поинтересовался уловом и у моего приятеля. И когда тот вместо ответа показал двух карпов, лицо спрашивающего вытянулось, взгляд погас, а очередная острота так и осталась произнесенной. Сразу сбежались почти все рыболовы со всей округи.

"Везет же человеку!", "Молодец!", "Настоящий рыболов!" — слышалось с разных сторон.

Большое скопление людей не могло не заинтересовать инспектора рыбнадзора.

Осмотрев улов, он вытащил линейку и измерил одного карпа. В нем оказалось двадцать семь сантиметров. Со словами: "Разве вы не знаете, что разрешается ловить карпов не менее тридцати сантиметров?" — он бросил рыбу в пруд. Та же участь постигла и другого карпа, в котором было двадцать восемь сантиметров.

— Да ведь я их...

— Купил в магазине, вы хотели сказать? — насутился инспектор. — Так все говорят, когда ловят то, что не следует.

— Нет, не купил, я сам поймал. Сам, понимаете. Никто ничего не поймал, а я...

— Впрочем, знаете, — как-то смущенно продолжал инспектор, — пожалуй, вы правы были, когда хотели сказать, что купили их. Рыбы какие-то странные, явно не из этого пруда. Но разве теперь их найдешь? Они уже к тому берегу подплывают...

Из-за всеобщего хохота, который напугал рыбу так, что она потом еще недели две не клевала, трудно было расслышать дальнейшие слова инспектора. А он с улыбкой признался, что сам покупал иногда рыбу, чтобы не приходиться с рыбалки с пустыми руками, что он все понимает и никакой ответственности за незаконный вылов Петров нести не будет, что рыбак рыбака видит издалека, а понимает и на еще большем расстоянии.

Мой товарищ после этого случая никогда больше не ездил на рыбалку, а рыболовные принадлежности подарил своему новому другу... инспектору рыбоохраны. Правда, тот незадолго до этого преподнес ему двух карпов. В одном было двадцать семь сантиметров, а в другом — ровно на сантиметр больше.

"И снится чудный сон..." Нет, не пушкинской Татьяне, а студенту Лене Татьянкину. Сходство тут лишь в том, что оба они жили в деревне. Татьяна Ларина — до чудного сна и еще некоторое время после, а Леонид Татьянкин приехал из города отдохнуть после трудового семестра. А какой же отдых без рыбалки? Спать Леня лег пораньше, попросив бабушку разбудить его на рассвете. И вот снится ему чудный сон...

Первый раз закинул он удочку и вытащил полуметрового леща, толстого, как учебник по сопромату, тяжело, чуть ли не как штанга в спортзале, которую Татьянкин всегда обходил стороной.

Во второй раз закинул он снасть, принесла она огромного окуня, решившего "заморить червячка" червяком с Ленкиной удочки.

В третий раз Ленка выудил тридцатисантиметровую плотвицу в серебристом наряде, с раскрашенными глазами. И вдруг она сказала голосом однокурсницы Верочки: "Или я, или рыбалка, выбирай!" Долго думал Леня, кого выбрать, но так и проснулся, ничего не придумав.

Вспомнил он, что сегодня пятница. А бабушка не раз ему говорила, что в пятницу сон в руку, значит, обязательно сбывается. Оделся Татьянкин за минуту, позавтракал и того быстрее. Через какие-нибудь четверть часа сидел он на берегу озера под ветвистой березой, с наслаждением вспоминая, что если сон в руку, первым должен клюнуть огромный лещ.

В первый раз он закинул удочку, оказалась на крючке озерная тина. Во второй раз забросил он снасть, пришла она с рваным ботинком. Закинул червяка в третий раз, подплыла к рыболову лягушка. Ничего она не спросила, только несколько раз ехидно квакнула.

Свои часы Леня в спешке забыл. Время определял по шуму электрички: пятичасовая прошла, шести... Когда прогрохотала восьмичасовая, он в двадцать первый раз сменил насадку и в сто первый уныло посмотрел на пустой садок. Лещ где-то задерживался, впрочем, как и окунь, и плотва. Рыба не клевала ни в предусмотренной сном очередности, ни в каком-либо другом порядке. Озерные обитатели вели себя так, будто их в водоеме и в помине не было.

Когда промчался одиннадцатичасовой поезд, Татьян-

кин совсем загрустил, думая о том, что с таким же успехом здесь можно ловить не только до ночных поездов, но и до перехода на зимнее расписание. На минутку закрыл он глаза и... уснул, разморенный жарким солнышком.

И тут приснилось ему, что вовсе он не Татьянкин, а главный на озере владыка — Нептун районного масштаба. Будто все рыбы от мала до велика его почитают и слушают. И еще по пятницам у него, Нептуна, приемный день. Сидит он на дне, на троне — на затонувшей железной бочке, и рыбы к нему идут скопом, чтобы душу излить, рассказать о своих заботах и горестях.

Вот приплыл лещ полуметровый, попросил кислородную маску, потому что дышать ему трудно — завод в озеро воду спускает. Потом приплыл окунь огромный, говорит: "Житья совсем не стало от крючков в нашем озерном царстве. Что ни день, приходят рыболовы, человек по тридцать на одну рыбу — это если в среднем прикинуть. Ну а в праздники и выходные их всегда еще больше бывает". Постучал по бочке пескарь премудрый, показал обрывок газеты, где по белому черным было написано, что за четыре последних года крючков выпущено уже полтора миллиарда. И заплакал премудрый горько, и опять стал нем, как рыба.

А потом все расступились, важно, словно королева, подплыла к нему в наряде серебристом и раскрашенными яркими глазами улыбающаяся плотвичка и у самого уха как крикнет (голосом однокурсницы Веры): "Выбирай: или я, или рыбалка!"

Сон с Татьянкина будто рукой сняло. Открыл он глаза и увидел настоящую Веру в красивом серебристом платье и с большими синими глазами.

— Ну, какой ты жених! В гости звал, а сам на рыбалку ушел. Что-нибудь поймал?

Показывать выуженный рваный башмак было неудобно.

— Да, несколько крупных сорвалось, — чуть краснея, ответил Татьянкин.

— А которые поменьше где же?

Он долго молчал и, не придумав ничего другого, сказал:

— А я выбрал — ты! (После такой рыбалки ему было легко выбирать.) Давай поженимся!

— Я согласна, но не люблю чистить рыбу. Лучше мы сайру будем покупать.

— Или бычков в томате. Я их с детства люблю! — ответил Ленья.

Через месяц сыграли свадьбу.

УЛОВИСТОЕ МЕСТО

После утомительного пути по пыльной дороге и нагретого солнцем душного автобуса тихий, дышащий прохладой и покоем берег Рузского водохранилища показался мне поистине земным раем. Шелестели листья на деревьях, рябила тронутая ветром серебристая вода.

Ко мне подошел заведующий рыболовной базой Николай Михайлович Кураев — плотный мужчина среднего роста с симпатичным загорелым лицом и, улыбнувшись, без предисловия предложил:

— Берите двадцать седьмую лодку. Почти самоходная и ни разу не переворачивалась!

Я поторопился в кладовую за веслами, черпаком и прочими принадлежностями. Проверив путевку и охотничий билет, хозяин базы аккуратно положил их в ящик с номером двадцать семь.

— Какие виды на урожай? — спросил я Николая Михайловича, выбирая ремни для грузов-якорей.

— Клюет сегодня вот у тех кустов, — показал он на заросли напротив лодочной станции. — Там помельче, а нынче из-за жары кислорода мало. Ищет рыба не где глубже, а где вода не застаивается, дышать легче.

По водохранилищу шла невысокая суевливая волна, но в том месте, на которое указал доброжелательный хозяин базы, было тихо. Деревья не давали ветру поднять волну, и в воде, как в зеркале, отражались зеленый солнечный берег с пышными деревьями и кустами и приткнувшаяся на мелководье голубая лодка. Высокий кустарник живой изгородью поднялся у самой кромки водохранилища. Лишь в одном месте была заметна просека, которая вела куда-то в глубь пролеска.

По этой ниточке-просеке я и вывел лодку в крохотный залив. Стараясь не испугать рыбу, лодку поставил так, чтобы ее тень падала на водную растительность, и забросил удочки с насадкой из манной каши и распаренными овсяными зернами.

Не успел подготовить третью удочку, как на первой начал раскачиваться поплавок: вверх-вниз, вверх-вниз. Так клюет плотва. И вот первая рыбка забила в опу-

щенном с борта лодки садке. Минут через пять утонул поплавок на другой удочке. Подлещик на крючке шел спокойно, будто только и ждал, чтобы его выудили. Даже следующая, сравнительно небольшая плотвичка билась сильнее, чем ее широкобокий собрат.

— Прекрасное место подсказал Николай Михайлович. Мечтал хотя бы поклевки увидеть, а тут даже рыба попадает, — подумал я. — Должность-то у него — не позавидуешь. Когда только спит человек? Весь день пропадает на лодочной станции: утром к ранней зорьке встань, а вечером после возвращения рыболовов тоже домой сразу не уйдешь. Разместить вновь прибывших надо, документы оформить надо, побеседовать с каждым надо. Сколько этих "надо" набирается! И отпуск всегда зимой или глубокой осенью, в бесклевье...

А днем? Крутится как белка в колесе. Самому порыбачить некогда. Минуты выдадутся свободные, он то свой вагончик подкрашивает, то лодки шпаклюет, то разбирается со "сбруями" (так рыболовы называют лямки, на которых опускают с лодки грузы-якоря). И при этой-то круговерти остается добрым, внимательным.

От размышлений отвлекла очередная поклевка. Вздрыгнул поплавок и стал медленно подниматься, будто невидимая рука, ухватившись за конец раскрашенного пенопласта, тащила его из воды. Но другая, более сильная рука стремительно повела поплавок в сторону и вниз.

Я подсек, почувствовал на леске биение бросающейся в стороны крупной рыбы, и... все кончилось: снасть вдруг пошла необычайно легко. Вытащил леску без крючка. Что ж, бывает и так.

Уловистое место, как назвал его Николай Михайлович, действительно оказалось удачным. Мой садок регулярно пополнялся новыми трофеями. Но и при хорошем клеве рано или поздно приходится заканчивать рыбалку. Сделал это и я. Николай Михайлович встретил на берегу традиционным вопросом:

— Ну как?

Что ему было ответить? Скажешь, что хорошо поймал, подумает — хвастун: есть рыболовы, которые и побольше ловят, случается, даже судаков. Скажешь мало, обидишь доброжелательного хозяина. Вместо ответа показал садок, где трепыхались широкие подлещики, толстые плотвицы и забияки-ерши.

Много лет минуло с той поры, когда произошла со мной несколько необычная, веселая и одновременно грустная история. А помню я ее так, словно дело было только вчера. Но, как говорится, обо всем по порядку.

Сидел я однажды вечером с удочкой на самом рыбном месте канала, отделенного от Балтийского моря широкой песчаной косой. Погода менялась от плохой к худшей. Наверно, поэтому рыба брала как-то нехотя. Даже поплавок она не топила, а лишь слегка уводила в стороны. И вдруг он резко пошел под воду. Подсечка, и через минуту на камнях уже извивался крупный угорь.

Как я ни старался, скользкий, подвижный угорь не давался в руки. Борьба, не приносившая успеха, продолжалась довольно долго. Отовсюду сбежались рыболовы и стали давать обычные в подобных случаях советы и указания:

— За жабры его, за жабры!

— За зебры! — вспомнил кто-то чеховского налима.

— Ложись на него!

— На сковородку вместе с удочкой неси!

Финал сцены оказался печальным. Угорь так запутал леску, что распутать ее не было никакой возможности. На этом рыбалка любимой удочкой закончилась.

Существуют ли они: рыбацкое счастье, удача, везение? Конечно, о них мы мечтаем, отправляясь на рыбалку в жару или стужу, в дождь или в ясную погоду. Но ведь везение не билет на поезд, его заранее не закажешь! Вот и приходится выдумывать...

Только из рассказов можно узнать, к примеру, о том, как рыболов бросил с лодки якорь, и рядом вдруг всплыл оглушенный пудовый сом, потому что груз упал рыбе на голову; как другой рыболов выловил рыбину, одна лишь фотография которой весила четыре килограмма. Лучше поговорим о тех рыболовах, которые сами куют свое счастье.

Помнится, в промозглую ветреную погоду на Можайском водохранилище ни у кого не клевало. Плавали на крючках и кружках живцы — карасики, плотвички и ерши, да все зря. Не соблазняли они ни судаков, ни других хищников. Лишь один местный рыболов передвигался на лодке от кружка к кружку и снимал с крючков трепещущих, распутивших плавники судаков. Позже выяснилось, что ловил он на маленьких пескарей, пойман-

ных в речушке, впадающей в водохранилище. А эта наживка судакам хорошо знакома.

В другой раз на Москве-реке совсем уже никакая рыба не брала. Каких только насадок не испробовали рыболовы, все впустую. Один человек с уловом оказался. Он тоже забрасывал разные наживки. Нашел все-таки единственную — в тот день самую нужную — муху. Десятка три голавликов и уклеек вознаградили его за настойчивость.

Однажды в теплый летний полдень в московском парке "Сокольники" посетители наблюдали странную картину. У крохотного пруда, который и курица может вброд перейти, стоял почтенного возраста и солидного вида человек и налаживал закидушку с толстенной леской и огромным крючком. Насадив кусок жмыха величиной с грецкий орех, он забросил снасть на середину пруда и привязал конец лески к дереву.

Гулявшие по парку москвичи окружили рыболова плотным полуколымом. Градом полетели вопросы, предложения и пожелания:

- Кого удить собрался? Неужто сюда кит заплыл?
- Клюнет, на помощь зови! Всей бригадой отдохнуть пришли, всей бригадой и подсобим.
- А дерево выдержит? Ведь всего полметра в диаметре!
- Приглашаем в филиал "Праги" вместе с китом, здесь недалеко!

Рыболов долго отмалчивался, видно, спокойным человеком был, но потом, все же не выдержав обрушившегося на него внимания, объяснил всем сразу:

— Живет, товарищи, в этом пруду карп. Один всего. Но большущий, килограмма на три-четыре. Если возьмет, мой будет!

Время шло, а карп на приманку не шел. Заскучали люди, разошлись, оставив рыболова один на один с будущей добычей.

Типичен ли такой рыболов, человек, вызвавший столько улыбок и словесных ударов? Да, типичен. Просто ловил он не там, где надо. Сиди он с таким же успехом (то есть без рыбы) у озера или у реки в ожидании поклевки, никто бы не смеялся, не сочувствовал и, конечно, не делал бы за его спиной у виска знаки указательным пальцем.

Рыболов терпеливо ждал своей удачи. дождался ли? Чтобы выяснить это, после прогулки я пошел мимо пруда

к трамвайной остановке. Он стоял на том же месте и в той же позе, что и четыре часа назад...

Ну, что ж! Счастье рыболову приносят терпение, знания и мастерство. И не надо желать многого. Считайте, что вам уже повезло, если вы видите, как тонет ваш поплавок или дрожит сторожок зимней удочки. Везение продолжается, если вы чувствуете на леске сильную, трепещущую рыбу. К вам пришла двойная удача, если в месте ужения живописная природа и рядом с вами друзья. Да и само ожидание удачи — тоже радость.

Впрочем, могут быть и другие мнения...

МИМО СТЕПИ И ЛЕСА

Поезд промчался по Донбассу — знойному, пыльному, где даже ночь не приносила пролады — и вырвался, наконец, из бескрайней степи в южный тенистый лес. Тополь, вербы, дубы небольшими группами побежали вдоль железной дороги, словно стремясь догнать друг друга. Из-за поворота показалась полноводная тихоструйная река. С ее берегов в неподвижную воду задумчиво смотрели раскидистые кусты.

Изумрудно-зеленая, еще не выгоревшая трава оттеняла яркие краски цветов, особенно светло-лиловые заросли иван-чая и нежно-розовые полевого вьюнка. По кустам, траве, цветам скользнули лучи утреннего солнца и, упав в реку, засеребрили воду. Дохнул пришедший откуда-то ветер, и длинноногие цветы и легкие травинки, повинаясь ему, закивали своим изображениям в воде, белым кувшинкам и коричневым шишечкам рога на речной отмели.

У окна вагона стояли двое мужчин — сравнительно молодой, но уже с солидным брюшком брюнет и высокий седой старик, ни на минуту не расстававшийся с толстой палкой, на которой были мелко написаны названия городов, в которых ему довелось побывать. Жадно, восхищенно они вглядывались в расступившийся перед поездом лес.

— Красотища-то какая, — сказал пассажир помоложе. — Сто лет ничего подобного не видел. Представьте, как прекрасно встретить здесь рассвет или закат!

— Да, на такое место можно десять раз смотреть и будто впервые увидеть, — согласился старик. — Росой бы подышать.

— Утречком пройтись по ней босиком! Забросить

удочку вон под тот куст, — показал пассажир помоложе на серебристую иву. — Лески и крючки есть, племяннику везу.

— Вечер наступит, от деревьев тени побегут. Над рекой пар поднимется.

— И над ухой тоже.

— Вполне с вами согласен. Природа — чудо. Вот где отдохнуть бы во время отпуска!

— Это точно. А то приедешь опять в санаторий: режим, процедуры, физкультура и та лечебная.

— А из природы опять гора Кольцо, замок у Кисловодска, река Подкумок, в которой и воды нет. Правда, надоело.

— Вот бы здесь отпуск провести. Сколько лет об этом мечтал...

— А будем с городского балкона в который раз на Эльбрус смотреть, тем наш сегодняшний разговор и кончится, — перебил пожилой мужчина брюнета, слегка постучав палкой по полу.

— Не скажите, остановился бы сейчас поезд, схватил чемодан и остался. Может, не на весь отпуск, на несколько дней.

— Скорый здесь не останавливается, перегон большой, — бросила проводница, услышав обрывок разговора.

— Жаль. Очень жаль, — проговорил мужчина помоложе. — Цветы и трава нам машут, в гости зовут. А в ту деревню, что на пригорке видна, за хлебом и молоком бегали бы.

— Да, да, — согласился его собеседник, — я бы на палке выжег: "Безымянный берег". А в санаторий и опоздать можно. Кино, вино, домино. Кефир, зефир и...

Вдруг поезд резко затормозил и остановился. Не отрываясь от окон, смотрели пассажиры на тихую речку, ее живописные берега и далекую маленькую деревеньку на пригорке. Но никто не сошел с поезда.

А может быть, зря?

СОДЕРЖАНИЕ

И. Стаднюк. К читателям	3
-----------------------------------	---

Спросите у утренней зари

Спросите у утренней зари	4
Тайна лесного озера	8
Плотина	11
Домик у моря	16
Тревога в деревне	26
Приобщение к великому племени	28
Есть в Марьине пруд...	31

На голубых дорогах

"Московский сувенир"	39
Три радуги	42
По теории вероятности	44
Можайские зори	47
Налимово жилище	50
Хищник есть хищник	52
Клев... по часам	54
Живите, живучие...	56
Июнь — на рыбалку плюнь	60
Быстрина	62
Дальше бросишь — больше поймашь	65
Вечный двигатель	68
"Понимать надо..."	70
У сваленной сосны	73
Рыбальята	77

Рыбацкие были

А у вас есть спиннинг?...	83
Почти по Перову	86
Своя ноша не тянет	88
Все естественное — лучше	91
Вовремя сказанное слово	94
Ученье — свет...	95
На прогноз полагайся, а в плащ одевайся!	97
Великий, Рыбак	101
Любимая коряга	105
Женская логика	106
Куда девать рыбу?	109
Долг платежом красен	113
Сон в руку	115
Уловистое место	118
Информация к размышлению	120
Мимо степи и леса	123

Серия "Человек и природа"

Владимир Федорович Макеев

КАЖДЫЙ РАССВЕТ БЫВАЕТ ОДНАЖДЫ...

Заведующий редакцией Э. П. К и я н

Редактор Ю. Л. К и т а е в

Художник А. В. С е м е н о в

Художественный редактор Ю. В. А р х а н г е л ь с к и й

Технический редактор О. А. К у л и к о в а

Корректор А. А. Л а в р о в а

ИБ № 1497. Сдано в набор 13.12.82. Подписано в печать 05.11.83.
А 13277. Формат 84х108/32. Бумага офсетная. Гарнитура "Сенчури".
Офсетная печать. Усл. печ. л. 6,72. Усл. кр.-отт. 7,14. Уч.-изд. л. 7,17.
Тираж 50 000 экз. Издат. № 6970. Зак.1116. Цена 50 коп.

Ордена "Знак Почета" издательство "Физкультура и спорт" Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 101421, ГСП, Москва, К-6, Каляевская ул., 27.

Можайский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
г. Можайск, ул. Мира, 93.

человек
и
природа

В.Ф. Макеев родился в 1924 году. Его детство прошло у моря — в Кронштадте. Там к нему и пришла любовь к водным просторам, к рыбалке. Автору довелось побывать почти на всех океанах и окружающих нашу страну морях, на многих реках и водохранилищах. Его перу принадлежат несколько книг: "Море в огне", "И пусть ветры в лицо", "Подмосковные зори", "Кому светят звезды". В.Ф. Макеев — Заслуженный работник культуры РСФСР.

Владимир Макеев

**КАЖДЫЙ РАССВЕТ
БЫВАЕТ
ОДНАЖДЫ...**

человек и природа